

Полина
Елизарова

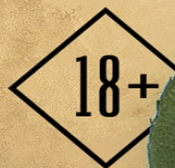
Ровно

посредине,

всегда

чуть ближе

к тебе

Annotation

Трем главным героиням, которых зовут Вера, Надежда и Любовь, немного за сорок.

В декорациях современной Москвы они беседуют о любви, ушедшей молодости, сексе, выросших детях, виртуальной реальности и о многом другом – о том, чем живут наши современницы. Их объединяют не только «не проговоренные» с близкими, типичные для нашего века проблемы, но и странная любовь к набирающему в городе популярность аргентинскому танго.

- [Полина Елизарова](#)
 - [Сентябрь 2017 года](#)
 -
 - [Люба и Вера](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Октябрь 2017 года](#)
 -
 - [Надя и Вера](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)

- [Вера и Люба](#)
- [Вера и Надя](#)
- [Люба и Надя](#)
- [Ноябрь 2017 года](#)
 -
 - [Вера и Люба](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Надя и Вера](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Надя и Вера](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Надя и Вера](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
- [Декабрь 2017](#)
 -
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
- [Январь 2018 года](#)
 -
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Люба и Вера](#)

- [Вера и Надя](#)
- [Люба и Надя](#)
- [Люба и Вера](#)
- [Вера и Надя](#)
- [Люба и Надя](#)
- [Люба и Вера](#)
- [Надя и Люба](#)
- [Вера и Надя](#)
- [Люба и Вера](#)
- [Февраль 2018](#)
 -
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Надя и Вера](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Люба и Вера](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
- [Март 2018 года](#)
 -
 - [Люба и Вера](#)
 - [Надя и Вера](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
- [Апрель 2018 года](#)
 -

- [Люба и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Люба и Надя](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Вера и Надя](#)
 - [Надя и Люба](#)
 - [Вера и Люба](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Полина Елизарова

Ровно посредине, всегда чуть ближе к тебе

Сентябрь 2017 года

- На канале «Ютьюб» появилась лекция психолога Анастасии Долгановой «Мир нарциссической жертвы».
- Более 20 тысяч человек эвакуированы в Москве из торговых центров из-за сообщений об угрозах взрыва.
- Лучшим драматическим сериалом назван «Рассказ служанки».
- Компания Apple представила новый iPhone X. Цена – от 1000 \$.
- Президент Украины подписал закон, предусматривающий прекращение обучения в школах на русском языке.
- В России ликвидирован последний боезапас химического оружия.
- В подмосковной Ивантеевке девятиклассник выстрелил учительнице в голову из травматического пистолета.
- Король Саудовской Аравии издал указ, согласно которому с июня 2018 года женщинам разрешено выдавать водительские права.
- Дочь пресс-секретаря РФ начинает вести на сайте российского Forbes собственную колонку.
- Среднемесячная температура в Москве +12 С°.

Люба и Вера

28 сентября Москва.

Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– ...Сколько себя помню, все вокруг последовательно и цинично уничтожало мою женственность. Но я только к сорока начала об этом всерьез задумываться.

– А сколько тебе? Ну-ну, ты передо мной-то не финти. Карта твоя на столе лежит, лень отрывать.

– Сорок пять.

– И во сколько эти минус десять обходятся в месяц?

– Злая ты, Верка! По-разному... От пятерки до тридцатника.

– Ну все, поехали. Рот пошире открой, пломбу поставлю, потом еще потрещишь.

– Угу...

– Не знаю, как там с женственностью, но у тебя хотя бы есть возможность себя баловать. Да не дергайся ты, там нечему болеть! Думаешь, я бы не стала, если бы свободные бабки были? Ромке все отдаю, кровососу... Вообще все – я не только про деньги. Девку нашел, а что девка? Неряха, неумеха, инфантилизм полный, куда ни ткни! Ничего им не надо, ничего не интересно... Они даже значения некоторых русских слов не понимают. Приезжали вчера, морды постные, вроде как одолжение делают, квартиру сняли – а жрать-то нечего... Он так и набросился на еду, аж тарелку вылизал! А она сидит, косится брезгливо, типа, еда у меня неправильная... Подгрузила на телефоне уродов каких-то, вроде как рэп, только они еще и матом ругаются, ему под нос пихает, глаза горят... Я говорю, вам в Большой билеты брать? Само собой, в подарок. Протрясли что-то, а десятку протянула – мигом схавали, что автомат Сбербанка.

– Говорить можно уже?

– Да ты даже с зашитым ртом заговоришь. Можно...

– Знаешь, ты все равно молодец. Делишься с ним, отдаешь, несмотря ни на что. Я ведь тоже всегда хотела вот так, бескорыстно, отдавать, но... не получалось.

– Что, не брали?

– Ну как не брали – подарки, конечно, все брали, как само собой разумеющееся... Я такой раньше себя счастливой чувствовала, пока их

выбирала-покупала. Сердце колотится: понравится ли, подойдет? Полминуты взаимного счастья, обертки на пол, поспешная щенячья благодарность – а через час я себя ненавижу начинала. Почему всегда я?! Что Кирилл своего тещу, что еще кого... Я уже лет десять как прилично зарабатываю. Но у меня даже не это сейчас в голове крутится, я что-то другое отдать хотела, а это у меня и не просили, никогда...

– Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Все у тебя к мужикам скатывается. Значит, не так и не то могла отдать, раз не просили. Или не тем.

– Скорее всего. И еще: я только недавно поняла, что бóльшую часть жизни провела в неудобстве. Пока жила, дура, только Кириллом – свернусь, бывало, невообразимо, застыну на одной тазобедренной кости, руки немеют, шея затекает, дышать почти нечем, а я лежу, пошевелиться боюсь, только чтобы его, бухого, не дай бог не потревожить, пусть перегаром, но только чтобы рядом сопел... Уже давно сплю одна, его в кабинет выгнала, писателя, ити его мать... Кровать два на два, а сплю все в той же позе, понимаешь? В детстве я с матерью часто спала, пока она отца дожидалась. Семья у меня простая, отец в депо работал, а ничего, по сути, для баб от среды не зависит. Мать жалко было, аж сердце саднило... Откуда-то оттуда все и идет. Дискомфорт, который становится частью тебя самой.

– Похоже на то. Да что ты так в кресло вцепилась? Расслабься, мы закончили.

– Вер, у меня часто пальцы от напряжения дрожат, особенно, когда я сталкиваюсь с чем-то неизвестным... Рефлекторно. Я и неудобство своим присутствием причинить боюсь и одновременно обороняюсь. Мне это человек один вчера сказал.

– Человек... И что, даже частая смена половых партнеров не помогла раскрепоститься? Извини, если резко спросила.

– Вер, это все равно что я тебя спрошу: даже такое количество людей в этом кресле не помогло тебе научиться слышать других?

– Ага, обиделась... Постучи теперь по бумажке зубами. Да не так! Прикуси ее просто. А что за человек-то?

– Ну... Считай, психолог мой.

– Мужик?

– Да.

– Молодой?

– Да.

– Гей?

– Ну почему сразу гей? Не знаю. Но он так выворачивает меня за час, я

просто понять пока не могу – наружу или наизнанку.

Люба и Надя

Москва. Платная парковка рядом с медицинским центром «Гармония»

– Блядь, у нее точно глаза на жопе!

– Что случилось?

– Ща, Вов, погоди... Ну точно, притерла меня, сучка.

– Баба что ли?

– Ага.

– Серьезно?

– Вроде нет, что-то стукнуло слегка. Давай, позже перенаберу. Уехала я на встречу, твою ж ты мать!

– Ты поаккуратней там. Бабы сейчас злее мужиков. И в страховку сразу звони.

* * *

– Ой, простите ради бога! Даже не поняла, как так вышло... Ребенок звонит, его пораньше отпустили, не знает, что ему делать... А я и сама на урок опаздываю смертельно! Он звонит, плачет, связь плохая, ничего разобрать не могу... Кутузовский перекрыли, и как тут рассчитаешь время? Я всегда с запасом выезжаю... Стою в пробке, ярость бессильная, а что делать? Я никого, кроме себя, не накажу, опоздаешь на урок – меньше заниматься будешь, а деньги те же... Подъехала, смотрю местечко не слишком удобное, я задом не люблю заезжать, но других, как видите, здесь нет... Не бросать же машину посреди улицы!

– Хм... Так ты учительница, что ли?

– Да нет. Я испанским здесь занимаюсь, вон в том доме. С репетитором.

– Понятно. Ментов вызвала?

– Я? Пока нет, я думала, вы должны. Ой, погодите, опять ребенок звонит!

– Первоклассник?

– Второй.

– Класс?

– Да. А ребенок третий.

– Ясно... Ну я звоню ментам!..

– ...Что говорят? Ско-о-лько ждать?! Мне же на урок!

– На урок ты опоздала, расслабься. Знаешь, у меня идея: давай им записки с номерами телефонов под лобовым оставим, а сами вон в том

кафе посидим, кофе хочу – аж мозги сводит, и в туалет бы забежала...

– Ой, какая вы дерзкая! Меня Надежда, кстати, зовут.

– Люба. И можно на ты.

– Прости, Люба, что так вышло... Кутузовский перекрыли, а я задом не люблю, а Гриша звонит...

– ...Что орать-то сразу? Кому мы тут перекрыли? Да валяй, пиши уже, я описаюсь сейчас! Объезжай скорее, вагон места! Козлы, блин, вылупились!

Надя и Люба

Москва. Садовое кольцо.

Кафе «Шоколадница»

– И что, прямо у церкви припарковалась?

– Да! А что делать-то было? Три круга намотала, все забито, даже, сука, инвалидные, подруга издергалась, звонит каждые три минуты, сеанс начинается, кофе стынет... Слезы душат, я в четвертый раз через Сивцев Вражек круг выписываю – и вижу: церквушка небольшая. Подъехала к воротам, выскочила, смотрю – идет служитель. Мужчина, говорю, миленький, не бросайте ради Христа, поставьте на территории, я хорошо заплачú! И тут вспоминаю, что у меня в кошельке только пятерка неизменная... Вернусь, говорю, отблагодарю! Через три часа прихожу, пятьсот рублей ему пихаю – спас же. А он и не взял... «Храни тебя Бог, – говорит, – сестра».

– Вот уж действительно, чудны твои дела, Господи.

– Вот уж да. А ты баба красивая.

– Спасибо.

– Неужели трое? И все от одного?

– Кроме старшей. Сразу после школы замуж выскочила... Все глупостью было, кроме нее.

– Бывает. И сколько ей сейчас?

– Двадцать четыре.

– Хера себе! Знаешь, самая молодая в мире это, конечно, я! Но ты и правда офигенная. За таких, как ты, мужики когда-то стрелялись.

– Да брось ты.

– Вообще-то я редко людям приятное говорю, по работе за целый день кривляться надоедает.

– А кем ты работаешь?

– Аферисткой.

– Ха-ха-ха! Я серьезно.

– Я тоже. Убеждаю лохов покупать за приличные деньги лежалый или никому не нужный товар. Слушай, давай не будем об этом! Смотри, какая осень! Страсть как хочется страсти... Но только такой, чтобы без последствий.

– А так разве бывает?

– Если верить, все бывает. А у тебя такое лицо, что с тобой хочется про

осень и даже хочется совсем о другом, о чем люди почти не говорят. Я чувствую, что куда-то падаю... Но небеса, они мудрые, всегда дают шанс. Недавно к одному человеку стала ходить, мне кажется, он помогает остановить падение.

- А кто он?
- Неважно. Он учит дышать, обниматься. Конечно, за деньги, но это уже не имеет значения.
- Обалдеть... Люба, у тебя телефон вроде тренькает в сумке, может, менты приехали?
- Да нет, это муж. Потом перезвоню.
- Хороший?
- Мудила.
- Ой, прости... А зачем ты с ним?
- Он мудила, но свой. А я не умею жить одна. А твой?
- Хороший...
- Не говори, если не хочешь.
- Что не говори? Я же сказала: хороший.
- Угу... Ты на фейсбуке есть?
- Есть. Если позволишь, я сама тебя в поиске наберу, у меня фамилия сложная. Ой, вот и мне звонят! Теперь уже точно менты.

Октябрь 2017 года

- Генерал-губернатором Канады стала женщина-астронавт.
- В Москве покончила с собой 14-летняя школьница, мечтавшая стать балериной.
 - Ксения Собчак объявила о своем выдвижении на пост Президента России.
 - Из-за сексуальных домогательств продюсера Харви Вайнштейна исключают из Гильдии продюсеров Америки.
 - Съёмки «Карточного домика» заморозили после обвинения Кевина Спейси в педофилии.
 - Нобелевская премия по литературе за 2017 год присуждена Кадзуо Исигуро, британскому писателю японского происхождения, «который в романах великой эмоциональной силы открыл пропасть под нашим иллюзорным чувством связи с миром».
 - Президент Украины подписал закон об особом статусе Донбасса.
 - Неизвестный ворвался в редакцию «Эха Москвы» и ранил ведущую ножом в горло.
 - Бывшая участника проекта «Дом-2» Ольга Бузова выпустила дебютный сольный альбом «Под звуки поцелуев».
 - На волне скандала с Харви Вайнштейном американская актриса Алисса Милано запустила в сети флэшмоб #ятоже в поддержку женщин, когда-либо подвергшимся сексуальным домогательствам. Жена обвиняемого в домогательствах заявила, что уходит от него. Полиция завела на продюсера уголовное дело.
 - Несмотря на противостояние депутата Госдумы Поклонской с режиссером Учителем в Москве с успехом прошла премьера фильма «Матильда».
 - Через несколько часов после объявления об исчезновении знаменитого российского актера 82-летнего Армена Джигарханяна журналисты нашли его в одной из больниц, где он заявил, что молодая жена выгнала его из театра и переписала на себя две его квартиры.
 - Среднемесячная температура в Москве +4,8 С°

Надя и Вера

2 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Вера, я дышать рядом с ним не могу, понимаешь? Вроде заболевания какого-то... Сначала дискомфорт был легкий, потом он усилился, в хроническую форму перешло, а сейчас так обострилось, что задыхаюсь, физически задыхаюсь, Вера!

– Надь, да ты охренела?! Вы с Алексеем всегда лучом света для меня были, веришь, нет, когда начинал кто-то зудеть, да хоть бы и я сама, про тяготы и бессмысленность брака, так сразу вы перед глазами... А ты такое говоришь! Хандра это осенняя. Или с гормонами что-то. Хотя рано тебе еще про гормоны думать.

– Вер, ты услышь меня... Я пытаюсь донести до тебя то, что есть на самом деле, а ты меня в какие-то рамки опять загоняешь. Только эти рамки прогнили давно. Прости, но мне и сказать-то больше некому... На днях с теткой здесь неподалеку познакомилась, въехала в нее по неосторожности, интересная тетка, то есть скорее девушка, взрослая совсем девушка... Пока ментов ждали, в «Шоколадницу» зашли. И она мне, чужому человеку, сразу всё и выдала. Наверное, ей стало легче... А я так не могу. Годами в себя всю гадость проглатываю.

– Надюха, это так на тебя не похоже! Вообще забавно... Надо же, с чужой теткой, в которую ты еще и въехала, в кафе пошла! А если бы это была автоподстава? Сейчас столько об этом пишут!

– Ну какая там подстава? Поначалу, конечно, чувствовалось, что она меня матом покрыть хотела, а потом как будто что-то щелкнуло в воздухе и... отличная и несчастная тетка.

– Все вокруг несчастные, когда внутри разлад. И все же я не понимаю, что у тебя с Алексеем стряслось.

– Ничего. Пусто – и все.

– Может, повод есть?

– С его стороны – не похоже. Ты же его знаешь: аккуратненький, как батон с витрины, а внутри совершенно черствый. Неспособен он в кого-то влюбиться, а так просто – чистоплюйство не позволяет.

– Господи, у вас такие чудесные ребятишки!

– Ой, ну не начинай. Еще перечисли, какой Алексей замечательный отец, муж и сын, как он здоровье надрывает на благо любимой семьи,

сколько в старшую вложил и сил, и денег, и бла-бла-бла. Все в нем если не идеально, то почти, кроме одного: он не замечает, что меня давно уже нет. Утром встаю – программа включилась, ложусь – выключается. Но только все чаще сбои пошли, а случается, прямо средь бела дня накрывает. В руль вцеплюсь, слезы текут, так и хочется выйти на трассу, разогнаться и ехать долго-долго, до самой последней усталости, и чтобы на весь салон одна только музыка орала.

– Не получится. У нас все трассы давно стоят, в любой сезон и в любую погоду.

– Само собой... А я домой еду, они же ждут... В выходные пообедаем, он на диван ляжет, давай, говорит, фильм посмотрим хороший. Что-то там не грузится, что-то ему не слышно, он вроде бы и вежливо ко мне обращается, а изо рта так и сочится досада – мол, это ты во всем виновата, – хотя он это сам предложил, а я другой фильм хотела, если вообще – фильм. Секс строго раз в неделю – как с мертвой рыбой целуешься...

– У кого-то и этого нет. Да убери ты свой кошелек, сегодня моя очередь, забыла?

– Понимаю. Думаешь, от этого легче?

– Не знаю. Да, платить будем по карте. Девушка, пожалуйста, побыстрее. Надь, убери деньги, что ты съела-то, одно пирожное?

– Да, но зато хоть с удовольствием. Спасибо тебе, Верунь.

– За что?

– За то, что выслушала.

Надя и Люба

3 октября

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

- Привет) Смотрю, ты в чате.
- Как твой испанский?
- Мејог. Рада тебе)
- Со страховой уладила?
- Да. Не беспокойся)
- Я и не беспокоюсь, у меня КАСКО.
- Читала тебя здесь, ну ты и режешь по-живому.
- Да ладно))) Я просто развлекаюсь.
- Где писать так научилась?
- Муж научил. Хотя этому не учат.
- Дерзкая ты. Но читать интересно, даже если тема не моя.
- Ой, вот это для меня важно! А то мне часто кажется, что лайкают, в основном, уже по инерции. А твоя какая тема?
- Буэнос-Айрес.
- Не была. Туда хрен знает сколько лететь. Собираешься в отпуск?
- Туда все равно не получится. Мои Испанию любят.
- А ты?
- Что я?
- Что любишь ты?
- Свою семью.
- Это я поняла. А еще?
- Ой, это здорово, что мы списались) Ну все, мне бежать пора.
- Хорошего дня)
- И тебе)

Люба и Вера

5 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Знаешь, я иногда захожу на страницу к своему первому парню.

– Так вы до сих пор общаетесь?

– Конечно нет. Нашла его в соцсети, фамилию мужики редко меняют, а внешность еще реже.

– И что, обозначилась?

– Вот еще! Просто, бывает, не спится, вспоминаю что-нибудь, как осколки крошечные из давно забытой раны выщипываю.

– Ой, не знаю... Мне, например, такого рода вещи совершенно не интересны. Валя, у меня еще прием! Вот и пусть ожидает по времени. И что же тебе у него интересно? Я так подозреваю, четверть века прошло или поболее?

– Ну как тебе объяснить... Каких-то два сантиметра в другую сторону – и я могла остаться с ним и с его никчемной компашкой.

– Так ты жалеешь?

– Шозабред?! Просто любопытно, как он прожил все это время без меня, с кем-то еще, а мог бы со мной. А я – так слава богу, что не с ним!

– Ясно. Лишний раз укрепляешься в мысли, что твои два сантиметра качнулись в правильную сторону.

– Нет... Скорее как кино просматриваю. За неживыми фотографиями – живое. Вот я и додумываю, что там, и, уверена, почти не ошибаюсь.

– Ребенка бы тебе еще одного. Усыновили бы кого-нибудь, спасли человечка...

– О чем ты?! Я рада, что Юрка давно уже взрослый и самостоятельный, не обуза, а друг! А ты такое! И потом, я никогда чужого не приму... Просто не смогу себя заставить.

– Я тоже. Ладно, это я так... Но я вот, например, страдаю от того, что Ромка, гад, так быстро вырос. И все издержки его взросления, девка эта, хата съемная, плохое питание – а он еще и курит натошак, – все это меня просто в ступор вгоняет!.. Валя, а Геннадий Павлович не может сам салфетки себе выписать? Да бери уже, раз пришла. Безответственность сплошная. Я что, бюро добрых услуг?! Бери и иди! Да, ровно в четыре приму ее.

– А мне девушка одна очень нравится. На Генкину медсестру чем-то похожа.

– Ну... цирк приехал! Хотя сейчас это чуть ли не норма. Но ты все-таки не Рената.

– Пффф... Я вообще не про это. Она мне как произведение искусства нравится, какой-то своей инаковостью. Я думала, такие уже не водятся. Вижу в ней себя – такую, какой никогда не смогла бы стать.

– Любишь ты так, напоследок, огорошить. Давай, беги! В следующий понедельник придешь. А ты как думала, милая моя? Если хочешь Голливуд, еще долго походить ко мне придется.

– Пока-пока.

– От дура шизанутая... Когда жить для кого-то не получается, всякой хренью бабы начинают страдать... Валя, приглашай!

Надя и Люба

8 октября

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

– Люба, привет) Я не слишком поздно?) Можно тебе кое-что очень личное написать?

– Конечно. У тебя проблема?

– Проблема? Я жить не хочу.

– Опа... Так сразу... Да ты чего?! Напилась, что ли? Где ты вообще?

– Дома.

– А любимая семья?

– Спят все.

– И с чего тебя вдруг накрыло? Признавайся, мужик?)

– Нет мужика. Вообще ничего нет. Стагнация.

– Так ты все-таки пьешь втихаря?

– Бокал красного вина.

– Дорогая моя, это все осень. Дефицит витамина Д. У нас солнце почти по самый июль не включали, потом на два месяца одолжение сделали и снова выключили. Саму мотаает в последние дни не по-детски... И все-таки что стряслось?

– Пресно. Пусто. Невыносимо.

– Блин, ты же счастливая мать! И, наверное, жена?

– Я им совсем не нужна. Они все чем-то заняты.

– И второклассник?

– И второклассник. Он же папин сынок. Хоккей с шести лет, а я так – подай, отвези.

– Ща, погоди! Будь здесь, что-то мать звонит, отвечу.

– Ок.

– Вот черт... Дядька умер. Поехал, божий человек, в деревню к родственникам, бухал, видать, по-черному и помер во сне.

– Ой, прими мои соболезнования...

– И все ведь опять на меня, будто я железная! У матери язык заплетается: то ли водки жахнула, то ли с валокордином переборщила. А что она еще умеет? Только паниковать и вопить... Своей семьи у дядьки давно нет, друзей, похоже, тоже. Снова все дерьмо в меня летит. Выходит, никто другой сделать ничего не может.

– А муж? Он разве не помогает?

– Муж... Я часто забываю, что он есть. По фигу все мужу, даже ставить в известность нет никакого смысла. Приобнимет для вида, а мне от этого только хуже. Ох... Завтра придется агента искать, доверенность оформлять, документы на транспортировку.

– Сочувствую.

– Надя, он ведь жить хотел! Больной весь, псориазный, бухал всю дорогу, а жить хотел! А теперь вот гниет в глуши его труп... Мать сказала, его на третий день только нашли. Ты поняла меня?! Выброси всякую хрень из головы. Не нужна она никому. Слова это все, пустые слова.

– Буду стараться.

– Вот. Давай, учи свой испанский и спать ложись. Утро вечера мудренее. До связи.

– Держись там. И прости меня за глупость. Вырвалось.

– Не парься. И не пропадай.

Вера и Надя

9 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Нет, девушка, я просила латте с ореховым сиропом, на соевом молоке и без кофеина. А вы что принесли?

– Вер, ну хочешь, я его выпью, а тебе другой сделают?

– С какой стати? Пей свой шоколад.

– Я могу и то и другое.

– И при этом пьешь только воду! Девушка, куда это вы уходите? Нет, моя подруга тоже не будет это пить, переделайте как должно быть: без кофеина, на соевом молоке и с ореховым сиропом. Да, принципиально! Мне не нужно рисовое, ненавижу рис!

– Что-то ты сегодня совсем не в духе.

– Ну почему же? Просто меня такая безответственность подбешивает! У меня приятельница на днях была, из тех клиенток, что ко мне как к психологу уже приходят, лет десять ее пастью занимаюсь... Так вот, я над ней офигеваю: пятый десяток бабе, замужняя всю дорогу, сын давно женат, а у нее то роман очередной, то ностальгия по юности, то дышать она где-то учится, то в женщину, говорит, влюбилась... Пожизненная психологическая незрелость. И ничего. Фартит ей по ходу пьесы, выносит ее течение вместе со всем этим бредом.

– А что у нее, карьер?

– Какой карьер? С простым карьером – это к Генке. Тут куча всего – и лечим, и прикус правим, и виниры ставим, она машину по весне поменяла, теперь улыбку поменять захотела.

– Завидуешь?

– Я?! Даже если и так, то не по-хорошему... «Попрыгунью Стрекозу» помнишь? Вся в кредитах, что в шелках, и все веселится.

– Может, тебе бросается в глаза то, что ты себе позволить не можешь?

– Предположим. Но, если честно, она грузит меня своими откровениями.

– Расскажи подробнее! Откровения незнакомых людей – это всегда так интересно!

– Да не о чем тут рассказывать. Любят некоторые с мазохистским удовольствием копать у себя в башке. Притягивают друг к другу несвязанные между собой вещи.

– Например?

– Например, танцы у нее, оказывается, ассоциируются с гневом и раздражением. Это она мне как великое открытие сегодня вlepила! Типа, как-то в детстве, случайно, на кухню ночью зашла, там мать на столе танцевала, а пьяный отец ухмылялся и смотрел. Ты представляешь, сколько людей на воздухе деньги зарабатывают? Те, кто за приличные бабки придумывают несуществующие причинно-следственные связи?

– И с чем тут связь?

– Типа с тем, что все, что связано с телом, вызывает у нее зажатость. Мужиков вокруг табун, красивая, далеко не глупая...

– Она пытается что-то в себе понять. Разве за это можно осуждать?

– Надюша, что там понимать? Все мы, сорняки, как-то приспособились и живем со своими порезами, раз живы до сих пор. Эти травмы детства, неосознанное, усыпленное и бла-бла-бла – одно словоблудие! Психологию я еще в институте не любила и прогуливала, ибо не фиг людям и без того туманное туманными словечками голову морочить. Хлам это лишний как картонные упаковки таблеток и мазей: уж и препарат годами в бою, и аннотацию к нему наизусть знаешь, но некоторые с этим хламом расстаться не могут, копят подобный мусор, а еще открытки и коробки из-под обуви. Вообще-то, я думаю, она пытается найти причину отсутствия способности кого-то, кроме себя, любить. Но это ведь не каждому дано! И наркоманами, и алкоголиками, и поэтами, и любящими – ими рождаются.

– А если это не отсутствие способности, а просто ее время еще не пришло?

– Я тебя умоляю! Ее время скорее уже ушло... Родилась она уже без этого органа, а он, фантомный, нет-нет да подсасывает, вот и развлекается она, лишь бы в этом самой себе не признаваться. Чем бы дитя ни тешилось...

– По-моему, она борется. А к борьбе может мотивировать только живой орган.

– Хм... Если она и борется, то только с собственной духовной пустотой. Ну а ты, чего одну воду-то пьешь? Ты сама как вода.

– Настолько обычная?

– Настолько от погоды зависимая.

– Так сносная погода сегодня.

– Что у тебя с Лешкой? Отпустила дурь?

– Не было никакой дурь, а потому и отпускать нечему.

– Нерв в тебе появился. Только я понять не могу, откуда он мог взяться

в твоей-то сытости? Надь, если закрутила романчик – нет-нет, ты можешь не признаваться, даже лучше не признавайся, все-таки он мой брат, – но я все же скажу... Ой, аккуратней, на, возьми салфетку, у тебя шоколад по подбородку течет... Так вот... Да дослушай ты! Отвечать не надо, я просто скажу, и все. В браке всяко бывает, это просто надо пережить. Ты основной ориентир, главное, не теряй. Кстати, хочешь историю? Как ты любишь – про незнакомых тебе людей.

– Хочу.

– Соседка у меня есть, тетка почти, Вероника. Соседка – это не подруга, но особое звание. Только ей можно курить у тебя в квартире. Тебе-то не понять – ты в полный дом бежишь... С соседкой во внешнем мире может ничего не связывать, но раз – вечер, выдох, скорый ужин на плите, масло у нее закончилось или просто тревожно, и изо всех этих кухонных шкафчиков, тарелок и чашек глядит твое привычное настоящее, которое не замаскируешь ничем, да и не получится, ты уже в домашнем халате. Потому и откровенность глотками горькими под кофе, а случается – и густая, слезная, под винишко.

Соседка – это большие уши и незакрывающийся рот. И еще полная безопасность: уши со ртом постоянно чередуются! И летят в тебя просроченные обиды, прокисшие воспоминания и замороженные любви, но случается – еще теплое, вполне съедобное тебе швырнут. А завтра наступит твоя очередь. Так и живем. Ну вот, отвлеклась я... Делал ей молдаванин ремонт, суть да дело – втрескалась она в него. Мужик в самом расцвете, все в руках горит, сила брызжет, сама понимаешь, баба незамужняя, так, случайно и иногда кто-нибудь заночует... Но у нее планка высокая: не столько материального, сколько совпадения, понимания она искала. И нашла полуграмотного женатого молдаванина.

– А кто она?

– Представь себе, психолог. Сиди, не падай – детский психолог в школе! Короче говоря, промучилась она в невыносимых сомнениях, потом в голове что-то подкрутила, все сама себе объяснила и полностью в нем растворилась.

– А жена?

– Что жена? Под Кишиневом где-то... Говорил, что жена только денег от него ждет. По ходу еще и ребенок у него нарисовался. Но это, знаешь, в ее устах было незначительным дополнением, как будто он безвинно отсидел полжизни, а встретив ее, на свободу вышел. Мазок трагизма к его почти безупречному портрету. Вот уж воистину влюбленные глаза творят чудеса! Она ко мне даже заходить перестала, а если сталкивались на

лестнице – без преувеличения говорю, – я встречала богиню! Своего огня ей на двоих хватало. И почему для этого нам всегда нужен мужик?!

В общем, ремонт она за год худо-бедно закончила, чашечки-полотенчики пошли, трусы-носки и билеты в кино. Он отъезжал на родину, мигрантам же по закону положено, ну и с семьей повидаться, с матерью больной, старой. Нет, она всегда понимала, что хеппи-энда не получится, никаких условий ему не ставила, парила с ним, понимаешь? Прекрасно зная, но совсем не беспокоясь о том, что ее круг никогда его не примет, только вот если кому смеситель поменять, и что все свои заработки он будет сыну с женой и старухе-матери отправлять.

Надя, ну сделай лицо попроще! Тебя Лешка не тем тоном за ужин поблагодарил – ты отчаянье вселенское давишь, а у многих вообще ничего нет, представляешь? И не все, как я, могут осознанно эту дверку захлопнуть! Против природы не попрешь. Одним словом, уехал он по весне, но обещал вернуться.

– А она красивая?

– Хм... Интересная. С богатым внутренним миром. И вечными бытовыми проблемами, с которыми удачно разбирался молдаванин, правда, как я между делом уточнила, полностью за ее счет.

– Он не вернулся.

– Нет, вернулся! В город. И в одну минуту этой встречи стянулось все, от чего она так упорно отмахивалась, все, о чем я ее предупреждала. Что-то ей на строительном рынке понадобилось, а может, тоска туда привела, и видит она у одного павильончика счастливейшую пару: своего молдаванина с женой. А жена, если ее переодеть, провинциальность сбить, настоящая красавица: дородная, фигуристая, не то, что моя анорексичка, а главное – до неприличия счастливая!

– Неужели она к ним подошла?!

– Конечно нет. Они за руки держались, плитусы какие-то громко обсуждали, наверное, он давно уже был в городе и получил очередную работу.

– И что, он совсем ей ничего не объяснил?

– Практически нет. Еще раньше что-то стало сквозить в их переписке, мол, я тебе не пара, давай сохраним хорошие воспоминания, сейчас не время что-то менять...

– Он подлец.

– Нет, Надя. Это она безответственная фантазерка. Я тебе к чему: глоток свежего воздуха иногда бывает необходим, но семья – это святое. Семья, уж коли ты решила ее иметь – это и есть настоящая жизнь... Кто

там у тебя уже тревожится, Алексей?

- Нет, мой преподаватель испанского.
- И к чему тебе испанский? У тебя же муж по-английски свободно.
- Зато не все испанцы свободно по-английски.
- Ясно. Так это он тебе воду баламутит?
- Прекрати. Он чуть старше моей Кристины. К тому же иностранец.
- Иностранец это не болезнь. Как зовут-то?
- Анхель. Ты чего так усмехаешься?
- Да нет, тебе показалось.

Люба и Надя

9 октября

Московская область. КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Ку-ку, и ты здесь?

– Ага. Сижу, читаю твой пост про скрытое насилие в семье. Я спросить хочу... Нужен ли брак в принципе?

– Как гражданская единица отвечу однозначно: да. Это позволяет сохранять хоть какой-то порядок. А как женщина скажу иначе: имеет право быть, но очень редко. Продолжать?)

– Конечно.

– Изначально брак должен быть основан на страсти, дикой и бессовестной, когда до слюней, до трясучки, до животного состояния. А такое не у каждого в жизни встречается. Но если и повезет, чаще всего из этого космоса тебя выкидывают обратно, так же неожиданно, как впустили. Но уголек все равно будет тлеть. И только вокруг этого уголька имеет смысл что-то выстраивать, потому что во всех остальных случаях люди возводят башни вокруг пустоты.

– Зато у башен красивые названия: «стабильность», «долг», «ответственность», «милосердие».

– Ага! И еще «время пришло», «удобно», «комфортно», «лучше-чтоб-с-отцом» или «но-она-же-мать-моих-детей».

– Точно.

– Как твое настроение?

– Стабильно безрадостное.

– Таким, как ты, разводиться нельзя.

– С чего ты взяла, что я об этом думаю?

– Думаешь. Но тебе нельзя. В твоём случае дорога из башни только в сумасшедший дом или в бутылку. Ты совсем беззащитная. Ты не умеешь творить реальность.

– А ты?

– Умею, но творю все что-то не то(Не выключайся, пойду чай заварю, целый день не ела, да и не хочу, башка плывет.

– Осень(

Люба и Вера

13 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония»

Отделение стоматологии

– Вер, десять минут. Мне надо машину переставить, я так ее бросить не могу. Ой, стойте, мужчина, стойте! Я все хочу узнать, можно вот здесь, на островке, парковаться? Да, но я же сюда влезла, еще и с запасом. Нет, инвалидного знака на нем не было... Вот, Вер, ходят, щелкают, а сами не знают, можно или нельзя. Бегу уже, бегу! Такой сейчас ужас расскажу...

– За тобой парковщик гнался?

– Он не парковщик, а этот, в зеленом, который показания с машин снимает... Уф-ф-ф...

– Садись, отдышись. Что такая заполошенная? Все по времени, мы успеваем. Кофе, может? Люб, ты что, плачешь? Из-за парковщика? Эй, да ты что?!

– Вера, я залетела.

– Куда залетела? В смысле? Так кофе или воды?

– В прямом. Подташнивало последнюю неделю, думала, от препаратов, которые ты мне в рот пихаешь или от этого, с «Тенора», в синтетической рубашке. Три корпоратива с ним отработала, с вонючкой этой мухосранской... Не поет, а голосит, как кошка драная, а пипл хакает! Задержка у меня была две недели. Ну, у меня цикл всегда был чуть больше месяца, в первую неделю насторожилась, но особо не парилась: как обычно, носилась по городу, пописать – и то некогда. Потом уже чувствую: какая-то херня... Может, думаю, климакс?! Хотя у матери моей он только в пятьдесят восемь случился.

А сегодня утром тестер две полоски, блядь, выдает... Как так? За что?!

– погоди паниковать! Ну чего... Оставляй да радуйся.

– Типун тебе на язык! Сдурела?!

– Ну родишь в сорок шесть, и что? Я в сети сегодня прочитала, в Бразилии одна в шестьдесят девять родила.

– Крокодила?

– Ребеночка. Да не трясись ты так. Тебе что, смертный приговор вынесли? Ну избавишься... С таким сроком, как говорится, достаточно одной табл-э-тки. Люб, ну успокойся!

– Вера, это конец.

– Тебе с сахаром, молоко?

– Вера, это пипец.

– Ты что, из деревни вчера приехала? При любом твоём решении не вижу никакой катастрофы, разве что кесарево у тебя будет. Но тоже хорошо. Уснула-проснулась, а рядом малыш.

– Какой малыш, издеваешься?! Я и не выношу, да и...

– Выносишь. Как лошадь здоровая. Курить бросай и отдыхай побольше.

– Я не курю.

– А я думала, куришь. Откуда же налет такой?

– Кофе литрами. Вера, я не знаю, кто отец ребенка.

– Опа... Какие варианты?

– Или мой урод или Вовка.

– Вовка?

– Мой Вовка, Разумов.

– Так это ж вроде друг? Этот, который приходил ко мне в прошлом году, коронка у него по пьянке сломалась. Он?

– Именно.

– Валя, спасибо. Сюда поставь и валерьянки найди, будь так любезна. Валя, дверь-то прикрой!.. И как так вышло?

– Случайно.

– И давно ты с ним?

– Давно. Дружим много лет. Он водилкой раньше был у Филимонова, бывшего шефа моего мужа. Мой тогда с ним и закорешился, а потом мы уже семьями. А тут, в самом конце августа... В общем, неважно. Случилось, и все.

– Женат он?

– Навеки. На мешке бесформенном. Да дело-то не в этом! Он такой удушливо-понятный, что даже если бы и холост, я никогда с ним жить... Я, конечно, прерву беременность, прямо завтра. Ой!

– Люба, успокойся! Возьми себя в руки. Ну что тебе, впервой?

– Да не впервой, но я не хочу! Сейчас уже не смогу, понимаешь? Я только что-то понимать стала, про себя, про жизнь, и такая подстава! Когда кто-то умирает, страдает не тот, кто умер, а те, кто рядом. Так вот, я уже страдаю от одной этой мысли... Тем более сама, своими руками! Нет, я не смогу.

– Да не своими, а руками врача. Я очень хорошего врача могу посоветовать, тактичного, опытного, она здесь, в нашей клинике, кстати, принимает. Хочешь, наберу?

– Не надо пока. Вера, я сдохну прямо здесь! Только от одной мысли о том, о чем ты сейчас говоришь!

– На, возьми. Прекрати трястись, это просто валерьянка. Две, нет, лучше три таблетки, держи. Садись в кресло, отвлечешься.

– У меня еще и дядька помер под Калугой. Мать задолбала истерить, звонит каждые полчаса. Вовка агента нашел хорошего. А кто еще, кроме Вовки, поможет? Но он ничего не знает. И не должен узнать. Я не могу его так глупо потерять, Вовку... Мне, Вер, и опереться больше не на кого. Да, он совсем не мой герой, дурилка этот картонный, но... Ох, Вера, это я во всем виновата. Помнишь, наводнение в конце августа случилось? Пол-Москвы тогда затопило, и меня... вместе с ним. Нет, не могу об этом...

Вера и Надя

16 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Ромка пропал.

– В смысле пропал?

– В прямом. Вторые сутки пошли, как не отвечает на звонки и сообщения. Тварь эта аморфная сегодня на пятый раз только трубку взяла, еще зевнула, это в одиннадцатом-то часу! Я из нее еле выудила, что Ромку она со вчерашнего дня не видела. Ушел, говорит... Да нет, Надя, она даже не говорила, я это все клещами вытягивала!

– И что вытянула?

– Ну что... Ушел вчера на встречу с какими-то институтскими друзьями. Имена-фамилии она не знает, только пару кличек назвала: Бзик и Спойлер. Уроды, блин... У меня такое ощущение, что это новое поколение – не живые люди, а ники, аватарки и идиотские словечки, зависающие в дыму от набитых каким-то дерьмом ингаляторов, которые они изо рта не вынимают. Не люди, а карикатуры на людей.

– Вер, успокойся.

– Надо пойти заявить.

– Не паникуй раньше времени.

– Слушай, дерни Алексея, может, у него есть кто в органах?

– А сама не хочешь?

– Да не могу я с ним после Пасхи нормально общаться. Не то чтобы обиделась, это-то я переживу, просто одалживаться не хочу.

– Понимаю. Он был крайне бестактен с тобой, а с другой стороны – ни оскорблений, ни крика не было, выходит, и придраться не к чему. Для него это, к сожалению, нормально... Не беспокойся, я поговорю с ним вечером. Ну а ты, в свою очередь, сразу информируй, как Рома объявится.

– Само собой. Выпьешь?

– Не могу: я, как обычно, за рулем.

– А я выпью немного. Девушка, подойдите, пожалуйста! Это все очень странно, Надя.

– Не накручивай себя. Может, он со своей поругался и психанул. Этим и можно объяснить ее нежелание с тобой разговаривать. Уверена, он до сих пор зависает где-то с друзьями.

– Я ему не девушка! Он не имеет права так со мной!

- Вера, ему уже двадцать три года, и он взрослый мужик.
- Какой взрослый?! Ни насморк вылечить, ни в парикмахерскую сходить без моего контроля.
- А зачем ты его контролируешь?
- Зачем?! Да потому что он debil.

Надя и Люба

16 октября

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

- Привет, как ты?)
- Прости, долго не отвечала. Попала я. В дурацкое положение(
- Что, так серьезно?
- Более чем.
- Помощь нужна?
- Мне никто не поможет. Ладно, проехали... У тебя как дела?
- Стабильно безрадостно. Еще и племянник мужа пропал.
- О как... Близкий тебе человек?
- У мужа сестра двоюродная, это ее сын. Не могу сказать, что он с ними одна семья, но так сложилось, что это я с ней дружу.
- Бывает. Часто чужие во сто крат роднее кровных и душой, и поступками.
- Хорошо, если есть такие рядом. От одиночества сдохнуть можно.
- Сдохнуть можно от неразрешимой проблемы.
- Неужели совсем невозможно разрешить?
- Совсем, Надя. Как будто черт стоит за спиной и ухмыляется: «На, получи!». Грешила я, что душой кривить, но чтобы вот так...
- Ты говорила, что ходишь к какому-то чудесному человеку, вдруг он и поможет?
- Кстати, да. Облом завтра с моим занятием. Мне в деревню ехать, где дядька помер. Взяли менты агента похоронного по дороге, оказалось, у него уже год как регистрация просрочена. А дядька там гниет. Кроме меня, ехать некому.
- Держись, Люба! Сегодня из страховой звонили, все ок, починит тебя моя страховая.
- Не парься, я и забыла. Но спасибо.
- Пиши.
- И ты.

Люба и Вера

19 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Привет, Верунь.

– Привет. Иди, садись в кресло. Потом к Потаповой тебя отведу.

– Кто это?

– Гинеколог.

– Я не пойду сегодня.

– В смысле?

– В прямом.

– Что, ошастливила новостью отца? Которого из них, разобралась?

– Прекрати.

– Ну ты даешь! На прошлой неделе ты в истерике билась, а сейчас стоишь с таким видом, будто не тебе, а мне это нужно! Решила проблемы со своими мужиками – я только рада, но можно было и в известность меня поставить, я же уже договорилась.

– Я ничего не решила. Под Калугу гребаную за дядькой ездила. Вчера похоронили. До сих пор себя чувствую, как в кошмарном сне. Сначала машина на подъезде к деревне в грязи застряла, я тыр-пыр, вперед-назад, а она только вязнет и ни с места. Хорошо, я в кроссовках была, кое-как вылезла, джинсы по колено в дерьме, вокруг ни души, бегу к деревне, и первый же двор глядит на меня пустыми глазницами. Я дальше – все то же самое: мертвые, осевшие враскорячку дома. И везде, главное, занавески, как саван, на окнах. Там, может, и живет кто, но, думаю, призраки, обиженные и злые. Знаешь, что там было страшнее всего? Ржавые велосипеды у ворот и игрушки детские в гнилой листве. Кое-как название улицы отыскала, бегу, пытаюсь номера домов различить. Леший какой-то встретился, заросший, вонючий, полвека пьяный. Прошамкал что-то, где дядькиных родственников искать, и исчез за поворотом. Опять вокруг ни души, это середь бела дня! Хотя там даже и не день, а свет жиденский, что щи пустые, а деревья – как виселицы вдоль дороги. Я думала, так только Припять выглядит, судя по фото. А это всего двести километров от Москвы. И тут еще вспоминаю, что телефон в машине на зарядке остался, хорошо хоть кошелек с собой, в сумке... А с другой стороны – кому он там нужен, кошелек? Что я могу купить, что решить в этом мрачном

безвременье? Ни людей, ни ментов, ни детей – вообще никого! И такая паника меня охватила... Всего четыре часа езды, и все то, за чем мы привыкли отгораживаться от мира, рухнуло в считанные минуты. Сожрали бы меня людоеды – никто бы не узнал.

– Ад какой-то.

– Ан нет, оказалось, и в аду живут. Наконец нашла на другом конце деревни нужный дом. Братан дядькин сидит за столом, самогонку жрет и в телевизор смотрит, а там интервью с Собчак, мол, правда или нет, что она в президенты баллотироваться собралась. Он смотрит вроде на нее, а на самом деле мимо и пусто, и губами что-то скверное бормочет. Ему все эти люди из телевизора – что нам инопланетяне. Нищета в доме, посуда вся как оспой болеет, но довольно чисто. Баба у него без возраста, сама не бухает вроде... А даже если бы бухала, ничего бы это не изменило. В общем, оживились они слегка, когда я представилась, и ныть про свои тяготы в связи с дядькиной смертью начали. Чувствую, денег хотят... А за что им денег? За то, что жизнь свою в этом мраке просрали? Короче, отдали они нужные бумаги, соседа какого-то привели, он помог мою машину вытащить, и я в морг поехала. А дальше уже на автомате все.

– Ладно, открывай рот. Через полчаса Галина Сергеевна ждет, как раз в окошко тебя впихнули.

– Не могу я сегодня, прости, Верунь. После тебя на занятия побегу, неделю не занималась, да еще стресс за стрессом. Буду пробовать хоть как-то восстановиться, прежде чем решать.

– Что ж... Смотри, если безоперационно, то только до восьми недель. Давай-ка, лови ее телефон и сама договаривайся.

– Спасибо.

– А у меня Рома пропал.

– Как пропал?

– Молча. Ушел из дома и не вернулся. Телефон выключен, на сообщения не отвечает.

– Ужас какой! А девушка его что говорит?

– Вчера в отделение ходили, глазки бегают у нее, свинячьи такие глазки, вечно припухшие, как у этой, как ее... у Йоханссон, но сжата в комок, на вопросы следователя отвечала четко, поди разбери, врет или нет.

– Они могли поругаться. Может, не врет, а просто не договаривает.

– Да и хрен бы с ней. Люба, я твоим коллизиям сочувствую, но у меня-то сын пропал, единственный сын!

– Верунь, успокойся, найдется.

– Это что, пуговица от пальто?! Найдется...

- Ты бы написала, у меня ведь не горит. Зачем на работу ходишь?
- Да я дома оставаться не могу. От каждого звука вздрагиваю, все кажется, сообщение пришло или звонок пропустила, за телефон хватаюсь каждые пять минут, ни на что переключиться не получается. А здесь хочешь не хочешь, а приходится.
- Держись, дорогая. Все прояснится.
- Надеюсь. Хожу, как в липком страшном тумане. Чувствую себя, как ты в той своей деревне.
- Понимаю...
- Понимает она! Кончай ерундой заниматься, иди к Потаповой и реши свою проблему. Всего и делов-то.

Вера и Надя

23 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Позвонил он вчера.

– Откуда?!

– Не знаю, не определился номер.

– Вот. Я же говорила, все будет нормально.

– Нормально?! Надь, ты дура? Я тебе говорю, номер не определился... и-и-и-и-и... я почти ничего не расслышала!

– Спасибо, молодой человек, помощь нам пока не нужна, на, Вер, возьми платок. Да чистый, чистый он, только что пачку при тебе распечатала. А почему не расслышала?

– В клубе была. Там музыка громкая.

– Ты ходишь в клубы?!

– Конечно нет. Но это особое место. Там танцуют аргентинское танго.

– Ты танцуешь?

– Ну уж куда мне, да? Такому отстою, как я. Ты же об этом сейчас подумала?

– Ну что ты...

– Ты даже лукавить не умеешь. Ума не приложу, как ты столько лет с одним мужиком прожила.

– Верунь, не надо на меня нападать. Я сама мать, я чувствую твою боль и...

– Боль?! Да ты всю свою жизнь живешь за Лешкой как за каменной стеной, что ты можешь знать о боли?! Ах да, тебе же больно, что ты домой особо не торопишься, куда «Утконос» оплаченную мужем жратву привез! Ой, чуть не забыла: брат сказал, вы на «Азбуку вкуса» перешли, там помидоры краснее и яйца белее. И попробуй ему возрази.

– Перестань. Боль не измеряется в граммах.

– У некоторых она измеряется в килограммах.

– Угу...

– Знаешь, вчера мне показалось, что танцующие танго ходят по боли, будто топчут ее, чтобы не так остро чувствовать.

– Как же ты там оказалась?

– В первый раз случайно попала, клиентка одна пригласила. Я сначала даже не поверила, что такое может существовать где-то рядом. А вчера

пришла совсем уже на грани, больше мне некуда было пойти.

– Это что, вроде клуба знакомств?

– Я тоже так поначалу думала. Нет, Надя, может, они и знакомятся для личных целей, но я этого не заметила. Всего-то триста за вход...

– Неожиданно... Так что с Ромой?

– Понимаю, ты, должно быть, удивлена! И презираешь меня, ведь я должна была дома сидеть и ждать звонка. Но это даже хорошо, что я в тот момент оказалась в клубе. Была бы дома – скорее всего кричать бы начала, оскорблять, ведь ко вчерашнему вечеру я дошла уже до последнего предела... А теперь хоть есть надежда, что он снова выйдет на связь.

– Что он сказал?

– Мне с трудом удалось расслышать, что жив-здоров, просит не волноваться и его не искать. Все.

– А менты что говорят?

– Уже ничего. Была у них утром, они уточнили, уверена ли я, что звонил именно сын, я сказала, да, уверена, следовательно в ответ лишь вяло усмехнулся. Думаю, они уже закрыли дело, а может, и не открывали. Но девка его сто процентов что-то знает. Она совсем не похожа на раздавленного неизвестностью человека. Единственное, что есть хорошего в этой сучке, – своим спокойствием она поддерживает во мне уверенность, что ситуация поправима. На вот, зацени ее фото в инстаграме. Я уже везде, где можно, после его пропажи зарегистрировалась, а надо было сделать это раньше.

– Боже... Это что, гуманоид?

– Нет, это она, его Анечка. В жизни все не так: мышь безликая, шмотье бесформенное, ни одной понятной эмоции на лице, а слова бесцветные изо рта еле процеживаются. Хорошо, это мейк-ап и фотошоп, но они же считают это уродство, эти раздутые губы, пустые, на пол-лица, кукольные глаза, ацтекские неестественные скулы с рязанской губернией в анамнезе, эталоном красоты! К чему мы идем? Гляди, эта фальшивка успела набрать уже сотни лайков! А вот две недели назад, они с Ромкой где-то в центре, в кафе. «Пельмени как у бабушки», 600 рэ порция. А когда они в последний раз видели своих еще живых бабушек?! Надя, он же от нее сбежал, от них всех, понимаешь? Я Ромку знаю как никто другой, он книжки правильные читал, голубей раненых да собак бездомных все детство домой норовил приволочь, а эти даже если и жалеют кого, так сразу весь мир должен об этом знать. И не от жалости это происходит, а от пустоты. Не люди – карикатуры на людей!

– По-моему это всего лишь попытки заявить о себе, естественные в их

возрасте. А с другой стороны – виртуальным эксгибиционизмом сейчас каждый второй страдает. Но у молодых это органично получается. Для них это привычная реальность.

– Значит, я уже давно не в реальности.

Люба и Надя

24 октября

Москва. Большая Никитская. Кафе «Кофемания» – Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Про меня совсем не интересно. Сажу в кафе, человека жду. Пробки дикие, он опаздывает. Как ты? Напиши, что сейчас делаешь.

– То, что позволяю себе делать днем, когда мои расходятся.

– Гы. Секс по интернету?)))

– Брось. Я даже не знаю, как это искать)

– Тогда что? Вебинар для гейш? Мне почему-то кажется, ты могла бы стать первоклассной гейшей.

–))) Все намного прозаичней. Сажу и покуриваю в окно.

– Так ты куришь? И твои не знают?

– Нет. Муж бросил лет пять назад, теперь на дух не переносит курильщиков, особенно женщин. Я после иду в душ, пол-тюбика пасты уничтожаю, сверху духи, а в квартире устраиваю сквозняк.

– А гамбургеры он любит?

– Бывает.

– Выпить?

– Может.

– Я никогда серьезно не курила, в детстве туберкулезом переболела, но просто офигеваю от многих вещей, которые скорее всего рождаются из чисто коммерческих расчетов, а потом стремительно превращаются в массовый психоз. И это при том, что больше половины страны как курили, так и курят! Всех курильщиков – из ресторанов на мороз, в аэропортах курилки прикрыли, как результат – в сортиры очередь, теперь, когда знакомые закуривают вне дома, говорят, что каждый раз чувствуют себя так, будто преступление века совершают. Но разве фаст-фудовские обжоры свое здоровье меньше гробят? Пускай бы тоже жрали генетически модифицированные булки по сортирам, чтобы пример дурной не подавать. И картиночки жуткие на упаковках этого дерьма пусть бы тоже печатали. А бухает у нас каждый второй. Бокальчик-другой за ужином, под сериал после ужина, в отпуске – каждый день, на праздники – вообще святое. А праздников у народа много. За те пятнадцать минут, что я здесь сажу, мне уже два раза барную карту предложили, и это днем! Алкашка, в отличие от сигареты, меняет психику и разрушает личность. Но ведь куда ни пойдешь,

первый же вопрос: «Что вашей печени налить?».

– Забавно. Но, по-любому, курение не件зно.

– Думаешь, твоя ложь полезнее? Партнер обязан принимать тебя такой, какая ты есть, в противном случае это не партнерство.

– Мы больше двадцати лет вместе.

– Удивила. Мы двадцать семь.

– Просто я не хочу его расстраивать... Хочу быть лучше, чем есть.

– Пытаешься казаться, но не быть. Человек, которого заставили лгать в мелочах, потом уже и сам легко соврет в большем.

– Что ты имеешь ввиду?

– То, что ты сливаешь себя ради того, чтобы быть мужу удобной. И удобной.

– А ты? Все эти двадцать семь лет живешь так, как удобно тебе?

– ...

– Люба, ты еще там?

– Прости. На звонок отвечала, заказчик, москвич, блядь, заблудился в трех соснах. Ты все еще куришь?)

– Угу... В доме напротив есть одно окно. На подоконнике стоит ваза, а в ней цветы в любое время года. Розы, хризантемы, мимозы, тюльпаны, ромашки... Поначалу я прилипла по вечерам к окну и, грешным делом, все пыталась проследить за обитателями квартиры. Ничего особенного: иногда мелькает женщина, не молодая, не старая, всего лишь раз я видела силуэт мужчины. Но вскоре следить перестала. Теперь смотрю, как сейчас, только днем, проверяю, какие цветы в вазе.

– Стало стыдно подглядывать?

– Вовсе нет. Просто не хочу по косвенным признакам вдруг узнать, что в квартире живет одинокая женщина, которая сама себе покупает цветы.

Хочу, чтобы загадка осталась неразгаданной, хочу думать, что она таким изысканным способом демонстрирует кому-то свое настроение. Цветы не нужны женщине, если у нее нет тайны. Но в последнее время в вазе часто стоят желтые цветы.

– Напиши мне «желтые цветы» по-испански. Я тоже язык учить хочу, только времени нет. Ой, все, конец связи. Хрен моржовый нашелся, уже заходит.

Вера и Люба

24 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Что нового?

– А у тебя?

– Ромка жив, возможно, здоров, хотя в его психическом здоровье я не уверена.

– А может, это похищение?!

– Спасибо за умную мысль. Эту версию менты уже отработали. Нет, он просто взял и куда-то свалил.

– А может, завербовали?

– Кто?! Он что, олигофрен или голодный гастарбайтер?

– Пишут, что всяких вербуют.

– Иными словами, ты даешь мне понять, что сын мой дурак, и я воспитала дурака?

– Я ничего не даю понять, просто предполагаю...

– Люба, мне еще целый день работать. Пожалуйста, не тереби... Расскажи лучше про себя. Что ты решила? Галина говорит, ты так и не появилась.

– Я почти уверена в том, что ребенок Вовкин. Но он сейчас с семьей на отдыхе во Вьетнаме. Буду ждать, когда вернется, все-таки он имеет право знать.

– Нет уж, давай прямо сейчас туда и пиши. Что, жалко его? За какие такие заслуги мы их, козлов, всю жизнь жалеем?!

– Это будет слишком.

– Я понимаю, и тебе семья его не совсем чужая, и Кириллу твоему он руку при встрече без зазрения совести пожимает. А тебя здесь рвет на части.

– Все, пошла мука на Тобольск... Вот, глянь, он на фейсбуке только что новых фоток выложил.

– Дочка его? Прыщавенькая какая, подросток... А это кто, жена? Ну-ка, увеличь! Боже, какая страшила.

– Зато счастливая.

– Скорее изображающая счастье... А как телефон в карман спрячут, сразу руки расцепят и обреченно пойдут по дорожке одними и теми же

салатами да пойлом разбавленным давиться. Заплачено же.

– Представляешь, как раньше, в похожей ситуации, бабы, пожираемые мучительной неизвестностью, ночами заснуть не могли? Рисовали в воображении соперницу, додумывали, пыхтели. А сейчас пару кнопок на телефоне ткнула – и сразу в чужую жизнь попала. Лет через пять небось придумают такое приложение, чтобы под фото еще и информация всплывала: возраст, заболевания, группа крови, резус-фактор, налогооблагаемое имущество и даже, а-ха-ха, количество половых актов в год! Главное – чтобы не всплывало, с кем... А еще я думаю, Вер: вот если я его люблю, значит, должна радоваться, что все у него будто бы хорошо, что он сейчас купается в море и лучах солнца, но... что-то не получается у меня радоваться за ближнего. Если честно, то, сука, с самого утра настроение дерьмовое... Первую фотосессию он еще ночью загрузил. Душная она у него, Катька. А еще пустая, примитивная. Но живет же с ней и как будто радуется. Вер, неужели я такая эгоистка?

– А он не эгоист? И теперь у нас, как ты точно подметила, все «как будто». Все эти лайки, восторженные комменты – ах, мы сейчас описаемся от радости за вашу радость! – все, что вывешивается на всеобщее обозрение, получает такую же искусственную реакцию, как и это минутное изображение счастья. А то, что еще живо, поглубже прячут, чтобы хоть это не украли. Вот и Ромка мой спрятался... Ну все, поехали. Валя! Ва-ля! Почему опять лоток грязный? Где ты его мыла? Он блестеть должен! Что, сама не видишь: здесь разводы!

Вера и Надя

25 октября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Меня сегодня Валя, ассистентка моя, поразила... Такую реакцию выдала!

– Опять на нее накричала? Думаю, она давно уже к этому привыкла. Тем более сейчас, в твоем состоянии... Ты уж выдохни, Верунь, главное – Ромка жив. Уверена, все вскоре выяснится.

– Да хватит уже талдычить одно и то же! Меня это только раздражает, неужели не ясно?!

– Вер, пожалуйста, возьми себя в руки.

– ...И вам добрый. Бокал сухого белого и семгу на парú. У подружки тоже язык есть, у нее и спросите.

– Будьте добры, лавандовый раф. Да, это все. И что там с Вале́й?

– Что... Почти три года она со мной, и все это время никакой личной жизни у нее не наблюдалось. По мне – доска она плоская, к поцелуям не располагающая, впрочем, мужикам виднее. Я так только за, чтобы жизнь устроила. Мать у нее серьезно болеет, одним словом, работа да быт у девки. И вот знакомится она с парнем по интернету. Глазки заблестели, растоптанные кроссовки на каблучки сменила, я даже услышала, как она смеется. Придумала она, чтобы парень этот к концу смены к нам в стоматологию заехал, как уже потом поняла – специально, чтобы я на него посмотрела. Ладно, месяц прошел – они продолжают встречаться. Уж она такая счастливая ходит, что даже и не вспыхивает, как раньше, от моих замечаний, а только глупо подхихикивает себе под нос. Но парень проблемный, это я сразу уловила! Может, женат, а может, просто несерьезно к ней относится. По крайней мере с деньгами у него туго, в кафе только раз сводил, а дальше они все по каким-то друзьям перебивались. Был у нее вчера день рождения. Сегодня за кофе спрашиваю: что он тебе подарил? Она засмушалась и на другую тему соскакивает. Я снова: так что? Она мне открытку виртуальную тычет в нос. Я говорю: и это все? Видно, ты, Валя, ни во что себя не ставишь, раз такое отношение допускаешь. Когда мужик по-настоящему влюблен, то, даже если с деньгами туго, он займет, выкрутится, в лепешку расшибется, но цветы-то настоящие подарит или на работу с курьером пришлет, если негде пока дарить. Она в слезы... Щечки побелели, задрожала вся и выбежала. А у

меня как назло три пациента, один за другим, и все сложные. Пришлось Генкиной ассистентке на два кабинета разрываться. Часа через два Валя появилась. Нет, она со мной разговаривает, но слова еле цедит, и столько в них злобы, что лучше бы совсем молчала. Скверно у меня на душе. Но, Надя, разве я не права?

– Тяжелый вопрос... Представь себе, что было бы, если бы мы все бросились говорить друг другу правду. Ах, ребеночек ваш на самом деле тупица и урод, напрасно вы его в гении записали, ах, вы в жизни выглядите совсем не так, как на вашей десять раз отретушированной фотографии, и, если честно, вы просто страшенькая, и муж ваш обожаемый на меня весь вечер глазками стрелял, пока вы расписывали, как он вам предан, и сумка ваша – паленое фуфло, а квартирка новая, на каждой вашей нервной клетке выстроенная, тесновата и от центра далеко.

– По мне уж лучше так.

– Лучше чем что?

– Чем как ты: в собственном доме слово лишнее бояться сказать. Ты же только здесь такая смелая. Или ты со всем согласна? А секс «как с мертвой рыбой» ты с Лешкой обсуждаешь? Думаешь, я не понимаю, почему ты со мной так часто встречаться стала? Вовсе не потому, что хочешь меня поддержать, а потому, что ты здесь, рядом с моей работой, испанским своим занимаешься, ну или еще чем... Что ты глазками-то хлопаешь? Домой идти не хочется? Нет, ты не бойся, я, если что, прикрою. Только не надо из меня суку делать.

– Нельзя вот так, с плеча, рубить и осуждать других за то, о чем ты давно уже не имеешь представления.

– А... Так ты на мужиков намекаешь?! Завели разговор о правде, но у тебя, как у всех баб, все к этому скатывается. Только в моем случае это мимо кассы. А ты иди, лги дальше!

– Вер, потише, на нас уже смотрят. Тебе сейчас помощь нужна и...

– Не надоело тебе утюжком работать?! Тут уголочек пригладить, там присборить? Господи, да я прекрасно вижу, что ты послать меня сейчас хочешь. Что глаза-то опустила, не можешь? Так я тебе скажу: пошла ты, Надя, в жопу!

Люба и Надя

26 октября

Московская область. КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Так у тебя совсем нет подруг?

– Ты)

– Спасибо, польщена. А знаешь, что скажу... В реальной жизни мы навряд ли еще увидимся. Я поначалу боялась, что ты мне это предложишь, но потом быстро успокоилась и поняла, что для тебя только отдушина. А душа прекрасно изливается в словах, тем более когда их можно поправить, прежде чем на кнопку нажать. В удобное мы время живем.

– Не всем оно нравится. А я тебе зачем?)

– Я очень общительна и любопытна. Бывает, даже чрезмерно...(

К тому же влюбчива, импульсивна.

– А я давно уже легкость растеряла. Друзья-подружки – это прерогатива беззаботной юности, а после одна привычка держит. Цепляемся за что-то в памяти, а в жизни этого давным-давно нет, только вымученный восторг остается при редких встречах. На мужа, бывает, смотрю: он с институтскими друзьями из какого-то своего принципа отношения поддерживает. Не в чем-то конкретно помочь – это-то я как раз понимаю – а вот эти дачные застолья с шашлыками, с одними и теми же воспоминаниями и песнями под гитару... Хорошо, пусть ресторан для разнообразия, но в нем – все то же, только ведут себя сдержаннее. Гляну на него исподтишка – а он вовсе не с ними, и глаза невеселые, хотя тосты кричит громче всех и песни все наизусть знает. Сидит с ними за столом, а сам продолжает думать про деньги, про работу, или еще про что...

– Это ты свое состояние в нем видишь. А о чем он на самом деле думает, только ему известно.

– Но что плохого в том, что я не хочу такого общения? Что мне не требуется притянутая за уши радость. Если вдруг открыто заявить об этом всем этим людям, которые для меня совершенно пусты, которые крадут мое время и отвлекают от попыток раскопать хоть что-то в себе, – мало того что это будет расценено как невежливость, меня еще обвинят в скудости души. И мой выпадающий из этих вечеринок муж сделает это первым.

– Он небось тебя, красотку, балует, наряжает?

– Он бывает щедрым. Но даже щедрость свою всегда заранее

планирует.

– Я давно уже сама себя наряжаю и балую. Но с тобой бы местами не поменялась. Тоска(Кстати, как твой испанский?)

– Как воздух.

– Что, препод симпатичный?)

– Не без того.

– Ну и позволь себе влюбиться.

– Я влюбляться не умею.

– Или все или ничего?

– В теории. А на практике давно уже ничего. Я часто чувствую себя динозавром, окостенелыми останками того, чем когда-то была. И то, что кем-то была, я вспоминаю только рядом с этим мальчиком. Из каждого слова этого дивного языка, словно сок, сочатся чьи-то страстные ночи, чьи-то любовные мучения, и весной всегда пахнет, как забытой, ускользающей мечтой...

– Ты очень романтичный динозавр) А у меня уже давно нет мечты.

– Была?

– Может, и была, лет десять назад...

– Расскажешь?

– Слушай, я тебе сюда позвоню? Рука уже затекла по клавишам бить.

– Буду рада слышать твой голос)

– Але, проверка связи.

– Есть связь!

– Ну так вот, про мечту. Больше десяти лет назад это было. Мой тогда совсем опустился, запойным стал. Винить я его особо не винила, скандалила, конечно, но всегда понимала, что среда вокруг него особая, творческая. Должность свою хорошую он к тому времени потерял, перебивались копейками за его статьи. Сын на бабушках да на мне, и вот, помню, я в большой книжный на Тверскую отправилась – сыну за контурными картами, чтобы уж купить наверняка. Апрель стоял свежий, дразнящий, я вышла из магазина, и захотелось мне прогуляться. Вначале я все на небо и на прохожих смотрела, а как дошла до Манежки, потянуло меня к Красной площади и дальше, на Ильинку. Иду, глазею на витрины с разнаряженными манекенами – а приодеться я всегда любила – и вижу одно платье. Мечта... На первый взгляд скромненькое, черное, но каждая линия, каждый стежок безупречны. Словно сама Коко ободряюще с неба улыбается и шепчет мне на ушко свои секреты. Дай, думаю, зайду, хотя четко понимаю, что магазин этот ни разу не по карману. Пока с дверьми их начищенными разобралась, уже целый план в голове созрел – тут

перезайму, там перекручусь, да и мужу за статьи гонорар причитается. Он никогда не был жадным, просто такой уж нефартовый чувак... Захожу вся такая из себя, нос кверху, а туфельки стоптанные, сумочка модная, но дешевая, и карты контурные с атласом из нее торчат. Стоят две девушки, моложе меня. «Что вам? – говорят. – Вы, наверное, курьер?» И столько превосходства, столько высокомерия в их взглядах, что у меня, помню, аж костяшки пальцев побелели. Как вышла оттуда – в голос разрыдалась. А Москва нарядная, кичливая, у ресторанов машины полированные паркуются, из них девки вылезают, и все разодетые, будто из этого бутика. И такая злость меня поначалу разобрала, такая обида на Кирилла... Что же, думаю, друзьям его, пустозвонам, накрывала-стелила, бред чужой до рассвета выслушивала, а потом Юрку в школу на ватных ногах отводила, в любой ерунде вдохновить его пыталась, никому не жаловалась, терпела, любовницей всегда на все готовой была... И за это – вот так?! За это две соски кривляющиеся с трехгрошовыми душонками меня с дерьмом в двух фразах смешали?! А тут еще мент вдруг остановил, предъявите, говорит, девушка, документы. Я еще пуще в слезы, зачем, говорю, москвичке паспорт с собой носить, если она ребенку за атласом в книжный поехала? Мент поначалу растерялся, а потом так снисходительно говорит: «Ладно, идите. В следующий раз паспорт с собой берите. У вас на лбу регистрация не написана». Когда до дома добралась, обида отползла, одна только злость осталась. И что-то надломилось внутри... Не скоро стало получаться, это же не сказка – жизнь... День за днем я заставляла себя куда-то ломиться, кому-то услуги предлагала, пренебрежение, отказы сносила, но все это было несопоставимо с тем, что я почувствовала в бутике. Закрутилась новая жизнь, вскоре я и думать о том забыла...

Проснулась недавно, в нынешнем апреле, лежу, как обычно, прикидываю, что сегодня надену. И поняла, что теперь у меня совсем не так, как раньше, и, как у большинства женщин, вот эти вещи – для важного выхода, эти – на каждый день, эти – для дома. Любая сумка, платье, туфли, что ни возьми – все у меня офигенное. Зарулила я в тот самый бутик. И кэш был с собой, и карты кредитные. Нет, я в таких магазинах до сих пор не одеваюсь: когда деньги приличные появляются, не зазорно экономить, планировать расходы начинаешь. Что-то за границей беру, что-то на элитных распродажах. Но могу, теперь уже могу, там одеваться! На крыльцо зашла – мне тут же охранник дверь открывает, две возрастные кошелки, но такие, все при них, а может, и те самые, ко мне с улыбочками спешат: «Что вас интересует? Хотите кофе?»

А я стою, Надя, и вместо победной радости чувствую одну только

усталость и полное опустошение.

– Алё! Ты там? Грузанула я тебя?

– Вовсе нет. Я вот что подумала... Ты, видимо, мужа своего сильно любишь... Он не смог, так ты за обоих отомстила.

– Неожиданная трактовка... Спорить не буду. Соглашаться тоже. А с испанцем ты поаккуратней. Главное – денег ему в долг не давай, если попросит.

– Да у меня их и нет.

– А что, он с тобой бесплатно занимается?

– Муж раз в неделю деньги выдает. С трудом убедила, что мне это нужно.

– Понятно... Ладно, до связи. Мне бежать пора.

– На занятия с загадочным человеком? Ты так и не рассказала, чем с ним занимаешься.

– Ой, как-нибудь потом.

Люба и Вера

26 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Любовник... Какое-то устаревшее слово. От него веет подаренными не жене цветами, купленным впопыхах набором конфет, выдохшимся шампанским, рыжей листвой под ногами в заброшенном уголке парка. В наше время мужчина, на стороне вступающий в связь, которая хоть что-то для него значит, должен по-другому называться.

– Легкомысленным идиотом.

– Считаю, что я засмеялась. Вот ты меня спросила, почему при таком кажущемся выборе именно он. Да потому, что у людей давно все через жопу, и я не исключение. Сначала сольются телами, потому что так принято, а то и для внешнего эффекта – чтобы окружающие не усомнились в их востребованности, – а уже после пытаются знакомиться. Здесь и вылезает из всех щелей: и говорить толком не о чем, каждый говорит словно сам с собой, и запах кожи – вот это самое проблемное – не тот, и интересов общих нет. Людям свойственно преувеличивать значение секса...

А Вовка родным мне стал за эти годы. Как собака к хозяину бросается – в его настроение, энергию, – так и мы, ни о чем таком не думая, стали бросаться навстречу друг другу, и при этом не лгали и не играли – зачем? Мы же просто друзья... Позерство, желание казаться лучше, полуправда про семью, деньги и возможности – вся эта мишура была нам не нужна. Но он мужчина, а я женщина, и если на стене висит ружье, оно когда-нибудь выстрелит. Нет, все-таки секс – это самое разрушительное оружие, особо опасное своей доступностью. Я имею в виду такой секс, когда задействовано абсолютно все, а не только наши жалкие половые органы. Меня в какую-то секунду пронзила простая мысль: а с кем же, если не с ним? Аморально? С одной стороны – да, друг семьи. А с другой – это было абсолютно честно перед собой и перед ним – с близким, понятным, всей душой любимым человеком заняться таким приятным делом! И все эти наши обычные бабьи комплексы: выбрать правильный свет, проблемными местами не поворачиваться, – все это оказалось совершенно не нужным, потому что он в доску свой. Так где же здесь правда? Мы были правдивы друг с другом, а окружению нашему, выходит, такая правда страшнее

банального блядства...

– Так и есть.

– Я и дышала с ним по-другому в тот вечер... Будто на шар воздушный шагнула, и шар не дернулся, как это обычно бывает, а взмыл, и в этом полете я всю себя потеряла, а потом... разбилась. Мы даже в глаза смотреть друг другу не смогли. Оделись торопливо и какую-то ерунду из себя давили, лишь бы чем-то пространство заполнить. А все потому, что другая правда успела очнуться и, сложив руки на груди, встала рядом, укоризненно качая головой. Эта хмурая, формальная правда оказалась сильнее первой, невесомой и свободной.

– Дура ты, Люба. И все же мне тебя немного жаль. Да и сказать тут нечего...

– Вер, я как представляю себе, что меня ждет у твоей Потаповой, меня будто жгутом скручивает от отвращения к себе. Ведь только я могу защитить свою настоящую правду, а я, как обычно, подло отхожу в сторону.

– Есть реальный шанс, что Кирилл отец ребенка?

– По отношению к ребенку это ничего не меняет. Меня много, меня бы на всех хватило. И еще я часто думаю о том, что Кирилла, может, только возможное отцовство и встряхнет... Он, дурак, до сих пор мне верит и никаких экспертиз предлагать не станет.

– Ты так просто об этом говоришь... Неужели ты сможешь жить с таким грузом на душе?

– А разве я раньше без груза жила? Ко всему привыкаешь... Все хоть раз, да лгут, и даже такие святоши, как ты. Вер, признайся, у тебя что, за долгие годы брака даже сердечко ни разу не екнуло? Неужели и мысли не закралось, чтобы с кем-то еще это сделать?

– Давай не будем об этом.

– Да мы и не будем, ты просто скажи, что тебе мешало?

– Представь себе, совесть!

– Не совесть, а страх. А они похожи.

Вера и Надя

...

Надя и Люба

27 октября

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

– Открыла ленту, и тут же бросилась в глаза общая тональность: любимая соцсеть, во-первых, учит нас жить для себя, во-вторых, воспринимать неудачу с благодарностью.

– Одним словом, забить на ближнего и радоваться любому дерьму)))

– Или возлюбить ближнего, но не больше, чем самого себя, и видеть прекрасное в дерьме) У тебя получается?

– Не очень.

– Но ты же сама в подобном ключе пишешь большинство постов.

– Пищу. Любой так может. Видишь ли, фейсбуку совершенно все равно, что в него пишут. Главное – в тренде быть, в позитив почаще играть. Хоть котики с цветочками, хоть сложно применимые к реальной жизни статейки. Ну и сомневаться иногда необходимо, в словах путаться, чтобы жизни всему этому придать.

– Так для чего ты ведешь блог?

– Мне интересны комментарии. Это чьи-то всегда разные пути. Но... больше люблю свои сны, они намного интереснее)

– Мне бы тоже, наверное, было интересно вести блог, но я ленива и так писать не умею.

– А сны ты смотришь?

– Смотрю, но в них почти всегда есть мой муж.

– И что он в них делает? Например в последнем?

– Просит закрыть окно, чтобы его не продуло.

Вера и Люба

30 октября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Когда еще с Николаем жила, тоже, как и любая нормальная мать, чуть что паниковала, но все же поспокойней была. Может, потому что моложе, а может, потому, что не одна. А когда вдвоем с Ромкой остались, я в натурального психа превратилась. Он на звонок не отвечает – во мне будто кнопку адскую включили: в истерике колотить начинает. Картинки страшные перед глазами, фрагменты криминальных хроник и фильмов. Он найдется, я кричу: ты понимаешь, что так нельзя?! Любая двойка, любая неудача – будто ржавая шпилька под мою кожу... Люба, поверь, я ведь не железная, на приеме должна быть собрана, разве можно представить себе дантиста с трясущимися руками? О новейших технологиях пациенту заливаюсь, а сама думаю: шапку-то он надел? А шарф? Ромку в школу провожу, на кухню вернусь, замру и на тарелку, из которой он только что ел, смотрю... Так сложилось, что в бога давно не верю, а молитвы откуда-то сами появлялись. В окно высунуть и шепчу ему вслед какие-то глубинные, от предков, заклинания. Салфетку его использованную к себе прижму, прежде чем выбросить... Пока он рос, я изучила все про наркотики: какие бывают, как действуют, как их по школам распространяют. Собрал бы кто такой родительский комитет, чтобы этих дилеров отлавливать и сразу мочить – клянусь, я бы первая в него вступила. И все друзья его к нам – хоть чистенькие, воспитанные, хоть не очень – всегда пожалуйста. Исхитрялась как могла: то пиццу им, то лазанью. Они дверь в его комнату перед моим носом захлопнут – я и это проглатывала, не лезла. И все ради того, чтобы дома был... Когда сериалы западные пошли – я их тоже смотреть начала, чтобы хоть какая-то тема для разговора оставалась. Девки появились – да, не скрою, они мне не нравились... – я все равно изображала радушие: чаек-кофеек – как учеба – как ваша собачка? Да и какие сейчас девки? Пустышки. И женщины ли они вообще? Я имею в виду их ментальность. Я-то свою независимость выстрадала. Это мне так в жизни повезло. Но пока с мужем жила – все у меня было, как и положено нормальной женщине. И вставала раньше всех, чтобы завтрак приготовить, и обед всегда на плите, и пуговицу вовремя пришить, и простуду вылечить. При этом успевала учиться и работать. А у нынешних

девок все только для себя. Отношения для них – всего лишь желаемый, но не обязательный атрибут существования. И думать самостоятельно им не нужно – все необходимые инструкции можно найти в модном журнале или интернете.

– Знаешь, не в девках дело... Это общая тенденция. Я ведь тоже последние годы пытаюсь жить для себя.

– Ну и что, счастливее стала?

– Счастливее вряд ли. Но как-то спокойнее стало...

– Ага, заметила. То-то тебя бросает из огня да в полымя. Кстати, ты уже заметно поправилась, по крайней мере на лицо.

– Завтра Вовка возвращается. Я решила, что все ему расскажу, а после пойду к твоей Потаповой.

– Удачи. А теперь сотри помаду и рот открой.

Вера и Надя

31 октября

...

Люба и Надя

31 октября

Московская область. КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Самое ужасное для меня в танце – это руки. Выдают с головой.

– Ты имеешь в виду возраст?

– Если бы только это. Давно уже в них филеры подкалываю, крем всегда в сумке, регулярный маникюр, неброские кольца – возраст как раз можно сгладить. Проблема глубже. Как бы ты ни играла в открытость, как бы себя позитивно ни настраивала, руки мигом выдают зажатость.

– Но нам всем бывает неуютно, когда мы сталкиваемся с чем-то новым.

– А если это новое не несет никакой очевидной опасности? Нет, Надя, они выдают то, что тебе прежде всего неуютно с собой. Возможно, всю сознательную жизнь, с пубертатного периода. Открой на страницах друзей любые непрофессиональные фотки. Взрослые стараются руки приладить, будто не знают куда деть, и только для детей это естественная часть тела. Дискомфорт – наше привычное состояние, а руки – реальное палево.

– Ну как это может быть связано с танцем? Танцуют же ногами)

– Напрямую. Мой гуру объясняет, что без расслабленных, но при этом четко держащих рамку рук ничего хорошего не получится. Мы не думаем о том, что делаем, в те редкие моменты, когда гладим ребенка, обожаемого питомца или любовника, когда искренне обнимаем того, кого пытаемся утешить. А все остальное время мы думаем о том, как выглядим со стороны.

– Кстати, каким конкретно танцем ты занимаешься? Сейчас же столько всего предлагают.

– Танец может быть только один – аргентинское танго.

– Ух ты! Моя родственница не танцует, но ходит смотреть. А сама из себя такая, что уж от нее-то я меньше всего этого ожидала.

– Не удивлена. Танго как раз захватывает тех, кто даже от себя этого меньше всего ожидает. Танго коварно, оно вскрывает глубоко спрятанное, непрожитое, непроигранное.

– Для этого же существуют психологи.

– А танго и есть мой психолог. Тело не обманешь. Говорить можно научиться что угодно и как угодно, а тело – это будто провинциальная

служанка, насобиравшая по знакомым дорожную одежду и пытающаяся выдавать себя за леди.

– И все это тебе внушает твой наставник?

– Анжело – проводник. Я с собой на наших занятиях встречаюсь, понимаешь? И сама себя выслушиваю. Если хоть что-то здоровое в голове появляется – пытаюсь разобраться, чтобы себе помочь.

– Интересно. Анжело... Он испанец?

– Уругваец.

– И где же он обитает?

– Снимает на Большой Никитской студию.

– А... Мой препод из Каталонии, тоже почти Анжело) Он – Анхель.

– Что ж... Не одним таджикам в Москву на заработки приезжать.

Ноябрь 2017 года

- Госдума одобрила признание СМИ иностранными агентами.
- В России отмечалось столетие Октябрьской революции.
- Ватикан запретил продажу сигарет.
- Картина Леонардо да Винчи «Спаситель мира», принадлежащая российскому миллиардеру, была продана на торгах аукционного дома Christie's за 450 312 500\$.
- Цена биткоина превысила 10 000\$.
- В Уфе главный борец с коррупцией подарил возлюбленной Mercedes за 2,5 млн рублей.
- Среднемесячная температура в Москве -1C° .

Вера и Люба

1 ноября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии – Московская область КП «Сосны»

– Привет. Гляжу, от тебя три непринятых вызова.

– Мы можем на конец следующей недели сегодняшнюю запись перенести?

– Да без проблем! На этом этапе работы время терпит. Только тебе на рецепцию нужно дозвониться.

– Да знаю я. В-е-е-р! Мне очень херово. Я пробовала уже, там, как обычно, целую вечность занято. Как же меня бесит эта идиотская музыка! Уж лучше как раньше хамоватое «минуточку», и чтобы бабка в роговых очках и с морковной помадой дышала тебе в трубку. Сейчас же, куда ни позвони, везде одинаковую музыку слышишь, выть хочется, а когда наконец ответят, остается одно только желание – матом выругаться.

– А я-то что могу поделаться? Такие вы все занятые... Одна я сижу здесь и в зубах ковыряюсь.

– Вер, ну пожалуйста!

– Ладно, сама перенесу. Мы столько об этом говорим – времени жалко. Когда сможешь подойти?

Вера и Надя

1 ноября Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Спасибо, что пришла.

– Угу...

– Почему шубку в гардероб не сдала? Сильно торопишься или боишься, что сопрут? Это та самая шиншилла, которую тебе Лешка на день рождения подарил? Балует он тебя... Да присядь ты уже, сегодня я угощаю. Надь, не дуйся! Совсем я без кожи осталась, понимаешь? Уже на пациентов стала огрызаться, мне еще не хватает без работы остаться... Надь, ты хоть головой, что ли, кивай! А то я будто с пустотой разговариваю. У меня этой пустоты теперь знаешь сколько? На улице бы встала и делилась с теми, кто не ценит, что имеет.

– Давай в храм ходим.

– Не вижу смысла.

– Те, кто ходит, говорят, реально легче становится.

– Ну и кто туда ходит? Стадо. Половина к психологам, половина – в

храм. И то и другое – односторонняя связь. Выслушать может и подушка, причем совершенно бесплатно и без цепляющего ощущения твоей врожденной виновности. Гадание на кофейной гуще и то продуктивнее, там хоть клякса какая-то в ответ на вопрос материализуется.

– По-моему, кощунственно мешать религию и гадания с психологами в одну кучу.

– Кощунственно? Да тебе даже сложно представить, что такое кощунственно! Сама-то часто в храм ходишь?

– Бывает, с Алексеем, по праздникам.

– Угу... Слышала, он стал причащаться.

– Да. Как раз во время прошедшего Великого поста.

– Даже так... Ну и ладно. Слушай, мне очень непросто тебя об этом просить, но ты бы поговорила с ним насчет Ромки. Почти три недели прошло, и за все это время был только один звонок.

– Так Алексей же звонит, только ты на его звонки не отвечаешь.

– Э-э-э-э... Я про Ромку. Пойми, я не готова после того скверного разговора на Пасху о чем-то просить Алексея. А слушать его формальные утешения...

– Вера, я уже просила его пробить эту ситуацию по всем возможным каналам.

– Вот я и чувствую: он что-то знает! И что же он тебе говорит?

– Пока ничего.

– Нет, он должен хоть что-то говорить!

– Посоветовал в храм пойти.

– А почему не сексом заняться? Сейчас очень любят и то и другое от всех напастей предлагать. А братец, как водится, хочет быть в тренде.

Надя... я ведь и службы когда-то стояла, причащалась и исповедовалась.

– Ты?!

– Я. В то время, когда это еще не являлось желательным атрибутом состоявшегося человека. Мы тогда в гарнизоне с Николаем жили. Может, расскажу как-нибудь, а может, и не стоит... На вот, кстати, возьми, подарочек небольшой тебе на именины.

– Спасибо. Не знала, что у меня были именины. Вер, а что Алексей сказал тебе на Пасху?

– Ты же при этом была.

– Да, вы обсуждали смерть Максима Сергеевича, я помню взаимную неприятную тональность разговора.

– При чем тут тональность? Разве ты не помнишь главного?!

– Смотри что ты имеешь в виду... Я часто отбегала на кухню, рыба подгорала.

– Отбегала... Он сказал, что Ромке бежать от меня надо, что для него это единственный шанс стать нормальным мужиком.

Люба и Надя

2 ноября

Московская область КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Я теперь типа замкадыш. Коттедж небольшой снимаем, в городской квартире у моего брюзги даже футбольный обзор не пишется. Каждый раз, когда еду в город, проезжаю мимо одного места. Рядом всегда тихо, спокойно. Ни таджиков, не вовремя ремонтирующих дорогу, ни детей на великах, даже бегуны здесь совсем не показываются. Золотится купол маленькой церквушки, да деревья вековые следят за порядком. Но иногда, в утренние часы, можно увидеть несколько машин, припаркованных возле входа. Церквушка-то при кладбище... Еду и думаю: вот сейчас, в эту самую минуту, кто-то с кем-то вдрызг разругался, кому-то нахамили, кого-то уволили, не заплатили, не так посмотрели, не то сказали, не подарили, не поцеловали, не услышали. Булькают наши маленькие трагедии в кастрюльках бытия. А здесь тихо. Кто приходит – говорит шепотом. Часто думаю: а не зайти ли и мне в церквушку? И всегда проезжаю мимо... А ты, кстати, в храм ходишь? Представляю тебя в светлом газовом платке, лицо серьезное, а внутри – уйма шкатулочек с секретом, и все под замком. Але! Ты слышишь меня? погоди секунду... Кирюх, я же просила но-шпу, а ты мне что принес? Да иди уже, роди там что-нибудь в творческих муках. Деятель, блин... Урод... У меня с ночи живот тянет, даже встречу очень важную пришлось отменить... Але! Да что за чертов вай-фай?!

– Я здесь. Знаешь, такое ощущение, что все мы связаны в мире какими-то тоненькими ниточками. Странно, но мне только вчера задавали этот вопрос.

– Какой?

– Посещаю ли я храм. Родственница моя, сестра мужа. Мы ее майоршей за глаза называем. Она когда-то замужем за майором была, настолько давно, что никто и не узнал бы того майора, но прозвище прижилось. Тяжело ей. Характер у нее, конечно, скверный. Как встречу с ней – меня будто изнутри поскребли, а ты говоришь: шкатулочки...

– Да она ж тебя вампирит!

– Ей сейчас поддержка нужна. На работе лицо держать приходится, а так совсем она одна... Были три брата. Ныне все покойные. Один из них – отец моего мужа, другой – Майорши, а третий, дед Максим, – отец второй

мужниной сестры.

– Да ты прямо сказку сказываешь.

– Не интересно?

– Разве я это сказала?

– Прости, но я такая косноязычная... Бывает, рассказываю что-то мужу, а он в мобильный каждую минуту лезет, а если не в духе, так прямо и говорит: – Давай покороче! У меня очень мало времени.

– Фу, блин... Прости, вырвалось. Я тебя внимательно слушаю.

– Так вот. Пережил дед Максим остальных братьев. Классный был дед, в свои почти восемьдесят на лыжах бегал, книжки в комп пачками закачивал и читал, даже с фейсбуком подружился. По праздникам водочки не гнушался, а еще пел обалденно... На Девятое мая баян из чехла достанет, и раскатится на весь двор «Клен кудрявый», аж до слез... Он блокадник, семья давно в Москву переехала, а после смерти его жены и деда за собой выдернула. Жил отдельно, стальной был дед, той еще закалки. И мои, и сестер ребятишки его обожали. Муж мой, конечно, всякий раз свою помощь предлагал, к врачу хорошему записать – отвезти, дочь родная вниманием не обделяла, да и Майорша всегда к нему с полными руками приезжала. Ругался он на нас, говорил, мол, пенсии ему хватает, всё деньги наши экономил, внукам не только шоколадки, но и денежку втихаря совал, а по докторам ходить категорически не любил. В последний год сдал он сильно. Часто стал звонить в разгар рабочего дня, по всякой ерунде беспокоить. То про учебу детей выспрашивал, то новость какую-то хотел обсудить.

– Да моя мать такая же! Хоть ей далеко не восемьдесят. Чудить старики начинают, кто раньше, кто позже, а моя всегда была каждой бочке затычкой. Я и замуж так рано выскочила, потому что она меня достала. Прости, так что с дедом?

– Раздражать он стал. Все старательно делали вид, что все нормально, а при встрече натужно вздыхали и меж собой переглядывались. Нет, его по-прежнему навещали, но визиты эти превратились в сплошную проформу. В Вербное воскресенье выпил дед с соседом, а на следующее утро ему с сердцем плохо стало. Он сделал три звонка: дочери, моему мужу и Майорше. Понедельник – день суматошный, злой, никто из них даже не ответил... Сосед долго с замками разбирался, а когда «скорую» вызвал, было уже поздно. Похоронили его на Страстной неделе. А на Пасху сестры к нам заехали. День стоял светлый, воздух прозрачный, глубокий, будто грусть в нем разлита, но не тяжелая, а меланхолическая. Таджики по дворам листья жгут, в окошко кострами тянет. Помянули деда, и

понеслось...

Муж мой все пытался назад размотать и по минутам восстановить, кто и чем так сильно был занят, что на звонок не ответил. Сам он на совещании сидел, а там принято в режиме «без звука». Майорша в метро была, то ли не прошел звонок, то ли смысла не было отвечать, все равно же ни черта не слышно. Дочка деда перед работой то ли к врачу, то ли к косметологу забежала, телефон был в сумке, и звонок она не услышала. Майорша говорит: а к чему ты это препарируешь, Алексей? Он бы все равно скоро умер – и давай болячки деда перечислять. Но муж мой все пытался виноватого найти, будто сам себя оправдывал. Я смотрела на них и чувствовала, как они все, каждый в своей упрямой правоте, глупы и противны. Вскоре они друг на друга переключились: оказалось, что каждый не так живет... Я к окну подошла, в небо смотрю и за облачка взглядом цепляюсь, думаю – с этого он сейчас, а может, с того, на нас смотрит, и про себя за них у него прощения прошу. Даже не за то, что на звонок не ответили, а за то, что, толкаясь и пихаясь, будто руки свои перед его памятью отмывали. Может, Люба, и в твою церквушку душа его успела залететь... Когда хоронили, детишки наши, даже старшие, горько плакали... В какой же момент мы так черствеем? Выводим прожитое в парадные застольные слова, а вот чтобы промолчать, когда и говорить-то не следует...

– Ох... Печально. А ты, кстати, офигенный рассказчик, и в следующий раз не молчи.

– Меня все равно не услышат.

– Ладно... Посплю я, пожалуй, совсем мне что-то хреноватенько.

– А мне пора в школу за сыном. Береги себя.

– И ты.

Люба и Вера

...

Надя и Вера

2 ноября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– У меня появилась подруга.

– Не обманывайся. В нашем возрасте друзья, если с детства не прицепились и чудом не сохранились, уже не появляются. Да и то если поближе рассмотреть – задержались именно те, которые для чего-то конкретного применимы.

– И что же, по-твоему, следует считать дружбой?

– В наше время уже ничего. Мучает, например, человека какой-то вопрос... Когда он пробует сформулировать его, вопрос начинает казаться смешным, пустяковым. А еще вопрос может быть скользким, неоднозначным или вовсе неприличным. Так определяется друг: тот единственный человек, которому можно задать абсолютно любой вопрос без риска оказаться в нелепом положении. Скорее всего этот человек и сам задавался подобным вопросом – друзья должны оставаться на одной волне, а даже если нет – другу искренне любопытно, он готов помочь разобраться, потому что он – это часть тебя. В наше время для этого есть Гугл. Сформулируй в поисковике любую проблему, любую непристойность, даже откровенную фигню – и тебя тут же вынесет на хренову тучу форумов. И все эти незнакомцы на часок-другой станут тебе ближайшими товарищами.

– В помойке чужих слов, возможно, и мелькнет дельный совет или хотя бы появится возможность убедиться, что у кого-то может быть хуже, но это пространство лишено ощущений, когда от взгляда, прикосновения, голоса, участвовавшего дыхания, мы чувствуем, как кто-то рядом сопричастен к тому, что мы переживаем.

– Ощущения? Для этого придумали инстаграм. Фейсбук грузит, его надо читать и хоть иногда заставлять себя думать. А здесь раз – «Поражена красотой Парижа!», и вот она закатывает глаза прямо в лифте Эйфелевой башни. Или «Грустна – хреновая погода» – и вот она в своей разобранной для всех постели лежит в уютной цветастой пижамке, еще и томик Достоевского для усиления драматического эффекта в кадр зацепит. Свадьбы, похороны, разводы, первое свидание, чужие букеты и тарелки с борщом, туда же и козлов, подрезавших на дороге, хороших и плохих учителей и докторов, фриковатых прохожих, вожделенные сумки и ботинки... Про детишек я вообще молчу – как покушал и как покакал...

Вот и скажи, зачем кому-то в наше время нагружать себя другом, если можно поделиться любыми ощущениями с доброй половиной зомби-города, которая, коротая время в пробках, готова ставить бесчисленные лайки под чужими горестями и восторгами?

– Не знаю. В инстаграме меня нет, а фейсбук я только изредка, для того чтобы связь с большим миром не терять, использую – исключительно как читатель.

– Только не говори, что это потому, что ты когда-то книжки правильные читала. Многие, представь себе, их тоже иногда читают. Таково уж лицо прогресса, где медлительные и особо чувствительные оказываются на обочине, без геолокации. Наше время – время имплантов.

– А я снова чувствовать хочу... И не только то, что регламентировано обществом, а все-все вбирать в себя, как в детстве... Помню, я закрывалась от родителей в ванной и подолгу смотрела, как капает из крана, ударяется о бортик ванной вода, как оседают на кране и искрятся электрическим светом большие прозрачные капли. Еще помню снег в окошке, будто манная крупа сыплющийся с неба, помню дыхание мальчика на задней парте, нетерпеливое и робкое.

– В детстве все кажется значительнее, чем есть на самом деле. И что, твоя загадочная подруга готова тратить время на то, чтобы все это с тобой обсуждать? Подозреваю, она женщина какого-нибудь Лешкиного подчиненного или его делового партнера. Не обольщайся, Надя. Все это сентиментальное словоблудие ровно до той поры, пока твой мужик ее мужику нужен.

– Нет. Меня с ней ничто не связывает. И я о ней почти ничего не знаю. Но когда она со мной на связи, я будто собой становлюсь.

– А сейчас ты кто?! Какой тяжелый бред... Лучше к профессиональному психологу обратиться, будет четкое понимание того, что за свои деньги ты получаешь на время чьи-то уши. Но, зная Лешку, предполагаю, что он жмотиться начнет... Еще скажи спасибо, что испанский не отказывается оплачивать. Вот интересно, эту загадочную женщину ты тоже чувствуешь?

– И очень хорошо. Ей сейчас непросто, ее мучает какая-то неразрешимая проблема.

– Ко мне каждая вторая приходит с неразрешимой проблемой. Я давно уже халат с маской не только на тело, но и на душу надеваю. Такие без стыда весь негатив сливают, а в следующий раз приходят как ни в чем не бывало и радостно щебечут. Я почти и не слушаю.

– Она не особо делится проблемами. Щадит меня, понимая, что моя

проблема, возможно, гораздо глубже.

– Твою ж дивизию! Просто слов нет... И в чем же твоя проблема?! Надоело с «мертвой рыбой» целоваться, так возьми и переспи со своим испанцем. Что такие глаза опять делаешь? Думаешь, я не понимаю, почему тебя в последнее время так распирает? Этот преподаватель – идеальный вариант. Таких, как ты, у него много, а у тебя ненужных иллюзий не возникнет. Отель «Подушкин» вам в помощь. Только поаккуратней. Помни: Лешка всевидящий. Считай, что я тебе ничего такого не говорила... А подруга эта, помяни мое слово, у тебя скоро что-нибудь заберет.

Люба и Надя

4 ноября

Москва. Городская клиническая больница 52.

Гинекологическое отделение

– Привет, Надюха) Видела твои сообщения. Спасибо за открытку, чудесные цветы. Здорово, что в наше время есть возможность одним нажатием кнопки сделать человеку приятное. Там, где я сейчас, плохой интернет, так что на пару дней выпадаю. Не грусти.

Вера и Люба

9 ноября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– И где же тебя носило? Проходи, присаживайся. Господи, а похудело как! Даже глаза ввалились.

– В больнице лежала.

– Что случилось?

– Не прижился плод. Живот тянуло, открылось кровотечение. Хорошо, Кирилл дома был, «скорую» вызвал. Срок небольшой, сохранять-то было нечего...

– Сочувствую... Так что, муж обо всем узнал?

– Хм, муж... Сейчас мы его поджелудочную лечим, с алкашкой пришлось завязать. Раньше одними рюмками жил, а теперь одними таблетками. Закинется – и в сеть, как в омут, с утра до ночи, с головой. Ничего вокруг не замечает. Сказала, киста была. Хорошо, что мужики ни хрена в женском организме не понимают.

– Люба, я понимаю, как это должно быть тяжело, но ведь уже возраст... Ты, кстати, тяжести не поднимала? Зная тебя, не удивлюсь.

– Тяжести не поднимала. Был бурный секс.

– Тьфу ты! От ведь бабы! Ты даже меня поражать умудряешься. Стесняюсь спросить, с кем? Хотя – разве теперь это важно...

– Как раз важно. С ним я была, с Вовкой. Пока ждала, когда он вернется, все, дура, дату определенную притянуть к предстоящему разговору пыталась, типа второе число лучше первого, а четверг добрее среды. До онлайн гаданий, идиотка, докатилась – «о чем он думает и как на самом деле ко мне относится?». Вовка как приземлился, сразу эсэмэску прислал. На следующий день, только из дома вышел – тут же звонит, а я его холодом, холодом, а у самой-то руки дрожат, то монетку подбрасываю, то в первую попавшуюся книгу за ответом лезу.

– О тебе такого никогда не подумаешь.

– Хм... Да уж, конечно. Вот ходят некоторые с пакетами из магазинов, честно понимая, что никогда не смогут в таких магазинах одеваться, но чтобы кто-то не слишком искушенный думал иначе... Так и я в своем блоге лохушкам транслирую. В теории я часто согласна с тем, о чем пишу. А вот ткнули, нежданно, как оказалось, в еще живое, я снова школьницей

беззащитной себя почувствовала. Кручусь-верчусь, почти и не спала последний месяц... Валокордин, афобазол – ничего не помогало. Вовку представляю – и сердце по новой колотится, так и вижу, как его, будто подстреленного, эта тяжесть пронзает. А что бы он мог сделать? Безоговорочно признать ребенка? Когда-то в будущем провести унижительную для всех экспертизу? Разорвало бы его на две части... А там жена такая – сразу бы все почувствовала и никогда бы не простила. Не ушла бы, ей и некуда – зато с полной рукой козырей оказалась...

– Много ты о других думаешь.

– Одним словом, встретились, он отдохнувший, загорелый, и глаза такой радостью светятся! Любушка, говорит, как же я по тебе соскучился! Я весь отдых счастьем своему не верил. Каждый час о тебе думал, и жена рядом ходит довольная, ведь от одной только мысли о тебе я готов был весь мир расцеловать. Вот у меня, Вера, все слова и растерялись... Ты подумай, он же пять лет меня добивался! Не смея надеяться, просто был рядом, пока я все так же продолжала бежать подальше от своей хрущевки, от матери горластой, отца проспиртованного, а потом уже и от Кирилла. И, как недавно поняла, все это время я просто упрямо продиралась к подслащенной пустоте. К кичливому пустому пакету из заповедно дорогого магазина. У меня было, наверное, минуты две от его «здравствуй» до нашего поцелуя, за которые в голове пронеслось: скоты мы, конечно, оба, отступники, но он, всегда такой неловкий, неправильный, совсем обычный, сейчас до краев переполнен жизнью, а то, что принесла в себе я – там одна сплошная безнадега. Так стоит ли ему с ходу крылья обрывать? И кто ж наверняка знает, что завтра с нами будет? Раньше все атомной войны боялись, а теперь есть ИГИЛ и зобми-апокалипсис. Вер, у меня такая физика была когда-то только с Кириллом... Все остальное – ради куража. Разговоров больше, чем дела.

– Зачем?

– Да вот чтобы такие, как ты, завидовали... И было-то, если честно, всего пару раз за годы брака, без чувств, без опоры на что-то настоящее. Взяла бы да зачеркнула.

– Спасибо за откровенность, но можешь быть спокойна – я тебе не завидую. Зато с утра в инете как раз к твоему случаю подсмотрела. Вот, послушай: «Настоящая проблема вовсе не в том, что мы как культура недостаточно считаемся с мужской биологией. Нет, настоящая проблема в том, что это единственная биологическая реальность, с которой мы считаемся».

– Ты думаешь, что я сдалась ему из-за слабости... Нет, Вера, я была

очень сильна в тот момент. Как изголодавшаяся по ласке собака, я кусать передумала и просто позволила себе его чувствовать. Да, Вер, я не думала больше ни о чем, я просто это проживала! А ты мне опять фразы. Фразы я и сама умею. Мои посты похожи на скульптурирование лица – подогнанный под современный стандарт кусочек фальшивой правильности. А с Вовкой было настоящее.

– Настоящее заключается в том, что ты до сих пор в шоке, и еще – с твоим ослабленным иммунитетом тебе сегодня здесь нечего делать. Держи, пропьешь на всякий случай вот это и придешь ко мне не раньше, чем через неделю.

– Есть новости от сына?

– Есть. Человек по его просьбе приходил, сказал, что жив-здоров.

– Отлично! Ладно, побегу я. Давай, до встречи...

– От сучка безмозглая... Господи, прости ее... Погрязшую в грехе, не ведающую, что творит. Всемилостивый Боже, прости меня! Прости нас всех!

Вера и Надя

13 ноября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Был сон. Я в доме одна, но знаю: скоро Ромка из школы вернется. Предметы вокруг: мебель, книги, чашки, табуретки – вроде привычные, всамделишные, но тревожно как-то... За окном смеркается, а Ромки все нет. Позвонить ему или его друзьям мне что-то мешает. Вспомнила! Во сне это было время, когда и в помине не было мобильных. Ты сама-то хоть еще помнишь, что такое «домашний» телефон? Ладно, думаю, часок еще выжду, и придется классной руководительнице звонить. А тетка была неприятная, та, которая с третьего по пятый класс. Будто в мешок сермяжный по шею упакована, и только глаза за стеклами очков усталой злостью поблескивают. На каждом собрании мне под парту спрятаться хотелось, когда она на личности переходила, только, думаю, моего бы стороной обошла...

Потемнело совсем за окном, ни людей во дворе, ни собак, ни птиц, деревья голые, и только снег грязный лежит и мне в лицо усмехается... Такая вокруг тишина – удавиться хочется. И во сне я понимаю: если в доме задержусь – до утра не до живу.

И вот я уже вроде одеваюсь, хочу найти место, где есть музыка и свет, только ради того, чтобы предстоящую ночь пережить, но тут раздается звонок в дверь. Я почему-то точно знаю, что это не Ромка. В глазок смотрю – стоит высокий красивый парень. «Открывайте, – говорит, – Вера Андреевна, я от вашего Ромки».

На мне уже платье нарядное, а сапожки выходные, из шкафа выуженные, лежат в коробке посреди коридора. Неловко мне стало, что он увидит и подумает, будто я такая легкомысленная мать.

Парень снова звонит.

Я дверь приоткрыла и через щелку спрашиваю, мол, кто он такой и где мой сын. Вдруг вижу, что на пареньке этом форма военная, а еще будто автомат за спину закинут. «Я, – говорит, – друг вашего сына, все, мол, с ним хорошо, кушает нормально, не болеет. Просил вам поклон передать». Я отвечаю: «Мой мальчик не может с таким дружить, он у меня маленький, у него завтра контрольная по алгебре, и ему ингаляцию пора делать – кашель еще не прошел».

А парень мне в щелку просовывает рисунок. Беру его в руки и вижу –

Ромкин. Будто две елочки, одна повыше, другая пониже – мама и сын – идут на прогулку и шары воздушные, цветными карандашами размалеванные, в руках держат. Глаза поднимаю – а парень исчез...

– Вер, не плачь, пожалуйста.

– Угу... Да, и вам добрый вечер. Нет, пока не определились. А мы не просили нам ничего советовать, советы свои можете нуждающимся раздавать. Почему грубо?! А давайте мы вашего менеджера позовем и решим, кто тут кому грубит.

Надя и Люба

15 ноября

Московская область КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Привет, Люба. Смотрю, тебя здесь давно уже не было...(

Ни постов, ни фоток. А мне удалось купить книгу, по которой ты гадаешь))) Сборник стихов Лорки. Загадала страницу и строчку, вот что получилось: «Прикрыв горделиво веки, покачиваясь в тумане, из-за олив выходят бронза и сон – цыгане».^[1] Я понимаю, это иносказательно, но все же сложно представить, как это лично ко мне может быть применимо...

Я цыган с детства боюсь, как завижу – за километр обхожу. Особенно цыганок. Мать говорила, сглазить могут.

Люба, с тобой все нормально?

Вера и Люба

17 ноября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– К девке его ходила. Был сон на днях, глаза открыла и уже без сомнений, всем сердцем ощутила – она точно что-то знает!

Не стала церемониться: сразу, без звонка, пришла и в дверь позвонила. Она все еще на той квартире живет, которую они с Ромкой снимали. Вот интересно, на что?! Раньше я им помогала, а теперь? Мамашка и папашка там – одно название. Она уже лет с двенадцати без взрослых по Москве кататься начала. А квартира недешевая, с видом на парк. В общем, я сразу в лоб: говори что знаешь! Она стоит заспанная, едва на ногах держится, будто всю ночь ее где-то драли, и невозмутимо так отвечает: «Если бы вы, Вера Андреевна, умели отпустить, такого бы не случилось».

Аж придушить ее захотелось! А и этого не могу – тогда ничего не узнаю. Не сдержалась я, закричала на весь подъезд: «Что ж ты, тварь, надо мной измываешься? Просто скажи, наконец, где он? Почему не звонит?»

А она в ответ: «Всему свое время. А вы, Вера Андреевна, не кричали бы так громко, у меня подруга заночевала, температура у нее». Люб, ты представляешь, это мне, матери, такое выдать!

– Верк, ну ладно тебе... Поганка она, спору нет. Но на жизнь свою право имеет. А то, что не говорит, где Ромка, так это он ей запретил. Он, наверное, на заработки куда-нибудь поехал, надоело ему на твоей шее сидеть. Обустроится, конкретика появится – отзвонится и все тебе разъяснит.

– И брат что-то знает, я чувствую... Люб, я как будто больше не живу, а просто со стороны наблюдаю, как ходят и говорят другие, как ездят по улицам машины, как день тупо сменяет ночь. Предметы в руках как цирковые, годами обученные собачки: сами все необходимые действия выполняют. Ладно, извини, что-то я вышла из себя...

– Перестань. Поди, не чужие давно.

– У тебя как?

– Все так же. Страдаем оба от разделенной любви. Пока без секса обходимся, сама понимаешь, мне еще нельзя, вот отмазки и придумываю, чтобы не провоцировать.

– Так уж и любви?

- Похоже на то.
- Люб, кабы любовь была, ты бы ему правду давно рассказала о том, что тебе пришлось без него пережить.
- И так тяжело. Зачем еще больше утяжелять?
- Так что он тебе говорит?
- Говорит он плохо, красивым словам не обучен. Зато я даже через айфон слышу, как у него сердце колотится!

Надя и Вера

20 ноября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Алексей планирует наш летний отпуск. Но я тебе обещаю: если Ромка не вернется, я откажусь от поездки.

– Сдурела? Хочешь, чтобы он окончательно меня возненавидел?

– Разве они в роскошном отеле без меня не проживут? На территории, помимо шведского стола по утрам, до глубокой ночи работает куча ресторанов, есть теннисный корт, тренажерный зал, поле для гольфа и два бассейна. Алексей расписание для мальчишек на каждый день составляет. Они прекрасно справятся. Тем более что моя функция, с тех пор как младший в школу пошел, заключается лишь в том, чтобы красиво одеваться к вечернему выходу и соглашаться со всем, что радует или огорчает моего мужа. В рабочем режиме я хоть в школу детей собираю, обедом кормлю, на тренировки отвожу. Все у нас в графике, все по плану. Вер, мне давно уже отдыхать не от чего.

– Ушам своим не верю... Ты всегда была такая наседка, а сейчас так легко об этом говоришь. А если кто-то из мальчишек заболит?

– Да я же только суету создаю! Алексей лучше любого доктора знает, как лечить болезни, а уж мое мнение, если и берется в расчет, то только по остаточному принципу. Это у меня каждый день что-то болит. Просыпаюсь и нахожу все новый источник для беспокойства: то желудок, то кашель, то голова плывет. Сама себе диагнозы ставлю и молчу: я не имею права расстраивать Алексея. Он правильный, он хороший, но он везде, его слишком много.

– Ты хоть представляешь, сколько баб годы жизни отдали бы за то, чтобы поменяться с тобой местами?

– Представляю... Если честно, я вообще в Испанию не хочу... в четвертый раз.

– Так к чему тебе испанский?

– Моя мечта – Буэнос-Айрес. Мне давно уже снится этот город. Снится гулкий, светящийся огоньками огромный порт. В воздухе разлиты ароматы цветущих диковинных деревьев, от широкой дороги разбегаются вверх многочисленные улочки с барами и ресторанчиками. Мужчины, неспешно прогуливающиеся по набережной, нарядны и задумчивы, женщины фигуристы, красивы, а из глубины их печальных черных глаз проглядывает неумирающая надежда на то, что конкретно этот, снова прожитый как в последний раз вечер, принесет, наконец, долгожданную встречу. Отовсюду льется музыка. Старая, забытая, рвущая душу. Музыка тридцатых-сороковых годов прошлого века. Хрипловатый баритон, рожденный в сердце войны, у которой не будет конца. И раны тех, кто разделяет его отчаянье, никогда не заживают. Спрятанные днем под тугими бинтами, каждую ночь они открываются и кровоточат. А потом наступает утро. И город притворяется иным – нежно-акварельным, воздушным, обманывает глаз простотой, но все так же ускользает. Смуглые старики, отгородившись от прохожих сигарной завесой, сидят в старых плетеных креслах и неспешно потягивают свой кофе. Они знают о городе правду. Но они молчат – таковы здешние правила.

– Хм... Редко столько слов от тебя разом услышишь. Про все это рассказал тебе твой испанец?

– Конечно нет. С ним мы только учим испанский.

– Надь, а что-то в тебе изменилось...

Надя и Люба

21 ноября

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

– Спроси меня о чем-нибудь.

– Вот мне давно интересно, как на тебя смотрит твой испанец)

– Умеешь же ты сразу в точку попасть. Ты представляешь, мне иногда кажется, что он в меня влюблен...

– И сейчас ты покраснела.

– Угадала.

– И всякий раз, когда ты думаешь про него, тебя начинает мучить совесть.

– Скорее появляется какой-то сладостный страх.

– Так это ты в него влюблена)))

– Еще бы вспомнить, что это такое... Майорша, всегда такая немислимая ханжа, вдруг посоветовала мне с ним переспать.

– Любой другой и я бы посоветовала то же самое. Кстати, только что закончила очередную пошлятину «Жизнь после сорока, или Секс ради секса», через несколько минут опубликую на фейсбуке. Но это точно не для тебя.

– А для кого?

– Для стада. Оно с удовольствием схавает. Есть две беспроягршны для аудитории темы – все, что вокруг секса, и все, что вокруг чужого несчастья. А тебе скажу так: секс ради секса – это бессмысленная растрата себя. Фактически – предательство. Медленная смерть души.

– Тогда зачем ты это пишешь?

– Я тоже в стаде. Соответственно, пишу для него. Поначалу я пыталась пропускать все через себя, примерять к своим ощущениям. Лайков было немного. Сейчас людям не то что читать, даже думать самостоятельно лень. После определенного количества подписчиков уже не столь важно, что ты напишешь, главное – быть понятной и краткой, немного приправить англоязычными терминами, одним словом, быть в тренде. Когда-то одна недолюбленная, обиженная овца возомнила себя революционеркой, решила, что может подкорректировать природу вещей, это быстренько подхватили такие же недолюбленные овцы, и вот мы уже привычно платим и за себя, и за того парня в ресторане, снимаем на ночь кавалеров,

открываем настежь окна спален и выкладываем на всеобщее обозрение прокладки и секс-игрушки, а между делом тайком ходим к психологам, чтобы не выброситься из окна.

– Я и не буду твой пост читать... Расскажи мне лучше о танго.

– В следующий раз. Прости, мне пора бежать.

Люба и Вера

23 ноября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Я не люблю в жизни лгать. Чувствую себя не выучившей роль актрисой, к тому же некрасивой и напрочь лишенной таланта. Ложь, будто коррозия, разъедает не только лгущего, она имеет свойство проникать во все, что его окружает, поражая даже неодушевленные предметы. И чем больше живого в причине лжи, тем быстрее идет процесс разрушения. Во мне теперь будто две женщины. Одна, почти уже не верившая в чудо, воскресла, а другая, глядя на это, мучительно подышает. Вер, ты даже не представляешь, как я мечтала о том, чтобы вновь это испытать! Случается, люди без чувства жизнь проживают, но я-то помнила, что это такое, когда по-настоящему... Ночами, годами, непрожитыми взхлеб веснами, посреди тоскливых домашних ужинов, безрадостной обязаловки, картонных улыбок, склизких чужих поцелуев, гнетущего чувства долга, я верила в то, что где-то все еще лежит мой кусочек простого женского счастья. Ах, как я ждала мощного ветра, который ворвется и разметет по углам всю эту ненужную рухлядь!

А теперь... Припаркуюсь у дома, из машины по полчаса не выхожу – с Вовкой разговариваю. О чем? Да обо всем и ни о чем. Говорю в основном я, а он слушает, и я чувствую, как он млеет от моего голоса. Сердце, глупое, на весь поселок колотится, ключи из потных ладоней выскользывают, идиотская улыбка с лица не сползает... За ручку двери берусь – и тут же слышу шаги Кирилла. И такая нелепая мысль меня пронзает: думаю, вот было бы здорово с ним поделиться! Кто может быть ближе, роднее? Мы двадцать семь лет будто в одной камере просидели... А он кольнет взглядом и глаза отводит, словно мысли читает, пакеты из рук побыстрее вырвет и на кухню бредет. Я смотрю ему в спину и понимаю: чтобы выйти из камеры, у меня есть только один путь – взять и добить его. Не смогу я... Да и не знаю точно, что там, за пределами камеры. Поэтому снова лгу.

Ведь что от него осталось? Статус, толком не закрепившись, рухнул, без боя сдавшись удачливым и дерзким, здоровье давно уже по частям разбазарил, а талант... Кому сейчас нужен голый талант? Сын вырос и ушел. Остались наши совместные завтраки, где он, почти три десятка лет, в любую погоду и в любом состоянии, готовит нам кофе и ворчливо ждет,

пока я сварю кашу или поджарю омлет. Раз в месяц, будто на алтарь подыхающему божеству, мы все еще возлагаем нашу общую жертву – физическую близость. Дело не в том, что я больше зарабатываю, на свои обзоры в паре-тройке изданий он вполне бы мог худо-бедно существовать, плюс бабкина квартира, которую он сдает, дело в том, что эти повторяющиеся действия – то единственное, что до сих пор соединяет его с реальностью и заставляет возвращаться из неживого компьютерного пространства к все еще едва живому...

– Ты не хочешь развода, Люба... И новый брак с этим отлично устроившимся водилой тебе тоже, я понимаю, не нужен. Так чего же ты хочешь?

– Я пытаюсь найти в себе некий центр, крошечную точку, которая позволит освободиться от ненужного и даст мне возможность полноценно дышать. Я знаю: только эта точка способна примирить непримиримое.

Надя и Вера

27 ноября

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Вчера в храме были. Алексей всем сорокоусты за здоровье заказал.
– Почем?
– Господи, да я не помню... Рублей по двести вроде.
– Теперь он может позволить себе многое и даже не грешить.
– Зачем ты так... И что в твоём понимании грех? Мне всегда казалось, при определении греха должен учитываться не только поступок, но и мотив.

– Слушай, а хочешь историю? Как ты любишь, про незнакомых людей.

– Конечно хочу.

– Представь себе некое автономное пространство, допустим, военный гарнизон... Жила в нём вполне счастливая молодая семья. Муж получил хорошую хозяйственную должность и жену сумел пристроить по специальности. Особо не напрягаясь, она работала в свое удовольствие, скажем, в поликлинике... Ребенок рос славный, оглянуться не успели – уже в школу пошел. Каждый последующий день был будто брат-близнец предыдущего, но плавное течение жизни окрашивало даже скуку в теплые тона.

Хлопоча целыми днями на ответственной и нервной работе, муж находил в себе силы на то, чтобы дома становиться сдержанным, внимательным, а то и ласковым – временами – человеком.

Из развлечений у них – кино да вечерние междусобойчики у кого-нибудь из молодежи на квартире.

Много смеха, много дыма, мужчины потягивают дармовой, подаренный родителями солдатиков коньяк и перебрасываются в карты, женщины, прибрав со стола, покуривают на кухне в окошко и постоянно сплетничают, как без этого.

Все настолько понятно, что, кажется, даже если разразится всемирный потоп, весь этот слаженный механизм плавно переместится на свой персональный ковчег и поплывет себе дальше из зимы в лето, и будут молодые матери все так же вытирать детишкам липкие от мандаринов пальчики, прятать друг у друга по шкафам привезенные к Новому году из большого города подарки, искать по соседям забытые перчатки, спасать от капли прически под платочками, распахивать форточки в сопливый

апрель, подравнивать пахучую сирень в трехлитровой банке, ходить по воскресеньям за ландышами и земляникой, отгонять от черешни и абрикосов мух и печь пирожки, с грибами или с вишней.

То ли от скуки, то ли в угоду столичной моде некоторые из офицерских жен приобщились к православию. В городке была небольшая церквушка и славный батюшка с загадочной судьбой. Уж как его туда занесло? Но прихожанки, давя любопытство, не позволяли себе лишних пересудов – человек все же духовный, иной.

Благополучная мать нашего семейства с ним сблизилась поболее остальных. Наивная была, беды еще в жизни не знала, в людей верила и старательно видела в них только хорошее, да и книжки в свободное время в избытке читала.

Батюшка был молод, сдержан, но искренен в речах и, при более пристальном взгляде, как-то обычен, что ли... Это ее больше всего и подкупало. «Ведущим к свету должен быть один из нас», – думала она, глядя в его не по годам уставшие и, как ей казалось, познавшие какое-то мирское разочарование глаза.

Она часто приходила на службу, а так как характер имела с детства взрывной, после вспышек гнева или обиды честно бежала на исповедь, во благо семьи читала акафисты и много раздумывала над словами батюшкиных проповедей.

Нет, она не ушла в религию с головой и продолжала вести нормальный для молодой женщины образ жизни, но в какой-то момент поняла, что безоговорочно верит этому человеку.

– А что ее муж?

– А муж в это не лез. Пропадал до глубокого вечера на службе, по большим праздникам ходил с ней в церковь и оставлял там щедрые пожертвования, а батюшку уважал, на расстоянии.

Беда пришла в дом, как это часто случается, неожиданно.

Я уже сказала, что муж заведовал хозяйством городка и семья жила лучше остальных. Муж был достаточно умен для того, чтобы особо не высовываться, лишнего себе не позволял, но семью баловал – жену стремился разодеть, как на картинке в журнале, бывало, и Dior оригинальный дарил, а сына игрушками заваливал, репетиторов по английскому и французскому из ближайшего областного центра с первого класса в дом приглашал. А также славился он в городке своим хлебосольством – по праздникам стол ломился от угощений, он любил большие компании и с удовольствием разделял с товарищами нехитрые мещанские радости.

Может, какая из местных сучек позавидовала их достатку и накрутила супруга, а может, просто совпадение, но нагрянула в городок комиссия с проверкой.

Какой-то знакомец из вышестоящего начальства загодя мужа предупредил, начали в доме спешно да нервно к столу собирать, чтобы важного чина из комиссии, как это водится, подпоить и умаслить.

Набилось народа, офицерские жены пришли в своих лучших платьях, стол от водки и икры ломился, и напряжение, повисшее поначалу, быстро улетучилось.

А за окном был май. Самый блудливый месяц года.

Всем в мае хочется любви, скорой, невызревшей, чтобы оглушила, как салют, чтобы разлилась по венам, как аромат черемухи, и вот уже рвут душу гитарные струны, и вино пьянит совсем по-особому.

Приглянулась молодая жена подполковнику из комиссии.

Пока гости пили, гоготали и песни горланили, как-то оказалась она с подполковником наедине на лестничном пролете. За окном совсем стемнело, подполковник докурил, прижал ее к себе и поцеловал со всей страстью прямо в губы.

А потом сказал: «У мужа твоего, красавица, обнаружена большая недостача, срок ему реальный грозит, и, само собой, – потеря звания и отстранение от должности».

Она в слезы. Он ее утешает и все крепче к себе прижимает, в щеки, в лоб целует и гладит по голове, как маленькую девочку.

«Я могу помочь, – говорит. – В моих силах сделать так, что никто об этом больше не узнает. Приходи ко мне завтра в обед в гостиницу. Мы люди взрослые, к чему нам слова понапрасну ронять? У меня в Москве семья, но я тебя полюбил с первого взгляда и точно знаю, что буду теперь любить всю оставшуюся жизнь».

Не спала она в ту ночь...

И страх за мужа схватил за шею, не отпускает, и... понравился ей подполковник, даже более чем...

Сердечко бьется – то ли от ужаса, то ли от сласти, поди разбери, так все в ту ночь смешалось.

Наутро, себя не помня, поспешила она в храм.

Пока дошла – протрезвела, наваждение стало отступать, и перед глазами остался лишь муж, который, будто чувствуя надвигающуюся беду, лишь для вида вначале повеселился и как в воду опущенный весь вечер просидел.

Схватила она батюшку за руку и все как на духу рассказала.

И что, ты думаешь, он ей ответил?

– Даже не знаю...

– Он помолчал, подумал, глаза отвел и вдруг тихо так говорит: «Грех во благо другого не такой уж тяжкий. Сделай то, что считаешь нужным, и молиться усиленно не забывай».

– Она пришла в гостиницу?!

– Да. И все случилось даже не так, как она предполагала. В тот час, что они провели вместе, она будто в иное измерение попала. Не умом, а чем-то иным она понимала: не случайна эта встреча, и то, что с ними происходит, вовсе не блядский грех, а предначертанность... Сгорая в его объятиях, она чувствовала лишь одно: вот это и есть любовь, единственная в жизни, а может, и не только в этой жизни...

– Она не любила мужа.

– Я этого не сказала. Она думала, что любила... И потом еще долго убеждала себя, что ради спасения ближнего грех на душу взяла. Уехал подполковник, но обещание сдержал – мужа не тронули. И все вроде возвратилось на круги своя, да только с тех пор будто кто-то умирал каждый день в этом доме, а может, наоборот – не рождался.

Шло время, но она так и не смогла забыть.

И простить...

И мужа, и подполковника, и себя.

К бабушке ходить перестала, о молитвах забыла. Сын рос, у мужа появилась возможность в Москву вернуться. Вдруг что-то стало ее в его поведении настораживать, пошли сплетни, мол, с секретаршей у него адюльтер на новой работе. До подробностей она опускаться не стала, но бросила всю свою энергию на то, чтобы дело к разводу пошло. Знаешь, как бывает: выматывают друг друга люди недосказанностью, не прямо предъявляя претензии, но между жестов, между слов делая взаимное существование невыносимым... Не выдержал муж, ушел.

– К секретарше?

– Поначалу да, но они недолго прожили. Потом, по слухам, пить начал да так и канул со временем в неизвестность.

– И сына оставил?

– До положенного возраста хорошие алименты платил. Но сын от него быстро отвык. Тем более что мать старалась заменить ему и отца и всех остальных родственников. Кстати, если тебе интересно, муж и в самом деле подворовывал на той должности.

– И она знала?

– Конечно догадывалась.

– А что случилось с бабушкой?

– Кто ж его знает... Но вскоре он оттуда уехал. После поговаривали, что в юности он то ли рокером был, то ли по наркоте промышлял.

– Вер...

– Что?

– Хочешь, я для Алексея что-нибудь выдумаю, поедем к тебе, бутылочку хорошего красного возьмем, выпьем?

– Спасибо, Надь. Езжай домой. Я привыкла в своем коконе. Не теплый он, не холодный, но по мне лучше так, и чтобы особо не трогали. А тебе повторюсь: не хватает физики – прими вещи такими, какие они есть, и если уж невоготу, переспи со своим испанцем, только не влюбляйся в него и вообще ни во что в этой жизни ни влюбляйся! И брата моего не растревожь...

Люба и Надя

28 ноября

Московская область КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Привет) Прости, в прошлый раз про танго не ответила. Поболтать есть время? Писать больно долго)

– Конечно) Звоню!

– Аргентинское танго – социальный танец, и это почти всегда импровизация. Основная задача партнеров – стремиться найти общий центр, ведь только так они смогут вести полноценный диалог. Ну... представь себе какое-то охеренно красивое животное с одним туловищем и четырьмя ногами.

– Должно быть, это очень неудобно. Свое-то тело зачастую не понимаешь, а тут еще одно! Мужское! И диалог!

– Поначалу дико неудобно, особенно для нас, скованных в жестах и склонных к рефлексии северных дур. Но движение в паре возможно лишь тогда, когда ты почувствуешь собственный баланс и научишься им управлять.

– Наверное, это занимает уйму времени.

– В этом процессе нет финальной точки, даже гребаные профессионалы оттачивают в танце мастерство на протяжении всей жизни. А для нас, неподготовленных и неискушенных, все происходит следующим образом: сначала ты – ребенок, шаги, их последовательность, фигуры – все это уже готовые формулы. Учить их и интересно, и утомительно, как азбуку. Как только освоишь базу, тебе кажется, что вот уже все, ты готова танцевать. Но, видишь, какая подстава: хорошие ли у тебя способности от природы или посредственные, прилежно ты училась или не очень, все это становится не столь важным в тот момент, когда ты наконец-то полноценно встаешь в пару. Партнер должен вести тебя не руками, так делает только лох. Хороший партнер едва уловимым движением корпуса подает сигналы, и ты должна следовать за ним.

– Я не понимаю!!!

– Что непонятного? Овладев, как азбукой, приемами, ты считаешь информацию, которая исходит от центра, а поскольку он у вас с партнером общий, информация незамедлительно перетекает в ту часть центра, за которую отвечаешь ты. И твое тело должно отзываться движением.

– А твое отзывается?

– Оно у меня всю дорогу, как оказалось, было скукоженное. А я, сука, не знала! Наше поколение, те, кто вырос в перестройку, это отдельный пипец. Че там в детстве-то было? «Ленин всегда живой и всегда с тобой»? Тоже, небось, плакала? В этом хоре только и можно было дать волю чувствам, а про остальное нас не спрашивали, зато разбирали на собраниях проступки. Со мной девочка за партой сидела, чего-то там накосячила по мелочи, а училка в журнал заглянула, и раз – на весь класс говорит: «Ясно. Безотцовщина». И без того зашуганной, толстой девчонке в ее двенадцать лет! Мать меня классе во втором в музыкальную школу отдала, не сама придумала, соседка, типа, более продвинутая, надоумила. Отцу премию в депо под Новый год хорошую дали, и мать, чтобы не пропил, тут же деньги у него выдрала, заставила пианино недорогое по объявлению купить. Сначала, понятно, ноты-гаммы. Потом дошли до «Лунной сонаты» Бетховена. Меня училка задирала до слез за то, что в нотах ошибалась или паузу не держала... А она или мать, которой эта соната должна уже была во сне сниться, хоть раз меня спросили, что я чувствую, когда пытаюсь ее сыграть? Потом ворвался ветер перемен, и только-только зарождающуюся женственность – сразу в топку вместе с неврастеничкой Карениной и юродивой Мармеладовой. У нас два-три человека во всем классе на самом деле это читали. А чего они понимали, что чувствовали? Им, зубрилам, нужно было свою пятерку в рамках усвоенного текста получить. А у местных парней пользовались безусловной популярностью отвязные девахи, в старших классах умудрявшиеся бросить в копилку по несколько мужиков и еще успевавшие поменять у иностранцев спизженные у отца или дядьки часы на поношенные джинсы и сигареты «Мальборо». Я даже не помню, чувствовали ли мы тогда хоть что-то... Мы об этом почти не говорили. Некогда было чувствовать, все стремительно переворачивалось с ног на голову. А это ведь, Надь, был тот самый возраст, когда гусеница должна превратиться в бабочку. Но так было на моей рабочей окраине, а ты, судя по всему, в другой среде росла, берегли тебя, голос, небось, повесить боялись...

– ...

– Ку-ку! Задолбала эта блядская связь. Ты еще там?) Прости, если резко, я просто хотела сказать, что ты – редкий экземпляр)

– Не люблю вспоминать юность. Поверь, все было не так, как ты себе представляешь... Кстати, я только что прочитала: в танго получение информации от партнера со временем достигается одной силой мысли.

– А ты, я смотрю, уже продвинутая!) Танго – это твое, да. Настоящая

магия... Как и любовь. Танго, по сути, – квинтэссенция отношений мужчины и женщины, но приближенных к идеалу, а не тех, какие существуют на самом деле. Хотя, пожалуй, кое-что встречается и в них... Когда мы влюбляемся, нас накрывает так, что мы, стремясь услышать желания партнера, почти не дышим в объятиях любимого. Короткие бесценные мгновения, дающие нам способность считывать мысли другого человека. И волнуют нас в этот момент не столько собственные ощущения, сколько его эмоции, которые мы пытаемся поймать и которые – о чудо! – полностью совпадают с нашими. А потом все куда-то исчезает, мы восстанавливаем свое жесткое дыхание и в лучшем случае продолжаем слышать только себя. А так как мы, как правило, и себя-то никогда особо не слышали, выходит, что снова становимся глухими.

– Люба, ну ты же по любви замуж вышла, я это чувствую...

– Гы) Ты единственная, кто мне об этом напомнил. Обычно люди про детей и недвижимость напоминают. Говорю же, ты особенная.

– Брось. Ой, спасибо за розу! Люба, а что такое, по-твоему, любовь?

– Моя приятельница, врачиха, на днях сказала так: «Любовь – это всего лишь сумма потребностей». Но она, врачиха моя, конечно, снежная... Даже не королева, а баба!

– Любовь – это что-то долговременное... А потребности меняются, как и человек рядом.

– Надюша, если бы знать) Люди научились управлять сложнейшим, а в простейшем, самом естественном, что может быть на свете, путаются, как слепые котята. Жизнь на этой планете – всего лишь испытание... Но я стараюсь делать то, что лучше всего умею: меньше думать и больше действовать. И тебе того желаю. Все. Це-це))) Мне пора бежать)

Вера и Люба

28 ноября

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Сосед вчера приходил. Вдовец. Так, иногда обращаюсь по мелочам за помощью.

– С коньяком и шоколадом?

– Нет, с разводным ключом и списком новейших сериалов в айфоне.

– Вот козел! Умоляю, только не говори, что ты его сразу отшила!

– Он подтянул сифон под раковиной, я сварила кофе, мы посидели, он пожаловался на свой пародонтит и выяснил, где я буду встречать Новый год.

– Ну и?!

– Люба, к Новому году Ромка вернется, понимаешь? Он просто не сможет вот так взять и оставить меня одну!

– Я надеюсь... Знаешь, мне пришла в голову мысль, что мы слишком большое значение придаем условностям. Жирная селедка в майонезе, шампанское и водка – привет гастриту и печени, недопеченный или пересушенный гусь, который, сука, в компании с кастрюлей оливье еще неделю будет путешествовать по всем полкам холодильника... Вот интересно, какой лошара придумал, чтобы все это было атрибутами какого-то мифического «нового» счастья? Неужели мы, набив брюхо вредными углеводами с консервантами и залив их щедрой порцией алкоголя, в самом деле верим, что это приносит радость? И зачем, украдкой от близких глотая таблетки, так героически изображаем восторг? А эти раскрашенные, давно поехавшие башкой мумии из развлекательной программы центрального канала? Я еще школу не окончила, как у половины из них было по три развода. Этот праздник хорош только для детей.

– Ну, Вовка-то твой, само собой, с семьей будет отмечать...

– Само собой... Если честно, то конкретно в этом году я хотела бы в новогоднюю ночь побыть одна, тем более сын давно традиционно уезжает с друзьями в конце декабря кататься на лыжах. Но ты же понимаешь, я не могу оставить своего муденя... Да и мать моя уже к нам скребется, грозит, что, если останется дома, соседи доведут ее до инфаркта хлопущками и детскими воплями. Там райончик тот еще, теперь большая часть соседей – трудовые мигранты.

- Пожилая?
- Пипец какая пожилая... Она меня в восемнадцать родила.

Вера и Надя

30 ноября

Москва. Клуб «Райтанго»

– Надь, ты что, пьяная? Ты внятно говорить можешь? Что ты узнала?! Я и так почти ничего не слышу, да, я пытаюсь выйти, но здесь куча народа. Блин, да не ваше это пальто! Женщина, не надо трогать меня руками! Нет, оно не темно-синее. Надь, да убери ты этот умирающий голос! Я еще ни в чем тебя не обвинила, прекрати мямлить. И ты все это время молчала?! Вот так встречалась со мной, смотрела в глаза и молчала? Ах, только сегодня... Бред какой-то... Какие могут быть учения, он филолог! Какой секретный отдел? Еще скажи, что его создали для борьбы с надвигающимся зомби-апокалипсисом. Причем тут Ромка? Вы чего там, на травку с Лешкой подсели? У твоего мужа невероятно жестокое сердце. Да не надо ко мне никуда приезжать. Не волнуйся, приедете еще на мои похороны... Когда он с ним говорил? Точное время назвать можешь? Вы просто нелюди, что ты, что твой муженек... Женщина, да уберите вы от меня руки!

Декабрь 2017

- Российские спортсмены поедут на Олимпиаду-2018 под нейтральным флагом.
- Пассажирские составы РЖД переведены на движение по новой магистрали в обход Украины.
- Госдума одобрила инициативы президента о поддержке семей.
- Конституционный суд Австрии принял постановление, легализующее однополые браки.
- Замоскворецкий суд Москвы приговорил экс-министра экономического развития к 8 годам колонии строгого режима. Суд доказал его вину в принятии взятки особо крупного размера.
- NASA и искусственный интеллект Google открыли солнечную систему, подобную нашей.
- Премьер-министр Ирака объявил об окончании войны с ИГИЛ.
- Президент России прилетел в Сирию и приказал приступить к выводу российских войск.
- В камере хранения петербургского супермаркета «Перекресток» взорвалась бомба. Пострадали 16 человек.
- В Донбассе состоялся обмен пленными между самопровозглашенными ДНР и ЛНР и Киевом.
- В Большом театре состоялась премьера балета «Нуреев» режиссера Кирилла Серебренникова, находящегося под домашним арестом в связи с обвинением в мошенничестве.
- Президент РФ подписал поправки в Кодекс об административных правонарушениях, предусматривающие увеличение штрафов за помощь нелегалам.
- Среднемесячная температура в Москве $-1,2\text{ C}^{\circ}$.

Надя и Люба

1 декабря

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Люба, я схожу с ума!

Сегодня проснулась, сознание еще цеплялось за остатки сна, и показалось, будто комната наполнена едва уловимым, до боли знакомым ароматом... Я принялась жадно втягивать воздух – чистый ландыш, и меня пронзило аж в самое сердце: это духи моей мамы! Я давно живу без нее, так уж сложилось... А отца у меня и не было толком. Так что твои предположения о благополучном детстве ошибочны. Но об этом как-нибудь потом... Сегодня ночью будто по-весеннему потеплело. Подошла к окну, а за ним первый день декабря косится ехидно и слякотью в прохожих кидается. Программу в себе включила и пошла, как робот, будить детей, собирать в школу, а после мужа на работу проводила. Налила себе остатки кофе и тупо сидела полчаса над чашкой. Никаких мыслей, никаких желаний... Ровно в одиннадцать придет помощница по-хозяйству. Уверена, она меня презирает. Этих восточных людей не поймешь, они, будто лисы, выжидают, чтобы в самый неподходящий момент застать врасплох. Не могу поверить, что каких-то года два назад я сама создавала эту роскошь вокруг. У окна в гостиной стоят две напольных парных вазы, китайский фарфор, девятнадцатый век. К чему мне эти вазы? Мне кажется, таджичка мечтает якобы случайно кокнуть какую-то из них. А еще она по мелочам ворует: прокладки, колготки, разноцветные ватные шарики – белые ватные диски почему-то не берет... Муж не раз предлагал нанять еще и водителя, но я категорически отказываюсь, так у меня остается хотя бы видимость того, что я что-то делаю для семьи. Готовлю тоже сама, но моюстряпню, похоже, давно уже невозможно есть. Только они, мои милые, едят, чтобы меня не расстраивать. Сегодня я поняла – у меня начинается рассеянный склероз, или шизофрения, или болезнь Альцгеймера. Нашла в инете симптомы – любое из перечисленного подходит. Я забываю простейшее: была ли вчера в магазине, забрала ли вещи из химчистки, сейчас вода в кастрюле закипела, а я напрочь забыла, что хотела приготовить на обед.

Я гляжу в окно и с ужасом думаю о зиме. Особенно ненавистен тупой февраль. Январь еще хоть как-то можно пережить: кино-рестораны-гости, вся эта нескончаемая, подсвеченная гирляндами повинность, которая должна укреплять видимость счастливой семьи. А муж уже заводит

разговоры про летний отпуск, во время которого каждый день будет внушать, что рыба полезней мяса и с ней следует пить именно это белое вино. Я не люблю рыбу и не люблю мясо, а от вина меня клонит в бесцветный, напрасный сон. Уж если я чего-то хочу – так это бесцельно гулять по городу, созерцать, придумывать истории людей, которые сидят под зонтиками в кафе или ждут своего автобуса. Но вместо этого я бегу, бегу за всеми, бегу за своим мужем, у которого расписана каждая минута, бегу за толпой – в аэропорты, музеи, парки отдыха – и, будто в курятнике, сижу в переполненных ресторанах, потому что кто-то сегодня модный написал, что этот чем-то лучше полупустого соседнего. Особенно сводят с ума торговые центры... Толпы возбужденных женщин копаются в корзинах с таким воодушевлением, словно куски тряпок по десять евро в самом деле делают их счастливее, все орут в телефоны, замученные продавцы снуют туда-сюда, старательно игнорируя тех, кто выбрал всего одну вещь, дети галдят и путаются под ногами, все мешается в одну ревущую кучу, и я не понимаю, что я здесь делаю, зачем я здесь... Это не объяснить... Случайные зеркала показывают мне еще молодую, возможно, даже красивую женщину... И тогда я улыбаюсь, пытаюсь казаться ярким мазком в массе безликих пятен. Из всех возможных ощущений во мне давно уже живет одна тревога. Уж лучше страх, он хотя бы имеет конкретные очертания. Никто меня не поймет... Если я и пыталась быть откровенной, то натыкалась лишь на снисходительную усмешку. Да-да, я же прежде всего мать... Как будто я сама об этом не знаю! На самом деле я просто самка, выносившая и выкормившая детенышей и за ненужностью отодвинутая на задний план. Никто не поймет, что я – НИЧТО. Муж отгородил меня от моей собственной жизни, а та, которую он для меня создал, представляется мне нелепой.

Только две вещи: уроки испанского, где каждое новое выученное слово будто делает выпуклыми картинки моих снов, и общение с тобой заставляют меня все еще искать выход из этого адского лабиринта. Я чувствую, что выйти очень просто, но я окончательно дезориентирована... Кстати про испанский – уже пытаюсь составлять простые предложения. Препад заставляет меня рассказывать обо всем, несмотря на то что мне давно уже нечего сказать... Вдруг поняла, что любую мысль, действие, ощущение или чувство можно выразить предельно кратко, а мы столько слов роняем напрасно, и от этого нам давно уже нечем дышать. Люба, прости за поток сознания... Как будто чуть легче стало...

УДАЛЕНО.

– Люба, привет) Как твои дела? Скоро ведь Новый год... Уверена, тебе,

с твоей невероятной энергией очень к лицу этот праздник)

Вера и Люба

1 декабря

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Самые близкие порой хуже чужих. Они берут на себя право определять, что для тебя лучше. У меня родственница есть, плюс-минус ровесница, входит куда – все кобели в ее сторону шею выворачивают, там даже не тюнинг, а выправка, статья. Слова роняет протяжно, будто пианистка ноты подбирает. Ее жизнь – мечта любой женщины, наверное, именно поэтому она и может себе позволить ею быть. Я была с ней откровенна, думала, мы подруги, и она искренне мне сопереживает, но нет... Если там что-то и осталось внутри, то только один вялый, сытый эгоизм. Вот ведь, сука, люди! Хрен на блюде! Люб, как оказалось, ее мужу, параноику, с которым мы давно серьезно поссорились, уже несколько раз звонил мой сын, говорил, что на секретных учениях, а она, сучка, боится слово без мужниного ведома сказать, все беспокоится, как бы мягкий стульчик под ее красивой задницей не пошатнулся. А тут не выдержала, то ли на него вылилась, то ли совесть проснулась...

– Давно узнала?

– Она – не знаю, говорит, как только узнала, сразу позвонила. Это было вчера, поздним вечером. Я была в одном заведении...

– Неожиданно.

– Неожиданно – что?

– Ну... Что он звонит твоему родственнику.

– В отсутствие у Ромки нормального отца, он много для него сделал, а в последнее время, когда Ромка вырос, они стали товарищами. Простить себе не могу, что меня снова понесло в этот клуб...

– Что за клуб?

– Ты удивишься, как раз по твоей теме: там танцуют аргентинское танго.

– Твою ж ты мать! Танцевала?!

– Нет. Я сидела и наблюдала за парами, особенно за женщинами.

– Поделись ощущениями!

– Некоторые, следуя за мужчиной, прикрывали глаза и двигались так, будто их несет невидимый поток, другие, успевая стрелять глазами вокруг, уверенно смотрели на партнера и активно украшали свой танец быстрыми

и вычурными движениями ног, иногда – захватывающе красиво, иногда – нелепо и совсем не в музыку.

– Ну так! Каждый танцует себя.

– Не знаю... Я пыталась отвлечься и на кой-то черт пошла поглядеть на выступление известного в этих кругах маэстро. Уже видела его пару раз, впечатлило.

– Интересный поворот... А как его зовут, знаешь?

– Э... Вроде Августин.

– Красивый?

– Возможно, но я же не на внешность смотрю. Этот хрен такое вытворяет на паркете, будто сам дьявол его обучал.

– А мой препод смешной, ходит в растянутой кофте и внешне, скорее, отстойный. Так что еще сказала твоя родственница?

– Да что она, тварь, может сказать? Заверила меня в том, что все будет хорошо. Эх, пустые слова, как же их любят ронять люди! Я после обеда всю запись отменила, пойду к декану, глаза ему вырву, но узнаю, что еще за секретные учения.

Вера и Надя

4 декабря

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Надя, у меня очень много работы. Полная запись до самого позднего вечера. Встретимся только если ты сможешь сказать мне что-либо по существу. А в сочувствии твоём я больше не нуждаюсь. Пламенный привет мужу.

Люба и Надя

6 декабря

Московская область КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Соль вчера купила в «Глобус гурмэ», так, схватила на бегу, а потом в чеке увидела – тысяча с хреном рублей. Вот сижу, солю-солю и думаю: чтозанахуй?! Ее чего, бля, хозяйка медной горы своими руками добывала?

–))) И я почему-то именно зимой люблю побольше солить. А вообще я не здесь в прошлой жизни жила. Зима – это что-то невыносимое. Зимой у меня особенно все валится из рук. Завтракаешь – еще темно, ужинаешь – уже темно. А день проскакивает, будто вор, раз – и нет его. Если солнце и включают, так, наверное, затем, чтобы мы здесь все разом не подошли. Упасть бы сейчас на кровать и уснуть до самой Пасхи. И еще кожа сохнет так, что банки крема на три-четыре дня хватает.

– Какой ты любишь?)

– Лавандовый. Бывает, часами брожу по магазинам косметики, чтобы выбрать «тот самый» крем, ведь большая часть, хоть и написано на упаковке «лаванда», пахнет чем угодно, но только не лавандой. А я особо чувствительна к запахам.

– Надюх, тебе бы найти себе работу...

– Это невозможно.

– Невозможно спать на потолке.

– Мой муж придерживается традиционных ценностей: мужчина-добытчик и безусловный глава семьи, женщина рождает детей и занимается бытом и, конечно, поддерживает внешнюю красоту: ведь то, как выглядит жена, какая у нее сумка, шубка, демонстрирует обществу успешность мужчины.

– Какое унылое... э-э-э... какая средневековая тоска... Но ты же кем-то хотела стать в детстве?

– Тем, кем и стала. Счастливой женой, которой не изменяет муж, и матерью здоровых детей.

– Но ты не чувствуешь этого счастья?

– А ты?

– Епыть! Да задолбали уже с этим счастьем. Даже конфеты такие теперь – «Счастье» – на всех заправках продаются, видела? А счастье – это пустое, абстрактное понятие. Нескончаемая иллюзия того, что где-нибудь

там, хер знает где и хер знает с кем, нам могло бы быть лучше. На самом деле есть только труднодостижимое, но вполне реальное состояние внутреннего баланса. И, конечно, звездное небо над головой) Пришли мне фотку своего крема, попробую его купить и заценить, что еще за лаванда, которая так тебя вставляет)

Люба и Вера

8 декабря

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Верк, у меня всю неделю щека ныла.

– А чего ты хотела? Восьмерка росла в соседний, вообще чудо, что именно в период лечения этот процесс пошел активно. Я таких, как ты, знаю, обезболивающими закидаются и ходят до последнего, а к врачу на полусогнутых приползают, когда уже ничего не остается, кроме как резать. Ничего, переживешь... Через пару дней пройдет. Ты, небось, все за свою красоту переживаешь? Как там Вовка? Еще не остыла?

– Пока сидела в твоём адском кресле, все думала о нём. Не хочу думать, а думаю.

– Вот и расскажи, отвледи меня. Я совсем пустая внутри стала... Даже сериалы смотреть по вечерам не могу, они напоминают мне о Ромке.

– Пять лет этот сукодей обожал меня... Не трах, не определенность в отношениях и уж, конечно, не гребаный статус делают женщину королевой, а именно мужское обожание. Это «до» женщина может растягивать годами. Тем не менее тоже – работа. Кому-то, как в танце, такое дается органично и легко, а кому-то приходится прибегать к многочисленным уловкам. При недостатке ума ты можешь убедить окружающих в чем угодно: мы – друзья, партнеры, соседи, – но главное здесь то, с каким упорством ты убеждаешь саму себя, что игра твоя совершенно невинна. Только бабы способны к таким тонким настройкам. Мужики правдивее, потому что мыслят значительно проще, но без нас, женщин, они тоскливые козлы. Только женщине так остро необходимо подпитывать себя энергией другого, чтобы постоянно обновлять свою собственную. Кровь же у нас раз в месяц обновляется, так же и с энергией, только энергия может обновляться и после климакса. Так вот, я купалась в Вовкином обожании. Этот долгий печальный взгляд, брошенный украдкой, это пацанское смущение, когда я вдруг задерживала взгляд на его лице, эти словно бы случайные прикосновения... Нет, когда мы берем из рук другого человека предмет, мы всего лишь что-то берем, а с теми, кто нас обожает, это совершенно особенный процесс. Ты можешь и дальше как ни в чем не бывало говорить о Собчак или херовой погоде, но при этом мигом чувствуешь, как отзываются на твое прикосновение его пальцы и как, сука, бегут по его

телу мурашки. И у тебя самой начинает кружиться голова. Этой легкой, кружевной энергией ты на какое-то время окрашиваешь все вокруг ну просто в оргазмические тона! Пока еще не переспали, ты – царица, хозяйка положения, ты для него – богиня. Век женщины длится до тех пор, пока ей требуется обожание мужчины. Но это обожание бывает только «до». А после все моментально переворачивается, и вот уже он, будь он олигарх или простой работяга, берет власть над твоей энергией. Легкость мигом исчезает, остается голый нерв. Какой бы ты ни пыталась казаться независимой, что бы ни декларировала толпе, тебя, как и тех, унылых, зацикленных на мужиках женщин, в которых ты ежедневно бросаешь увесистые камни, начинает ранить любая мелочь, будь то интонация его голоса или непрочитанное сообщение, а если ему некогда, это всегда воспринимается тобой как «у меня нет времени на тебя». Против природы не попрешь, а мы просто придумали себе новую развлекуху, игру в феминизм.

– Угу... Я вижу, ты уже наигралась. Все, финита ля комедия?

– Ну что ты! Вовка – это слишком долго, слишком серьезно. Я думаю, не столько личность человека, сколько общие воспоминания и пережитые рядом с ним ощущения – вот что по-настоящему привязывает, и чем этого больше в сумме, тем сложнее оборвать. Хотя, возможно, бывают такие случаи, когда люди, не имея никакой истории, случайно встретились и случайно расстались, но не могут забыть об этом всю жизнь. Только это не про меня. Должно быть, это какая-то особая разновидность придурков.

– Придурков... Не суди да не судима будешь. Не верю я в случайности. У них обязательно есть история. Просто она началась в предыдущей жизни, а в этой еще не закончилась. Еще преподобный Серафим Саровский говорил: «Кто верит в случайности, тот не верит в Бога».

– Ну... Хорошо так сказанул! Запомню.

Вера и Надя

8 декабря

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Точно, больше ничего?

– Ничего.

– Клянешься?

– Клянусь.

– Повтори еще раз дословно.

– Вер, не я же с ним разговаривала, так что дословно не смогу. Алексей сказал, что Ромка уехал на секретные учения. Мать в известность не поставил потому, что сначала не знал, надолго ли, потом у него телефон пропал, а потом...

– Ну не мямли!

– А потом испугался.

– Чего?!

– Что ты распсихуешься, кричать начнешь, весь город на уши без толку поднимешь... А там ему нельзя по телефону разговаривать, тем более по чужому, и вообще эмоциям волю нельзя давать...

– Ясно. А взять и исчезнуть, потом дяде Леше позвонить, а не матери, значит, можно?

– Вер...

– Да не гладь ты меня, вон люди уже косятся. Надь, я верю, что ты сразу позвонила, как только узнала. Прости меня, есть грех, знаю, что взрывная, ты представить не можешь, как я потом корю себя за несдержанность. Такая уж есть, заново себя не напишешь, тем более в нашем возрасте.

– Алексей даже мне сначала не сказал, сразу тебе начал звонить, после первого Ромкиного звонка. Хотел не через меня, а сам, правильные, разумные слова подобрать, но ты на его звонки не отвечала. Вер, Ромке-то уже двадцать три... По закону он давно имеет право самостоятельно распоряжаться и телом и душой.

– Не повторяй херню за своим мужем. Уф... Дай-ка платок. Что-то вспомнилось... Как будто уже сон. Это классе в десятом было. У них классная руководительница, последние два года, такая была – учитель от Бога. Единственная изо всех этих мымыр, которая мне нравилась. Всю себя ребятам отдавала, по русскому спуску никому не было, к театрам приучила,

даже в походы находила время и силы с ними ходить. Таким людям памятник при жизни надо ставить. С одним-то не знаешь как совладать, тем более в таком поганом возрасте, а тут их тридцать. Ну а у них-то в пятнадцать-шестнадцать лет в башке – что? В поле ветер, в жопе дым. Ершистый Ромка стал, будто в одну ночь подменили – ни поцеловать, ни слова сказать. У тебя еще все впереди... Так вот, узнала я от мамыши одной в последний момент, что у учительницы нашей день рождения. Я тогда два через два работала, был у меня как раз выходной. Бросилась в цветочный, не торгуясь купила огромный букет алых роз – она заслужила. Прибежала в школу к концу учебного дня, только-только уроки закончились. Дети, будто звереныши, отовсюду вылетают, орут, дерутся – жуть... Ромке набираю – он, паразит, тогда уже моду взял не отвечать. Я к кабинету русского – открыт, никого нет, и на столе до тошноты безвкусный букет от родительского комитета. Ушла уже наша учительница домой, день рождения все же.

Я ведро нашла, воды налила и розы свои в него поставила, прямо под доской, на которой написала печатными буквами: «С Днем Рождения, Мария Васильевна. Это от Ромы».

Такой красивый был букет – мне к тому времени уже целую жизнь таких не дарили.

А на следующий день меня в школу вызывают вместе с другими родителями. В тот год к нам директор пришел молодой и с ходу начал лютовать, порядок пытался навести. Оказывается, накануне группа старшеклассников курила напротив школы на детской площадке, а бабки и мамышки местные к нему прибежали и вой адский подняли – мол, житья от ваших учеников нет, целыми днями курят, орут и матерятся под нашими окнами.

Тех, про кого уже знали, что курят и алкоголем балуются, в первую очередь вызвали в школу с родителями.

И пошли по кабинетам собрания...

А мой тогда уже совсем от рук отбилась, нутром чувствовала: на волоске висит от исключения, школа-то была непростая, для одаренных детей.

Добежал и до нашего класса разъяренный директор, начал нотации читать, постановкой на учет в милицию запугивал, а наша классная – что ей, подневольной, было делать? – голову в пол от стыда опустила и в такт ему кивает. Чего я только не пережила в эти минуты! Изобью, думаю, как домой вернется, если отчислят – метлу ему в руки суну и отправлю дворы пожизненно убирать, но тут же понимаю, что все бесполезно... Бывало,

каюсь, я и руку на него поднимала, только уже через пять минут рыдала и прощение просила. В общем, как рассосались все из класса, я к нашей учительнице бросилась и принялась горячо убеждать ее в том, что не было там моего Ромки, мол, вы же знаете, он для вас за цветами бегал, долго выбирал, еще и со мной встречался, деньги брал, не мог он там быть физически.

А она смотрит мне в глаза, и такая, вижу, в ней борьба идет, потому что точно знает, что был он вчера на детской площадке, и курил, и матерился. Ну что ты хочешь – безотцовщина.

Вдруг берет она меня за руку и спокойно, с улыбкой говорит:

«Успокойтесь, Вера Андреевна. Конечно, Ромки там не было. А розами я тронута до слез».

Когда домой пришла, он, жук, глаза спрятал и боком-боком от меня: уроков, говорит, на завтра много. И усики, будто шутка, над верхней губой, а губы еще совсем детские, розовые, бантиком...

На следующее утро и шарф и шапку надел без напоминаний, а в дверях вдруг прильнул ко мне и поцеловал, как маленький мальчик...

– Вер, это очень больно, я знаю... Того мальчика больше нет. Есть взрослый мужчина, который, увы, давно имеет свою, не известную тебе жизнь.

– Да не начинай ты, ради бога! Знаешь... Узнаешь еще, все впереди. У тебя девка первой выросла, с девками все не так. Имеет он право, как же! А меня, выходит, списали... Да не висни ты на мне, Надюша, мне только хуже от этого. Раствориться бы сейчас в этой чашке с чаем... Как там эта хрень называется, «Остров сокровищ»?

Надя и Люба

13 декабря

Москва. Можайское шоссе.

Парковка у супермаркета «Азбука вкуса»

– Привет, Люба)

Сегодня в машине новый плейлист Макса Рихтера включила, очень он мне нравится. У него одна композиция есть – виолончель, альт и основная партия – скрипка. Скрипка! «Благословение» называется. Пять, нет, десять раз подряд прослушала... Будто ангелы смотрят на нашу землю и, плача, играют. Люба, я душу свою в этой музыке увидела, словно подошла к себе и взяла себя за руку, и не с раздражением, а нежно, легко... А потом все оборвалось, затрезвонил по громкой связи чертов мобильный.

Я в музыкальной училась, по классу скрипки, а потом ее в дальний угол забросила. Насовсем. И тут внезапно поняла, что это было одним из самых моих больших предательств.

Вера и Люба

20 декабря

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Спасибо, что губы, как обычно, не намалевала. Проспала, что ли? Ну точно... ты еще и без каблучков.

– Пфф... Я, когда к тебе сажусь, стираю помаду салфеткой.

– Уж не знаю, но только ты умудряешься почти всякий раз мне рукав халата перепачкать. Валь, набери в шприц перекиси. Да в обычный, обычный.

– Как приятно, что ты не говоришь «халатик» или «Валюшка».

– В смысле?

– Ну знаешь, все эти уменьшительно-ласкательные: «салатик-халатик», «вкусняшка-начинашка»... Из уст взрослого и вроде неглупого человека они для меня хуже зубной боли. Я уж скорее примирюсь с «ихним экспрессо».

– А уж без твоего мата наш великий и могучий, что еда без соли.

– Точно! Избегать мата или чего хуже – возмущаться матом другого равносильно тому, что возмущаться, если кто-то посмел сходить в туалет, куда ты никогда не заглядываешь. Я про другое...

– Ну и кто у тебя так говорит?

– Да многие сейчас так говорят.

– Хм... Да ладно! С определенными словами всегда ассоциируется определенный человек. Если продавщица в магазине скажет: «Возьмите вот этот салатик», – вряд ли она своей личностью тебя разозлит, зато ты тут же о ком-то вспомнишь. Слова намного быстрее, чем все остальное, становятся для нас идентификатором. Слов всегда несоизмеримо больше, чем действий и поступков. Если мы человека принимаем – поначалу карябающие слух слова воспринимаются как его милая неправильность, а если нет – они как ничто другое способствуют мгновенному отторжению. Да поняла я, про кого ты... Вовка этот твой просто молодиться таким образом пытается. Не-не, спорить сейчас не стоит, давай-ка ротик открывай, посмотрим, что там с нашим зубиком. Ух ты, печалька... Ладно, дадим ему сегодня вкусняшку.

Вера и Надя

27 декабря

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– В «Ашане» дурдом в выходные. Поедем сегодня вечером? Почему долго-то? Мы больше времени по кафе просиживаем. Надь, если это может послужить причиной недовольства Алексея, без проблем – поеду сама на маршрутке... Ты сама спросила, чем помочь. У меня в холодильнике один кетчуп и хрен в открытой банке, уже небось зацвел. Ромка скоро вернется, Новый год же... Надо и в квартире убраться, и как следует затариться. А... давай тогда завтра, раз у него корпоратив, мне-то все равно. Да, в двадцать пятнадцать у метро. Надь, я знаю, что там остановка запрещена, только ведь это я тебя обычно жду!

Надя и Люба

29 декабря

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область КП «Сосны»

– Расковыряла ты во мне, Люба, воспоминания... Ты даже о сложных вещах легко говоришь. Ты молодец. Ты сильная. И еще – честная. Знаешь, ты вообще моя героиня. А я... Отец у меня был профессор-кардиолог. Настолько закрытый эмоционально человек, что мне до поры до времени казалось, что он вынул свое сердце, чтобы использовать его в качестве макета для изучения. Дома бывал редко, но, когда время позволяло, книжки со мной обсуждал, музыку, да и по музеям мы с ним ходили. И снова ты угадала – голос на меня родители почти не повышали, но... разве в этом дело? Когда мне было шестнадцать, отец ушел от нас к другой женщине, с которой, как оказалось, много лет имел связь. Вскоре у матери обнаружили рак. Любила она его, думаю, больше, чем меня. Она какая-то слишком мягкая была, слишком хорошая... Как тряпичная куколка с фарфоровым задумчивым лицом, что сидела на столике возле ее кровати. А я в тот же год, как школу окончила, от своего первого парня забеременела. Пока мать тихо сгорала, а отец, похожий на породистого, виноватого, но знающего себе цену пса, между двумя домами бегал, я все отношения со своим парнем выясняла, да с такой страстью, с таким жаром, будто вокруг больше ничего не существовало. Любит – не любит, где был, почему так, а не эдак сказал, зачем лгал... Какая жалкая, бессмысленная чушь! И все для того, чтобы его, мажора, визгливого истерика, при первом же допросе сдавшего всех своих друзей, в конце концов взяли во время облавы с героином.

А вскоре появился мой Алексей. Он со мной и мать похоронил, и отца на безопасное для моей психики расстояние отодвинул, и Кристину удочерил. Написала это сейчас, и самой страшно стало, когда взялась перечитывать. А тогда страшно не было, текла себе жизнь, в которой постоянно что-то происходило. Осознание всегда приходит гораздо позже, и чем больше отходишь во времени от событий, тем больше оно душит в ночи давно присыпанной землей, но никуда не исчезнувшей, запоздавшей и оттого еще более невыносимой болью. Но поутру звонит будильник, и все забывается – порой на долгие месяцы – будто чужой дурной, случайно просмотренный сон.

ОТРЕДАКТИРОВАНО.

УДАЛЕНО.

– Привет) Ты опять забегалась? Да уж, праздник на носу... Даже не представляю, сколько у тебя сейчас работы(

Удалось ли найти мой лавандовый крем?) Если хочешь, дай адрес, куда его можно тебе прислать.

Вера и Люба

29 декабря

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Что-то ты, Любаша, снова совсем не праздничная.

– Да скачу уже с утра, как сайгак по пустыне. Машину на сервис поставила. Тебе, кстати, от Вовки привет, он меня и подвез.

– И что-то ты особо счастьем не светишься... Валь, премедикацию давай. Да, можешь отойти на пятнадцать минут. Мне ряженки возьми. Да, и все.

– Уф... Запах его квартирки, в которой чихнуть негде и который не перебивает даже запах его одеколона, стряпня его жены – теперь я знаю, как же она любит пережаривать лук, – выключенный на строго определенное время звук у телефона отрезвляют меня все больше. А эти его словечки... Он не молодиться пытается, а говорит со мной так, как привык говорить в семье со своими бабами. Его подрастающая дочь, его жена, теперь они всегда будто между нами, красят ногти каким-нибудь жутким зеленым лаком и ехидно усмеваются: ну, че, козел? Теперь ты уже не гипотетически, а в натуре виноват, и теперь ты до конца жизни нам должен и обязан... Все это так пошло... Понимаешь?

– Не понимаю. Разве не ты с ним пять лет дружила до того, как вдруг переспать?

– Да. Но раньше меня эти подробности не парили. Женская природа такова, нам необходимо что-то или кого-то улучшать, особенно это касается человека, которого мы приняли эмоционально. А пытаться улучшить женатого любовника – все равно что переделывать уже приготовленный кем-то суп. В моем случае – из купленного по акции в «Пятерочке» супового набора, с пережаренным до тошноты луком. Да и из него, сердечного друга, если честно, такое сейчас поперло... Я вижу, как он борется с собой, только что рот не заклеивает, чтобы меня не допрашивать: почему вчера не смогла? почему сразу на звонок не ответила? кому ты строчишь эсэмэс? И я остро чувствую, как в нем возится и набирает силу раздражение оттого, что я ему неподконтрольна.

И это взаимное раздражение, будто похмельное утро, в считанные встречи успело превратить недоступную принцессу в немолодую шлюшку с тяжелым довеском в виде мужа, которому теперь, блядь, кашку по часам

нужно кушать, а ее преданного рыцаря – в погрязшего в бытовых проблемах чужого мужика, считающего каждую копейку во второсортных гостиницах. И то, что он, пряча глаза, не позволяет мне платить за комфорт, к которому я, благодаря собственному, сука, труду привыкла, еще больше подчеркивает всю жалкость нашей ситуации. За спиной у близких мы косячим не для того, чтобы построить новое... Пытаясь восполнить невозполнимое, мы словно завешиваем дырки на обоях, и при этом делаем вид, что это получасовое тыканье на ничейных простынях приносит нам радость. Но оно не приносит.

– Я давно уже хочу задать тебе единственный вопрос: зачем? Ты, с твоим острым, живым умом, все это могла предположить наперед.

– Зачем... Теперь-то уже только по инерции.

– Ты потеряла хорошего друга. Неужели, когда шла на это, не понимала, что ровно так и будет?

– Эх... Задолбало меня все в тот вечер. Тошнотный юбилей заезжих купчишек... Верк, есть такой сорт людей, которые делят всех остальных на две категории: тех, кому они по долгу службы жопу лизут, и тех, кто обязан за их деньги им ее лизать. Отжала меня жена юбиляра задолго до начала банкета. Сначала торговалась, выдра, чуть не за каждую сотню рублей, потом ценные указания стала давать и придирааться: и костюм на мальчишке вашем не тот, и звук плохой, и свет.

А мне, как назло, мать весь вечер названивает: она, из-за своего базарного характера, довела конфликт с соседским гопником до вмешательства участкового. Город тонет в ливне, в кабаке жара: горластые дядьки и тетки, с лоснящимися от водки и жратвы лбами, трясут животами под оркестр, юбиляр – в говно, жена его дрючит официантов, и я, блин, стойкая оловянная девочка, сижу на корточках за дверью сортира и скребу ногтями стену, чтоб не разрыдаться в голос от хамства перекаченной филерами провинциальной коровы и материнского тупого эгоизма. И тут Вовка шлет мне очередной видос с приколом. Примитивный у него юмор, конечно, но мне сразу легче стало, будто теплом повеяло. Набрала ему, грузанула слегка ситуацией... Так сложилось, он с матерью моей уже несколько раз пересекался, а ей всегда что-то надо – стул передвинуть без посторонней помощи не может. Вот уж ей-то Вовка до слюней нравится! За такого, говорит, крепкого простого мужика и надо было замуж выходить, а у Кирилла твоего болезного ни слова в простоте. Я еще и без машины была в тот вечер... Короче, приехал за мной Вовка, это сейчас все сложно стало, а пока только «дружили», все почему-то было просто. К тому же ему было по дороге меня подбросить, он живет неподалеку от моей матери.

Ливень не утихает, дворники, как по душе, скребут по стеклу, из пробок вырвались – и пошла петлять дорога в родное зажоппе: трубы да многоэтажки. Жить там хреново, разве что выживать, зато есть уйма способов, как поскорее сдохнуть. Почти доехали – мать опять звонит: нет, не приезжай, давление подскочило, я уже спать легла. Ну все, сука, я не выдержала и в слезы. Что-то выкрикиваю, рыдаю, а он... Случается, рвется из души расхристанное, неприглядное, но такое, сука, живое... Сбиваешься, слова в горле застревают, а объяснять и не надо – тебя уже поняли. Такая вот гиперэмпатия. Остановились у каких-то гаражей... Чувствую, конечно, к чему дело идет. В телефон вцепилась, ну-ну, думаю, зазвони! Дай мне возможность соскочить и оставить все как было! Но нет... И мать заткнулась, и Кирилл молчит – давно к привык к тому, что я частенько прихожу домой поздно, а нельзя было к этому привыкать... И пошли в ход, не спросясь, руки, объятия, губы... Еще и песня нашей юности, пылью присыпанная, будто из плена времени вырвалась, по радио заиграла. Вовка тоже узнал ее, погромче сделал... Сцепились душами, и в этой машинке будто на единственно уцелевшем пяточке среди всемирного потопа оказались... И еще: почему-то именно в августе кажется, что ничего-то в жизни интересного больше не будет.

Вер, когда-то давно мне сказали, что у меня «там» – рай... Самый лучший в мире мужчина сказал. И я зачем-то в это поверила. Я же привыкла считать себя всю дорогу херовой – дочерью, женой, матерью. Идти – иду, и цели понятные вижу, а оценивать себя как женщину так и не научилась. Не знаю, поймешь ли: я давно уже не в любом ресторане что-то буду есть, капризничаю, в меню ковыряюсь, а за мужем или сыном до сих пор, как когда-то мать моя, из тарелки на автомате доедаю. Это во мне как безусловный рефлекс... Во мне – и рай... Охереть, если вдуматься.

– Это не только в тебе.

– Ну... А что я еще могла ему отдать? Больше и нечего было.

– Ну вот. Теперь ясно... Ты сорвалась – он этим ловко воспользовался. А ты мне про шар воздушный втирала. Это твое подсознание уже после сочинило, чтобы грех оправдать.

– Я себе втирала. А шар все-таки был! Взмыл над трубами, подрожал в мареве юности, дал вдохнуть глубоко, а потом опустился на землю ровно в тот момент, когда Вовкиной вполношенной жене с двадцать пятой попытки удалось в эфир пробиться. Тут шар и лопнул...

– Как песня-то называлась?

– «Летний дождь» Талькова. О... только что, кстати, вспомнила: она у юбиляра в обязательную программу входила. Хорошо, что я свалила оттуда,

прежде чем услышать ее в исполнении сладкоголосого дебила со
стеклянными глазами. Он у меня сейчас нарасхват.

– Да... Мне тоже она когда-то нравилась.

Январь 2018 года

- В России вход на некоторые популярные сайты будет запрещен лицам младше 14 лет.
- Украина прекратила подачу воды в ЛНР.
- В Туркменистане женщинам запретили водить автомобиль.
- 19-летний студент Бауманки убил девушку, которая отказалась с ним встречаться, после чего покончил с собой.
- В Сети появилась петиция с требованием исключить Аллу Пугачеву, Филиппа Киркорова и Максима Галкина из всех новогодних шоу.
- Страховые пенсии у неработающих пенсионеров будут увеличены на 3,7 %.
- Иностранцы туристы, купившие товары в России, смогут вернуть часть денег по системе tax free.
- Исполнилось 80 лет со дня рождения Высоцкого.
- Кандидат в президенты Ксения Собчак сорвала эфир на радиостанции «Эхо Москвы».
- На Украине продолжается вспышка вирусного гепатита А. Россиян просят воздержаться от поездок на Украину.
- На западе Москвы женщина убила кухонным ножом мужчину, с которым встречала Новый год.
- Две россиянки погибли в ДТП на Пхукете.
- Отец покойной певицы Жанны Фриске рассказал прессе, что ее гражданский муж «травил на поминках анекдоты».
- В Шри-Ланке разрешили продавать женщинам алкоголь.
- Среднемесячная температура в Москве $-5,4\text{ C}^{\circ}$.

Вера и Надя

2 января

Москва. Улица Пивченкова – Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Привет, с наступившим. Увидеться сможем? Лучше без Алексея.

– Ой, сложно... Праздники же. Но постараюсь что-нибудь придумать.

Он вроде с мальчишками в боулинг хотел во второй половине дня пойти. А что так срочно, неужели Ромка объявился?!

– Так ты заедешь?

– Э-э-э, да. Все выясню и эсэмэску отправлю, во сколько буду.

– Да не надо ничего отправлять. Дома я целый день. Код подъезда только поменялся, сейчас новый сброшу.

Люба и Надя

2 января

Московская область. КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Ну привет))) С наступившим! Только до мессенджера добралась, работы по самое некуда. У нас же, как у Дедов Морозов, в праздники самый чес. Теперь вот лежу вверх ногами и, пока сериал грузится, уничтожаю офигенский торт.

– Я уже здесь) И тебя с наступившим!) Неужели ты можешь себе позволить вот так, без зазрения совести, есть торт? Так значит, ты и в новогоднюю ночь работала? Господи, как же я тебе рада)))

– Надь, я всегда работаю... Даже если физически где-то отсутствую, все равно там присутствую. Девяносто процентов людей – полные идиоты. Никому ничего нельзя доверить, все нужно перепроверять и контролировать.

– Знакомо. У меня муж такой. Я будто с ним давно уже на разных планетах живу.

– А со мной-то хоть на одной?)

– Видимо на соседней, раз ты меня слышишь.

– А!!! Я скрипку твою успела послушать) Вот возьми и сама это сыграй.

– Что ты! Это уже невозможно.

– Ты часто употребляешь слово «невозможно». У тебя чего там, планета сдохнувших желаний? Тогда лови трос и следуй подсказкам)

– И?)

– И прямо сейчас, для начала, тебе надо озаботиться поисками торта.

– Даже представить страшно, сколько в нем калорий. У меня давно уже все в доме из диабетического отдела: без сахара и без глютена.

– Да забей ты на эти калории!

– Я как раз к родственнице собираюсь.

– Майорша?

– Угадала)

– О! Вот и удиви ее, купи свой любимый торт и сожри, не стесняясь, половину. Глаза выпучит – скажи: ученые из университета в... Колорадо диету новую изобрели: полкило торта в день – минус два кило в неделю. Само собой, они это доказали на испытуемых, сенсация, так сказать... А

сейчас проводят новогоднюю акцию: первой сотне последователей сто грамм торта бонусом в подарок!

–)))

Люба и Вера

2 января

Московская область КП «Сосны» – Москва.

Улица Пивченкова

– С наступившим, Верунчик, мои золотые ручки!) Пишу тебе и думаю: сколько же терпения нужно иметь, чтобы так стойко сносить чужую глупость... Смею надеяться, что я еще не самый противный экземпляр из тех, что бывают в твоём адском кресле))) Чего я могу тебе пожелать? Да того же, чего и себе, – баланса. Той самой сложноуловимой золотой середины.

До встречи в наступившем году. Це-це, Люба.

– Спасибо. Взаимно. К концу февраля-началу марта должны по плану закончить. Надеюсь, ты не откажешь мне в просьбе: руководство клиники хочет отснять для рекламы мою лучшую работу. Не сомневаюсь, что это будешь ты. Так что готовься к фотосессии. Всех благ. Вера.

...

Вера и Надя

2 января

Москва. Улица Пивченкова

– Привет. Проходи. А вы, Дмитрий Павлович, давление меряйте два раза в день, не чаще. Сядьте поудобней в кресло, и только не нога на ногу, они не должны быть скрещены. Три раза померили – и выбрали то, которое больше нравится. Сейчас уже для нас, городских жителей, норма – 118 на 78. Если верхнее до 128 поднялось, а нижнее ползет к 90, надо пить мочегонное. И не ведитесь вы на эти дорогостоящие препараты! Индапамид возьмите за девяносто три рубля – и пусть лежит себе на всякий случай. Да, и соль, по возможности, уберите. А сахара полно в кураге и фруктах. Это Надя, жена моего брата двоюродного. Красивая, правда? Вы на талию ее посмотрите. Трех родила! Конечно, звоните. Угу... и вам всего доброго. Это что – торт?! Совсем сдурела. Тебе-то не в коня корм, а мне что, по принципу: «Счастье девушки – толстые подруги»? Да сосед, так, зашел, ничего особенного. Может, и симпатичный. Почему это я смущаюсь? Запущенный человек, вдовец, что ж не помочь советом, раз обратился. А... мы уже отметили немного, садись, угощайся, чем, как говорится, богата. Слушай, как я выгляжу? Только честно? Какой тебе кофе? А где мальчишки твои? Да не странная я... Голова со вчерашнего вечера гудит и кружится...

Кстати, на-ка, почитай, пока кофе варю.

«Привет, мама. Прости, что не смог позвонить сразу, прости, что так неожиданно исчез. Я знаю, что сделал тебе очень больно.

Здесь паузы короткие, все мысли и чувства обостряются, потому говорю прямо: не прощения от тебя жду, а принятия моего выбора.

Мама, родная моя, милая, бесценная, самая лучшая!

Знаю, как ты мучаешься, как обвиняешь себя в том, что сделала что-то не так... И вот это больше всего сводит меня с ума. Мам, все и всегда было так!

Ты такая, какая есть, другой нет и никогда не будет.

Хм... А вот эти слова любой мужик, не покрывив душой, может сказать только одной женщине – своей матери.

Мама, ты сильная, а я твой сын. И здесь, как никогда прежде, мне нужна твоя сила. Тогда я стану сильнее вдвойне.

Тебе и так всю твою жизнь было нелегко, поэтому я просто не мог

выливать на тебя то, что раздирало меня в последнее время на части.

Я прятался, притворялся, врал только для того, чтобы ты не поняла, насколько все плохо.

Я давно уже начал презирать себя за бесцельность существования, за то, что сижу у тебя на шее, за отсутствие настоящего интереса к жизни.

И в этом липком презрении к себе я не жил, а вяло барахтался.

Но пришел момент, когда судьба свела меня с достойными людьми, и я понял, что если не пойду за ними, буду и дальше медленно погибать в порожней пустоте.

Ты сама учила меня тому, что если сомневаешься – лучше резать. И я отрезал себя на время от жизни, которая мне представлялась бессмысленной. Кем я должен был бы стать в городе, где каждый второй – напыщенный невротик? Врачом-психиатром в твоей или подобной клинике? Но чем я могу помочь человеку, убедившему себя в том, что в жизни нет смысла, только потому, что не он, а коллега получил желанную должность, или любовница с женой рвут на части, или друг приехал на офигенной тачке, или бухать врачи запретили... Они бы перетекали, исчезали и менялись, и я бы вскоре так же не помнил их имен, как они – моего.

Здесь же я буду помнить каждого.

Неужто ты столько сил вложила в меня для того, чтобы я с десяти до шести выслушивал подобные жалобы, а потом шел в модный бар и, посаженный на банковский кредит, заливал опустошенность алкоголем, затанцовывал свою никчемность в окружении пластмассовых девиц?

Думаю, и без меня найдутся те, кто им поможет.

А лучше – чтобы они сами себе помогли.

Клоуны с утра до ночи кривляются в прямом эфире и, цепко держа за яйца аудиторию, учат нас жить, хотя сами не знают, зачем живут. На любой вопрос Гугл ответит как, но не ответит зачем. Девки не хотят любить, не хотят рожать, зато умеют прыгать с парашютом и нырять с аквалангом.

Большая часть из тех, с кем я проводил время, нацелены на то, чтобы поскорее найти престижную работу в Европе или Америке.

А кто останется дома?

И что станет с нашим домом?

Там, где я сейчас, я во сто крат нужнее.

Мужчиной можно стать только на войне.

А я – мужчина. И должен доказать это тебе, себе, всем.

Моя помощь, увы, не может буквально спасти чью-то жизнь, но она, если Бог даст, позволит товарищу вернуться домой с подлатанной, но не в

ключья разорванной душой. Их души живы, мама! Живы! Именно поэтому они здесь, именно поэтому я с ними. Зачастую им надо просто выговориться, обнажить свои страхи и вспомнить свои мечты. Мама, каждый из них уверен в том, что вернется домой, и вместе с тем каждый думает, что этот день – последний. А они плюс-минус мои ровесники. И когда им больно, они все как один кричат “мама”.

Сейчас каждый день через меня проходят 7–8 человек. Признаюсь, поначалу меня всерьез-то не воспринимали, а теперь вот подтягиваются из соседних подразделений. Если бы я встретил большую часть своих нынешних пациентов на темной улице в Москве, скажу честно: не задумываясь свернул бы в другую сторону.

Там, в миру, мы видим многое совсем не таким, какое оно на самом деле.

Мы вдыхаем пыль, фокусируемся на яркой шелухе, мы погрязли в равнодушии и панически боимся совершить поступок. И еще мы упорно не хотим самостоятельно думать.

А здесь...

Здесь все очень просто.

Помнишь, как у Цоя?

“А жизнь – только слово, есть лишь любовь и есть смерть”.

Любовь дала мне ты. И что бы ни случилось, я всю жизнь буду нести на себе эту отметину.

Ты лучшая мама в мире! И не смей, не смей сомневаться в том, что это не так, слышишь?

А смерть...

Помнишь Витьку Казанцева? Рыженького такого, шустрого? Нас еще за курение к директору вызывали в десятом классе.

Умер от передоза.

И Колька Сергеев тоже. Про него ты должна знать.

А Маша Киселева, первая красавица класса (ты еще фыркала на ее дреды), сейчас в дурке с порезанными венами. Ее какой-то юный олигарх сначала на кокс посадил, а потом бросил, променяв на ее лучшую подругу.

Мой однокурсник недавно вусмерть пьяный разбил на машине.

Здесь же хотя бы понятно – зачем...

Молись за меня, мама, и ничего плохого со мной не случится. Я всегда чувствую, когда ты думаешь обо мне. Наверное, поэтому мне почти не бывает страшно.

Весной приеду в отпуск, обещаю.

Я очень тебя люблю.

P.S. А вообще здесь спокойно. Кормят даже изысканно, повар у нас затейник) По вечерам играем в преферанс, спасибо дяде Леше, что так хорошо меня поднатаскал)

Со связью только плохо: по сим-картам легко отслеживать локацию. И не фантазируй там, умоляю – я с автоматом под пули не бегаю, но пользоваться им научился. Так, на всякий случай)

Мам, с Новым годом! Вот тебе елочка. Ты же знаешь, я плохо рисую, но мне кажется, она получилась веселая, похожая на растрепанную первоклассницу)

И помирись с дядей Лешей, свои должны держаться вместе, теперь я это хорошо понимаю. Он регулярно помогает денежными переводами нашим гражданам, пострадавшим от обстрела врага. Только не спрашивай, если сам не скажет. И не злись на него за то, что не смог сказать тебе правду. Это было мое решение.

Обнимаю. Твой Ромка».

– Недаром его учительница по русскому так дрючила. Ни одной ошибки... Ну не шмыгай ты носом... Или уж реви по-нормальному, в голос! Ты на штемпель-то посмотри. Чего ты не видишь? Очки дать? Ты с собой уж носи, вон как глаза щуришь. Вот здесь, видишь? Донецкая Народная Республика.

Люба и Надя

8 января

Московская область. КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилищный комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Откуда берется этот немислимый пафос? Пф... Хотелось мне сумку иметь. Легендарную, знаковую. Надь, я ведь в душе – все та же нищая девка с окраины.

Мне будто все еще необходимо кому-то невидимому доказывать свое право быть.

А своих, босяцких, я за версту вижу – вот по этим сумкам, к которым прилагается устало-презрительное выражение лица, их определяю. И за границей русскую бабу ни с кем не спутаешь... Ладно, подзаработала хорошего бабла перед праздниками. Чего-то еще в зачатке было. Пошла в магазин известной марки, сумку, говорю, хочу приобрести за несколько тысяч евро. Оглядели меня с ног до головы и говорят: скажите спасибо, что сейчас это стало возможным, а еще недавно, чтобы приобрести эту сумку, год нужно было в очереди стоять, и не всех в нее ставили, зато теперь, если вдруг передумает клиент, который на несколько миллионов у нас закупил, мы, так уж и быть, в порядке общей очереди, возможно, вам позвоним и эту сумку продадим! Надь, за несколько тысяч моих евро – за сумку, подделка под которую продается на любом развале, – меня, с великим одолжением, готовы, сука, поставить в очередь!.. Или в ресторан, например, не в любой по телефону можно записаться – мест, типа, нет. А зайдешь туда – в зале почти никого. Я баба взрослая, мне грустно и смешно... А молодые, бедные и голодные, на полном серьезе считают, что времяпрепровождение в подобных ресторанах с оригинальной – пускайте слюни, унылые неудачницы! – ну на худой конец поддельной сумкой, это – предел мечтаний.

– Догадываюсь, о какой ты сумке... Не расстраивайся, у меня ее тоже нет)

– А тебе такая и не нужна. Она у тебя смотрелась бы нелепо.

– Это почему же?)

– Да потому, что она может к тебе только прилагаться. В чем бы и с чем бы в руках ты ни пришла – это забудется, зато сама надолго в памяти останешься. Ты королева по крови. И тоска у тебя королевская. Мне твои переживания могут только сниться. Я без сарказма, с белой завистью

говорю. Женщине надо печалиться о скрипке, куда-то выпадать, мечтать, перебирать, как драгоценности в шкатулке, свои ощущения и воспоминания, менять, как платья, настроения, выравнивать стрелочки на чулках, небрежно ронять с сигареты пепел и вызывать аритмию у мужчин одним только стуком каблучков. У мужчины нет своей энергии, женщина, начиная с матери, дает ему ее, а он преобразует эту энергию в собственную и идет воевать. Поэтому и муж у тебя успешный – он изначально был нацелен за тебя биться. Это я, дворняжка, всю жизнь бьюсь сама.

– Люба... Ты очень резко все обобщила. Жизнь – это не готовая роль. А в данный конкретный момент моя жизнь заключается в том, что даже упоминание о моем муже в разговоре с тобой, особенно с тобой, так как нам друг от друга ничего не нужно, вызывает у меня непроизвольное подрагивание пальцев. Когда я начинаю задумываться всерьез о своей жизни, меня, вместо благодарности к нему, раздирает лишь горькая обида за то огромное и пульсирующее, что он ловко сумел отобрать, соорудив взамен вот этот красивый, многим на зависть, фасад. Да и самой мне давно уже нечего ему дать, кроме плоских, безвкусных поцелуев и формальных бесед, в которых он все равно слушает только себя. А если бы он был способен ворваться в поток моих мыслей, он бы многое узнал о симптомах и развитии различных болезней. И еще немного – про то, какие сложнообъяснимые мысли вызывают у меня стихи, которые мы читаем на уроках испанского. С тех пор как муж, убежденный в том, что только спорт может спасти детей от тотального инфантилизма, начал вплотную заниматься их жизнью, моя энергия окончательно закольцевалась и гоняет по кругу только тревогу и обиду. Я давно уже ничего не могу ему дать... Но он все-таки умудряется отбирать! Чувствую, что скоро я просто растаю...

– Хм... Хреново, снегурочка(А отбирает он потому, что ты сама все отдаешь. Знаешь-ка что... Ты давай, встряхнись, королева, и забей уже на свое кольцо. Дыши, танцуй, чуди, смейся, кричи, плачь и купи, наконец, скрипку! Положи на все и съезди куда-нибудь одна. Это же твоя жизнь! А ты ведешь себя так, будто у кого-то ее одолжила. Не разочаровывай меня, это не по-королевски. Кстати, а что это за стихи?)

Люба и Вера

15 января

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– А я ведь всегда была уверена в том, что все с Ромкой хорошо. Ну опыты, может, какие они на этих секретных учениях проводят, препараты новые тестируют. Возможно, твой Ромка – будущий великий психиатр! Наш, так сказать, русский Фрейд. Вер, мы должны научиться с этим жить – дети уходят из дома, это неизбежно... Мой Юрка уже класса с одиннадцатого все решения самостоятельно принимал, меня и отца особо не спрашивал. Бесилась, конечно, что он целыми днями и ночами в компе зависает, орала, шнуры выдергивала, прятала. Зато сейчас он любому, блин, хакеру нос утрет – так он шарит в этой всемирной паутине.

Ой! Я тут клиентку в кафе дожидалась, за десять минут успела и коммуналку оплатить, и свет, и телефон, и матери на карточку денег кинуть, и Вовку, по ходу, из вредности грузануть, и сыну маякнуть, и муженьку напомнить про таблетки. Клиентка попалась пипец какая тормознутая. Там в одном здании куча заведений, а она читать, похоже, не умеет. Опаздывает, звонит, паникует: «Бля-я-я! Караул! Я тут везде бегаю и найти вас не могу!» – «А вы где?» – «А где вы?» Тупая, блин, овца. Сейчас, говорю, стойте где стоите, я выйду и встречу. Проторчала на ветродуе минут десять и только тогда догадалась, что она Новинский пассаж со Смоленским перепутала. И тут же с ужасом понимаю: чего-то во мне не хватает... Буквально такое ощущение поймала, будто без органа жизненно важного посреди улицы оказалась. А люди мимо спешат, и всем на это начхать. Перед глазами поплыло, сердце бешено заколотилось... Наконец понимаю: я без телефона! Выскочив впопыхах, оставила его на столике в кафе. Черт с ней, думаю, с сумкой и даже с кошельком. Бегу, молю бога, чтобы телефон за это время не уперли. Там, в телефоне, теперь вся, сука, жизнь! Работа, деньги, семья, личное – пусть теперь уже преимущественно в эмодзи выраженное, но все же! Пока неслась обратно, поняла, что если что – я даже номер сына и мужа на память не помню, представляешь? Сраный прямоугольник четырнадцать на семь – будто слепок всей нынешней жизни. Вбегаю – лежит на месте. Уф... Так выдохнула, словно мне смертный приговор отменили.

– Валя, двадцать шестому нужен рентген. И еще давай семерочку

снова посмотрим на всякий случай. Да, прямо сейчас иди и скажи Виктору Борисовичу, что через десять минут с виповской пациенткой придешь, пускай сидит и ждет без всяких перекуров.

– А где хоть эти секретные учения проходят, Ромка сказал?

– Где-то на юге.

– А неплохо! У нас то мороз, то слякоть, а у него солнышко, каштаны, и хохотушки южные, и вино игристое, терпкое. А сейчас весна придет, пойдет черешня, сладкая, упругая, как сама молодость. И ночи южные, глубокие, а созвездия на небе в самом высоком разрешении... Скинуть бы все-все с себя в море и под всхлипы волны любиться с кем-нибудь до потери пульса! А еще мне в Одессу давно хочется. Я ведь не была там ни разу. Собирались с Кириллом, собирались, да так и не добрались... Как там, помнишь? «Спят фонтаны, занавешены фруктовыми сада-а-ми...»

– Да прекрати ты фантазировать! Мочи нет слушать. Прости, Любк... Давай уже за дело, у меня полная запись на сегодня.

Вера и Надя

15 января

Москва. Садовое кольцо.

Кафе «Зазеркалье»

– Надь, сколько я тебя знаю, ты практически всегда даешь уклончивые ответы. Как же меня бесят в людях все эти «возможно и так...», «я точно не знаю», «предположить можно, но...». Вот ты. Что ты за этим прячешь? Неуверенность? Нежелание брать на себя ответственность? Прости, что напоминаю, но ты уже пятый десяток разменяла. И уж не тебе, за широкой спиной Алексея, испытывать неуверенность.

– Я только что поняла, чем же вы так похожи.

– С кем?

– С Алексеем.

– Ну и?

– Вы оба привыкли разговаривать с близкими на языке претензий.

– То есть?

– То есть так, будто близкие или зависимые от вас люди вам чем-то по гроб жизни обязаны. Нет, я не оспариваю высокую степень вашей монументальной ответственности: у него – суперважная работа, которая нас хлебушком с икрой кормит, его представления о благополучии семьи, которые он последовательно претворяет в жизнь, у тебя – тоже работа и сын, имевший дерзость оторваться наконец от твоей юбки. А все остальное для вас – инструменты для достижения целей или шелуха под ногами. И то, что другие, которых вы называете близкими, оказывается, имеют свои переживания, эмоции и, не дай бог, отличное от вашего восприятие мира – для вас это всего лишь досадные заусенцы, отвлекающие вас, таких уверенных и ответственных, от главного – от идеи-фикс, которой вы служите. А что если за этим прячется одно только непомерно раздутое эго?

– О как... Ну-ну, продолжай, мне даже интересно стало!

– Вот тебе мой прямой ответ: я хочу развестись с твоим братом.

– Ха-ха-ха! Самой-то не смешно? Свободы захотелось? А что ты вообще умеешь, что ты знаешь о жизни? Когда ты в последний раз обращала внимание на то, сколько стоит, например, десяток яиц, который ты задумчиво и нежно укладываешь в набитую до отказа корзину? А не трахаться по несколько лет тебе когда-нибудь доводилось? Ты, блин, вечная весна!

– Спасибо, девушка, я уже ухожу. Выливать не нужно, перелейте в бумажный стакан и отдайте тому бродяге, которого только что вытолкнул отсюда ваш коллега.

– Дура, блин, набитая... Надь, ладно, постой! Девушка, да не суетитесь вы, оставьте как есть, на столе. Надь! Ну все, все... Хочешь лайфхак? К вопросу о самостоятельности. Научись для начала не убегать чуть что, а биться за каждое свое слово.

Думаешь, я не хочу чего-то по-другому? Вон тот торговый центр в тысячи квадратов построить, наверное, легче, чем хоть сантиметр перестроить в себе. Строят все, черти, строят, никак не насытятся... Чихнуть уже скоро негде будет. Смотри-ка, ручеек! А солнышко какое сегодня игривое, будто весеннее. Думаешь, я только из-за Лешки за тебя держусь? Отчасти и так, врать не буду. Но я ведь уберегу тебя, дурочку, хочу, ты так и не выросла, застряла в возрасте напрасных рывков и вредных мечтаний. Пойдем-ка обратно... За мной должны уже скоро заехать. Мы с соседом подписи по дому собрали, хотим управляющую компанию поменять, решили сами в жилинспекцию отвезти. А ты попробуй с мужем поговорить. Может, тебе просто отдохнуть одной надо, хоть на недельку уехать, обстановку сменить... Что значит «ему всегда некогда»? Добейся, чтобы нашел время и выслушал.

Люба и Надя

17 января

Московская область. КП «Сосны» – Москва.

Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Как же они, суки, матросы чумазые, когда-то так точно это поймали) Танго рисует само, оно покруче любого психолога вытаскивает из тебя все: и незакрытые гештальты, и паттерны предков, и мечту о нездешней любви, приправляя все грустной нежностью от невозможности продолжения... Танго – это как потерянные крылья, которые тебе снова дали ненадолго примерить. Если честно, круче аргентинского танго я ничего еще в жизни не встречала.

– А кто они были, эти матросы?

– Негры, испанцы, итальянцы, гавайцы... Да кто угодно! Скитальцы, имевшие в жизни одну верную подругу – смерть за плечом. Близость стихии, эпидемии неизлечимых болезней, нищета и отсутствие устойчивости во всех смыслах обнажала в их танце всю страстность коротких и ярких отношений с женщиной. В то время на одну бабу по несколько мужиков приходилось, можешь себе такое представить?! В бордели очереди выстраивались... В зарождение этого танца вмешались культуры, языки, кровь, и получился магический коктейль – будто самый сок из всего того, что человечество узнало о любви.

– Круто! Но откуда же тогда могла взяться в нынешнем танго аристократическая элегантность?

– Так жила себе в тамошних трущобах такая вот, например, Люба) Прислуживала матросам у матери в кабаке, а так как выжить очень хотела, капитанов за бабки приласкать не гнушалась. Дым, гам, дешевый ром, шлюхи, поножовщина и танцы меж дощатых столов – вау! Знаешь, почему аутентичное аргентинское танго танцуется в близком объятии, и шажочки в нем мелкие, внутри пары? Да места там просто не было)

Прибился к кабачку один чахоточный поэт, но стихи слагал такие, что даже самые просоленные дьяволы затыкались, когда слушали. На эти стихи, которые он посвящал нашей Любе, хорошо ложились музыка и танец. И как-то, уступив его любви, отдалась она ему совершенно бесплатно. Но Люба была целеустремленна – бабла скопила и все равно в большой город сбежала. Сменила имя, умом да обманом пробралась в высшее общество. И все бы ничего, да растеряла она быстро свой звонкий

смех среди напыщенных сеньоров и сеньор. Днем, когда старый глухой любовник уезжал по делам, бродила обреченно по округе и останавливалась подле черни, распевавшей знакомые до боли песни, а в сумерки выходила на балкон, жадно вслушивалась в грохот якорных цепей вдалеке, вдыхала аромат жакаранды и, давя в себе неясную тоску, просила служанку принести ей стаканчик самого дешевого рома. Как-то раз уломала она своего глухого сеньора, пригласила во двор богатого дома уличных танцоров и музыкантов. Приглянулось потехи ради это зрелище и скучающим друзьям. Так вот и занесла она в высшее общество, как заразу, танец шлюх и моряков.

–))) Класс! Ты так красочно об этом рассказываешь, будто видишь наяву. Неужели ты все это ловишь на своих занятиях?

– Un roquito) Надюш, надо либо последнюю степень отчаянья иметь, либо особые, врожденные настройки чувствительности, чтобы в танце, тем более в наше время, время готовых и понятных форм, суметь поймать истинную страсть. Настоящее танго совсем не про технику, а про музыку и непрожитые чувства. А я, увы, по натуре ремесленница. Схватываю быстро, но глубины мне никогда, как и в писательстве, не достичь. А у тебя бы, чувствую, получилось, ты флюидна. Если надумаешь – помни: учиться нужно только у носителя культуры. Даже самый задрипанный аргентинский танцоришко несет в себе это знание на уровне генетической памяти. А наш русский Ваня, переученный напудренный бальник – пустая трата времени. С таким же успехом ты можешь ходить на фитнес. Настроение, возможно, улучшишь и в тонус войдешь, но это все не про танго. Своего препода предложить не могу, у него полная запись на полгода вперед. Но если это твое... Тангеры говорят так: танго не ищут, оно само тебя находит.

Люба и Вера

18 января

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– И почему реальность всегда оказывается не такой, какой мы ее представляем в фантазиях? Наверное, в этих фантазиях все и перегорает, а жизни остается лишь плохая копия.

И по форме-то все, вроде, схоже, но... как будто сочные картинки из воображения, не сумев завершить полноценный переход из мира грез в реальный, теряют свою силу в каком-то недобром устройстве. Мне казалось так: появится другой мужик, не клоун, а нормальный, серьезный мужик, при этом чтобы еще и воду вокруг не баламутил, принял все как есть, и у меня совсем другая жизнь начнется, такая, чтоб самой себе на зависть! В последнее время часто думала: основная проблема в том, что мы с Вовкой наскоро по углам, будто воришки мелкие, шаримся. Свалила жена его с дочкой на прошлой неделе бабку провести в Кострому, и поехали мы на целый день к его другу на дачу. Дача путевая, с бассейном и сауной. При жене он ссыт надолго выпадать, она же контролит каждый его шаг, звонит чуть не десять раз на дню, достала... Блин, придушат такие до хрипоты, а потом удивляются, что мужику воздуха глотнуть необходимо, чтобы раньше времени от такой заботы не подохнуть.

Ну... И ничего стоящего... Лежим два, в общем-то, чужих тела в чужой кровати, и чувствую – вовсе не обо мне он думает... Да и не думал он обо мне ни накануне, когда договаривались, ни с утра, когда жену до вокзала провожал, а думал лишь о действиях вокруг меня. Понимаешь разницу? А вот тогда, в наш первый раз, я действительно почувствовала, что мы были с ним одним целым. Всегда так в жизни почему-то выходит, что все по-настоящему захватывающее может произойти только спонтанно... Вот и пьянка самая классная и запоминающаяся – именно та, которую заранее не планируют.

– Люб, да кончай ты уже в этом рыться и искать своей совести оправдания! В наше время, вон, мужики на мужиках открыто женятся, и ничего, свобода выбора. А ты в лице этого ушлого Вовки просто проблему себе новую прицепила и еще пытаешься хоть что-то выжать из сухого. У тебя телефон, кстати, вибрирует.

– Что там написано?

– Хм... Мастер. Подозреваю – точно не Вовка.

– Ой, выдерни, пожалуйста, из зарядки! Привет, Кирюх... Не, не читала еще твою статью. Пришли ссылку, освобожусь, телефон подзарядится – гляну.

Надя и Люба

23 января

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область, КП «Сосны»

– После сорока люди часто умирают во сне. А еще куда-то исчезают. В какой же момент растворяются в прошлом все эти звонкие, жадные до нового, открытые неведомому мальчики и девочки? Где они теперь? Глупо, но как-то не верится, что они могли вот так взять и просто необратимо исчезнуть.

– Да у тебя, Надюш, действительно кризис среднего возраста...

– Меня часто подобные мысли занимают. Встретила я не так давно совершенно случайно бывшую одноклассницу. Сейчас уже могу честно признаться в том, что в школьные годы она была для меня... да вот даже чуть ли не идеалом. Смелая, дерзкая, прямо как ты! Вокруг нее все, казалось, вибрирует – столько в ней было энергии! В хоре солировала, на танцах отжигала так, что дух захватывало. При этом, в отличие от меня, записной красавицей ее не считали, да и в учебе она особо прилежной не была, но к доске выйдет – ямочки на щеках обозначатся, гривой кудрявой встряхнет, и ни прыщики, ни кривоватые тоненькие ножки ее не портили – даже самые противные учителя смягчались и, поддавшись ее обаянию, ставили на балл выше, чем любому из нас. Она умудрялась находиться в самом центре любых событий, как со знаком плюс, так и со знаком минус, словно сама жизнь себя придумала для того, чтобы вокруг нее вертеться. Эта девочка приносила в нашу компанию все самое новое, самое модное, а о стыдном, тайном, таком, о чем мы и подумать боялись, говорила прямо и просто, да еще и обезоруживающе при этом смеялась.

После выпускного, на который за ней заехал потрясающе красивый парень на дорогой машине, мы с ней потеряли друг друга: разошлись дорожки. А тут... Захожу как-то в химчистку и неожиданно натыкаюсь на очередь. Делать нечего, встала: мужу завтра в командировку, надо было его рубашки забрать. И что же, думаю, так долго? Обычно в это время никого там не бывает. Вылезла я из своих мыслей и стала наблюдать, как какая-то скверная тетка по-хамски песочит приемщицу, держа на нервах

очередь. И цены высокие, и чистят они плохо, и тон у приемщицы не тот... Кое-кто из очереди на сторону несчастной бабульки-приемщицы встал. Наконец тетка разобралась, квитанцию грубо выхватила, обернулась, лицо – как резиновый мячик, места живого от ботокса и филеров нет. Глазки маленькие, злые, а в ушах карата по два, не меньше. И сумка на локотке висит та самая, за которой тебе год в очереди униженно стоять. И тут прямо ухнуло и опустилось у меня что-то внутри, когда подружку свою школьную сквозь эту непробиваемую стену разглядела... Я бы, конечно, с ней поздоровалась... Но она, понимаешь, кроме себя ничего уже вокруг не видит! Скользнула по мне безразличным взглядом и, под всеобщий выдох, ушла.

– М-да... У всех нас где-то там, в самых дальних папочках, лежат воспоминания о такой вот школьной подружке. Но ты, я так понимаю, сильно расстроилась...

– Да.

– В соцсетях ее потом искала?

– Думала, но не стала. Может, и не было в этом ничего особенного, но я среагировала так остро, что даже на красный проехала. И тут же полицейский: как ждал, палочкой гневно машет. Остановилась, окно приоткрыла, документы ему молча протянула. Он поначалу что-то утрашающим голосом бубнил, в базу свою полез, а я только головой в ответ киваю. «Девушка, – говорит, – да что у вас случилось?» Даже и не вспомню, что ему отвечала. Вдруг он отдает мне документы и говорит, что штраф выписывать не будет, если я пообещаю, что быстренько припаркую машину в надлежащем месте и доеду до дома на такси или общественным транспортом. Так я и сделала и, вместо того чтобы ткнуть в приложение для вызова такси, неожиданно для себя села в автобус, шедший почти до дома. Лет десять, а то и больше, не была в общественном транспорте... А это был старый, до недавнего времени считавшийся спальным район. Бабульки у перехода торгуют орехами, семечками и пуховыми платками, в осевших ларьках – крендели, соки и проездные с газетами жмутся друг к другу, и люди снуют простые, чудно одетые, и все так выглядит, будто здесь время когда-то остановилось. И еще запах был острый, забытый. Запах моей юности... Пока до нужной остановки доехала, многие эпизоды настолько ярко, словно все они случились разом и вчера, пронеслись перед глазами. Вспомнилось, как мы с этой девчонкой классе в седьмом тайком красились мамиными наборами косметики «Estée Lauder» и «Pura», как песни англоязычные русскими буквами записывали и до стертых пальцев мотали туда-обратно магнитофон, как туфли на шпильке по очереди на

тусовки носили, как сигареты «Marlboro» у моего отца из пачек воровали из уголочка, а потом, с ювелирной точностью, приклеивали обратно вспоротую слюду, как самоотверженно нарезали горы салатов на наши первые пьянки, когда родители разъезжались по дачам, а главное – как радовались, до щенячьего восторга, любой ерунде.

А про рубашки мужа, оставленные в машине, только возле дома вспомнила. Что-то невнятное для него придумала, мол, голова закружилась, пришлось машину на полдороге бросить. Он удивился, но как будто поверил и тут же послал водителя пригнать к дому машину.

– М-да... Хорошо тебя нахлобучило.

– Это все так сложно объяснить...

– Надюх, подобное переживают все, но по-разному. Средний возраст – не цифра в паспорте. У кого-то кризис наступает уже в тридцать, у кого-то в сорок или позднее. Я, например, в какой-то момент просто почувствовала, что теперь четко делю людей на виды и подвиды, и для каждого случая в моем заплечном мешочке найдется набор необходимых инструментов. Стали прогнозируемы почти любые действия и просьбы, ожидаемы звонки: каждый из этих видов-подвидов уже встречался в моей жизни. На смену радости, волнению, смущению пришло отупляющее спокойствие, когда все вокруг становится понятней, чем развитие сюжета в четвертой части голливудского фильма про суперагента. Казалось бы – живи себе без особых потрясений и наслаждайся, теперь ты защищена. Но... твою ж ты мать! Вот тут-то и начинает тихо скулить душа. Все ей, глупой, хочется вернуться на праздник, с которого ее так бестактно вытолкнули лет ...дцать назад. И начинаются шатания: кто-то бухает, тщетно и грузно пытаюсь повторить «те самые бравые полеты», кто-то липнет к старым друзьям, в разговорах с которыми, если честно себе признаться, мы давно гоняем по сотому кругу одно и то же и ничем, сука, новым себя не наполняем, кто-то бежит к мозгоебам на лекции, в надежде получить какие-то новые, правильные установки, а кто-то через секс придумывает себе притяжечки.

– И что с этим делать?

– Да хули тут сделаешь – тока продолжать жить... Умудриться находить радость в каждодневном, обычном. Ай, черт... Последнее я ведь и себе сказала.

Вера и Надя

29 января

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Надь, сегодня, если честно, не получается... Дела кое-какие образовались. Так что после испанского своего – сразу домой, не жди меня.

– Слушаюсь и повинуюсь.

– Это ты хохмишь, что ли?

– Вроде того.

– Угу... Ну ладно, давай тогда, на связи.

Люба и Вера

31 января

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Верк, а с тобой мать говорила о сексе?

– Уф... Конечно нет. Зато много говорила о долге и с детства подключала ко всем процессам по хозяйству: стирка, глажка, жрачка, уборка. Мужу, приговаривала, нужна хорошая хозяйка. А еще учила терпеть и о своих болячках помалкивать. Мужу, уточняла, не нужна больная жена. А про секс – ну если только про что-то с ним связанное: месячные, гигиена и аборт... Страшное слово из детства. Ее подружка это сделала, я каким-то образом прознала и давай ее пытаться: «А что такое аборт?». Мать ответила, что это очень плохо и страшно, а почему и что делать, чтобы этого избежать, конечно, не объяснила.

– А моя с моих пятнадцати доставала для меня красивое нижнее белье – тогда ведь сложно было и с деньгами, и с одеждой. Помню, принесет новый комплект, от отца в шкафчик спрячет и приговаривает: «Это твоё приданое. Трогать не смей». Но про половые отношения ни слова. Правда, часто, в адрес отца, бухтела, что все мужики – козлы, алкашня и блядуны, исключений не бывает.

– Моя-то хорошо была воспитана, эмоции при себе держала, да и отец был военный, насколько помню, особо не грешил, но тенденция такая же прослеживалась, только что белье не покупала, зато морально готовила к тяжкой, но единственно ценной женской работе – замужеству. И еще, помню, мать во всем себя ужимала, хотя какие-то возможности у нас все же имелись. Ничего особо не просила, ничему особо не радовалась, котлету положит себе в тарелку всегда в последнюю очередь и самую неудачную, с одной сумкой по несколько лет ходила, пока ручки в хлам не стирались. Я, когда с будущим мужем первый раз сексом занялась, не понимала, как себя вести... И желание-то было жгучее – дело молодое, да и тело тоже, – но я все пыталась себя сдерживать, а то еще, не дай бог, подумает, что развратная, что с кем-то уже была.

– У меня два первых парня пролетели как и не были, вспомнить не о чем. А когда с Кириллом познакомилась... Несмотря на наше тогдашнее социальное несоответствие, а может, и благодаря ему, все так лихо закрутилось, словно в один день произошло – и ухаживания, если это так

можно назвать, и влюбленность дикая, взаимная, и постель. Голову оба потеряли. Вот тут-то мне бельишко и пригодилось. Я его втихаря из шкафа подтыривала, а после свиданий стирала и аккуратненько складывала обратно – ептыть, приданое же! Кто знал, что он жениться захочет! Я и не думала об этом, в отличие от моей матери, просто любила и все.

– И сколько тебе было лет?

– Сладких семнадцать... Нет, мать-то сразу прочухала, что у нас все по-взрослому, но, опять же, делала вид, что секса как бы нет в природе. А вот по части советов, как Кирилла на место поставить, как нервишки ему пощекотать, когда ругались – а ругались мы часто, – это пожалуйста: мать моя, что справочник для молодых хозяек – тысяча и один мудовый совет.

– Странное было время... Зато теперь любая девчонка чуть ли не с начальной школы все знает и про физиологию, и про позы, и про оргазмы, и даже про типажи и психологию этих кобелей. Интернет открыл – там все написано. Только вот про чувства мало пишут.

– Про чувства книжки надо читать. А я их просто проживала... Книжки потом пошли, когда Кирюха за меня взялся.

Февраль 2018

- Выходит сериал «Большая маленькая ложь» рассказывающий о трех матерях первоклашек, объединенных загадочным убийством.
- Более 10 жилых домов в ЛНР повреждены в результате обстрела украинскими военными.
- В России проведен социологический опрос среди женщин от 18 до 44 лет. Наиболее привлекательным мужским качеством 31 % опрошенных считают богатство.
- Три российских журналистки обвинили председателя Комитета Государственной Думы по международным делам в сексуальных домогательствах.
- В Пхенчхане открылись зимние Олимпийские игры-2018. Россияне вышли под нейтральным флагом.
- В Подмоскowie разбился пассажирский самолет «Саратовских авиалиний». На борту находились 65 пассажиров и 6 членов экипажа. Никто не выжил.
- Вице-премьер Австралии подал в отставку после того, как стало известно о его «служебном романе»: бывшая подчиненная ждет от него ребенка.
- Спецслужбы России и Аргентины провели совместную операцию по пресечению наркотрафика. В деле фигурирует почти 400 кг кокаина.
- Открылись первые пять станций Большого кольца Московского метрополитена.
- В Донбассе украинские силовики обстреляли санитарный автомобиль.
- За взятку в особо крупном размере бывший губернатор Кировской области приговорен к восьми годам колонии строгого режима.

Надя и Люба

2 февраля

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область, КП «Сосны»

– Люб, а ты какую музыку в машине предпочитаешь слушать?

– Ой, я всеядна в этом плане. В моем плейлисте винегрет. И Высоцкий, и Лепс, и блатняк всякий, и рэп модный, и Чайковский, и Рахманинов, а теперь уже, конечно, танго: Пьяццолла, Д'Арьенцо, Пульезе. И скрипочку твою, кстати, сохранила. Включаю, когда вспоминаю о тебе, или под настроение. Я поняла, что музыка бывает сезонной. Цой и «Наутилус» – это последний глоток надежды в солнечном сентябре, сюиты из «Щелкунчика» хочется слушать в начале декабря, когда сопливое нечто, текущее с неба, постепенно превращается в настоящий кружевной снежок. В тоскливом феврале хорошо идет «Мумий Тролль»: он своим драйвом тоску разгоняет; Шопен и Лист как предчувствие скорого пробуждения с ручьями приходят в марте, а Высоцкий, «Бумбокс», «Сплин» или блатняк – они апрельские, весенние, хочется нырнуть поскорее в май и с гитарой забыться под сиренью. Лето есть лето, там почти все хорошо идет, кроме тяжеловесной классики. Тальков – это август, он напоминает о быстротечности и несвоевременности. Вообще это чудо. Когда слушаешь музыку – сливаешься не только с тем, кто когда-то ее написал, даже если человека давно нет в живых, но и с тем, кто исполнил, и с тем, о ком в это время думаешь.

– Сколько же в тебе жизни!

– А в тебе?

– Сейчас уже не больше, чем в заплесневелой булке из «Волконского», которую я только что выбросила в помойку.

– Ну, началось в колхозе утро... Живи, падай в музыку! За тебя это никто не сделает.

– За меня уже все сделали.

– Бля... Скучно мне стало. Пока.

– Погоди... Я хотела сказать... Я уверена в том, что мужчина рядом с тобой должен быть очень-очень счастлив.

– Гы! Пока мужики особо не жаловались.

– А я про одного сейчас подумала. Того, который по-настоящему рядом с тобой.

Вера и Надя

5 февраля

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Хрен поймешь, бывает, человека. Мыслей себе в голову натолкаешь, а встретишь – он словно тут же начинает доказывать, что все твои мысли – одни сплошные фантазии... Ладно. Опираясь уже на это, ты быстренько отползаешь обратно за свою занавесочку, но в следующий раз он вдруг ведет себя уже так, что дает тебе еще больше почвы для домыслов. А ты сидишь как дура и думаешь: «Ну и что это было? Может, я зря отползаю?»

– Вер, это ты про кого?

– Да так... Вообще о людях. Приходят же ко мне всякие.

– Странно. Кажется, не так давно ты сама говорила, что научилась дистанцироваться от пациентов и их болтовни.

– Когда кажется, креститься надо. Только вот в последнее время мне много чего кажется.

Вера и Люба

9 февраля

Москва. Медицинский центр «Гармония»

Отделение стоматологии

– Тебе очень к лицу этот оттенок.

– Спасибо, Вер. Уж раз ты это говоришь, значит, действительно к лицу. Думала, ты такие вещи особо не замечаешь.

– Если молчу, не значит, что не замечаю. Это только собственную старость далеко не сразу замечаешь.

– Старость?!

– Люб, это ты у нас энеджерджайзер. Твоему здоровому эгоизму можно только позавидовать. Ты уже лет десять как за себя взялась, от косметологов и из спортзала небось не вылезает.

– Херня! Раз в неделю занимаюсь танцами, чаще не получается, в спортзал не хожу, только зарядку по утрам делаю, а к косметологам давно уже хаотично, наскоками. Пф... Любим же мы все обобщать. Набиваем в сознание каких-то шаблонов, а потом аккуратненько дорисовываем за других людей их жизнь. Самое удивительное, что попав под колпаки чужих представлений о себе, многие сами пытаются им соответствовать. Ладно бы только в хорошем, а часто бывает, что и в плохом.

– Но ты же постоянно с собой что-то делаешь!

– Чего-то мне бабка моя вдруг вспомнилась... Меня на лето к ней отправляли. Бойкая была бабуля, чуть что не по ней – негатив в себе не копила, на три буквы пошлет любого, только в путь; курила крепкие папиросы, сладеньким баловалась, а по праздникам и выпить была не прочь. С мужиками любого возраста до самой смерти кокетничала. А я лет в пятнадцать первыми диетами увлеклась, вареное яйцо с горсткой пустого риса и зеленью с огорода растягивала на целый день. Мыши плакали, но жрали кактус – типа того. И вот как-то бабка мне сказала: «Между вкусным и полезным надо выбирать вкусное». До девяноста пяти лет моя бабка дожила. Это уж и правда был электровеник! Все калории и болячки в ее жизнелюбии сжигались. Счастье – это не про то, как правильно по мнению кого-то, будь их хоть легион, счастье – это про то, от чего радостно именно тебе.

– А я тут, Люба, вчера подвиг совершила – после душа подошла нагишом к зеркалу и осмелилась на себя поглядеть.

– Но почему же подвиг?!

– Потому что не делала этого уже лет десять. В чехол себя с утра наскоро затянешь, вроде как обманешь, и немедленно гонишь все мысли о том, что за правда скрывается под этим чехлом.

– Вер, ты очень неплохо выглядишь, честно!

– Густая я стала, будто подмороженная и подкисшая сметана. Смотрела на себя в зеркало отстраненно, как на чужую женщину, и понимала, что дело совсем не в целлюлите и гравитации, это как раз не так страшно смотрится, как мне представлялось.

– А в чем?

– В том, что давно забыла, что может быть радостно именно для меня.

Вера и Надя

12 февраля

Москва. Садовое кольцо.

Кафе «Зазеркалье»

– Надь, это «Диориссимо» от Диор.

– Это же духи моей мамы! Чистый ландыш! С чем же связан твой выбор?

– Да черт его знает... Будто чем-то, почти забытым, повеяло. Зашла в магазин, купила эти духи. Что нам остается из прошлого? Искажение фактов ради подтасовки их под то, что мы считаем своей совестью, и запахи... Что, есть у тебя с собой какая книга новая, погадать? Только объясни мне – как, я же не знаю.

Надя и Люба

14 февраля

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» – Московская область. КП «Сосны»

– Настоящую красоту надо наработать, выстрадать и выпестовать в себе. А та, что дана от природы, как это совершенно точно кто-то из классиков подметил, – скорее наказание.

– Да ладно!

– Она же с самого начала лишает борьбы. Поверь, еще совсем девочкой будущая женщина начинает ловко... ладно бы пользоваться – использовать ее, чтобы оправдать свое бездействие. Пока не столь красивые бьются за оценки, внимание парней, одобрение матери и гордую улыбку отца, красавицы сидят на заднице ровно. Ощущение того, что весь мир тебе что-то должен, не обязательно осознанно, это ощущение – словно неотъемлемая часть того, что ты в себе несешь. Обожание и восторги противоположного пола воспринимаются как само собой разумеющееся, послабления в учебе или домашних делах становятся привычными, но рано или поздно ты натыкаешься на горькое разочарование: вдруг появляется кто-то, кому совершенно начхать на твою внешность. Я сейчас даже не про личную драму, этот кто-то – как правило, почти случайный: гость в доме, преподаватель, таксист или врач. И ты паникуешь – в отлаженной системе взаимоотношений с миром произошел сбой! Этот человек и вызывает любопытство, и начинает, как зуд, раздражать. А когда ты окончательно попадаешь в мир взрослых, таких людей становится все больше. Вот тогда появляются обида и злость: как многого ты, оказывается, не знаешь, не умеешь, не хочешь. Пока ты позволяла миру, словно партеру, любоваться собой, другие вгрызались в жизнь, чему-то учились, боролись. И вот тут ты понимаешь, что мир давно отвернулся от тебя, что он обращен теперь уже именно к ним.

Появляется горькая претензия к себе. Постепенно она пожирает оставшуюся красоту, оставляя тебе одни бессмысленные, пусть и правильные, черты.

Если честно, меня давно уже никто особо не замечает...

– Но я же заметила!

– Для этого мне нужно было в тебя въехать.

– Надь, прости, но иногда ты напоминаешь мне одну тоскливую телку

из «Одноклассников». Когда соцсети только появились, я поначалу этой массовой фигней страдала, правда, в легкой форме. Вступила в женскую группу под названием «Любовь», туда всем Любам предлагалось вступить. Каждый вечер админы выкидывали какие-то тупые темки на обсуждение. Одной из админов была – прямо классика жанра – замужняя всю дорогу и такая, типа, правильная, мудрая баба. Вот курицы все и восхищались, какую бы банальность она ни написала. Затесалась меж нами чья-то любовница, так и заявила: «Я – любовница, вот такая, сука, моя доля». И вся эта свора баб на нее ежевечерне накидывалась: то унижала, то снисходительно поучала, то к совести взывала, а то, бывало, и жалела. Я все думала: «Ну когда же ты, дура, возьмешь и из группы удалишься?». Но нет... Исчезнет на денек-другой, плевки подотрет и снова, гляжу, в группе. Конечно, она понимала, что живет неправильно не потому, что все эти кухонные сороки так считают, а потому, что она сама от своего места в жизни несчастлива. Но шла по пути наименьшего сопротивления – получала свою порцию пиздюлей от незнакомых баб и на время успокаивалась, потому что это проще, чем встать, выгнать наконец из жизни чужого мужика и начать собирать себя заново. Красивая, кстати, судя по фоткам, была... А твоя красота... Вот пусть она и будет первым взносом в твою личную копилку!

– К красоте быстро привыкаешь. Я же вижу, каким взглядом на меня давно уже смотрит мой муж.

– Похоже, ты меня сейчас совсем не слушаешь... И каким же взглядом он на тебя смотрит?

– Взглядом раздосадованного хозяина, который когда-то вложил в красивую вещь, но не подумал о том, что эта вещь, как и любая другая, имеет срок годности. Иногда я чувствую, как он с горечью замечает на мне отметки безжалостного времени.

– Погуливает?

– Да нет... Он у меня слишком правильный.

– Или слишком умный! Даже порядочные мужики после сорока частенько идиотничать начинают. Ладно, забей... А на меня мой муж давно и не смотрит. Разве что... Иногда я просыпаюсь по утрам от того, что он, когда что-то ищет в нашей общей спальне, которая, по сути, давно превратилась только в мою комнату, вдруг зависает на мне долгим, изучающим и как будто даже удивленным взглядом.

– А ты?

– Я отворачиваюсь и делаю вид, что ничего не почувствовала.

Вера и Люба

16 февраля

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– No-o-on, rien de rien, non je ne regrette rien...^[2]

– Фу... Как же больно...

– Валь, радио погромче. Balayés les amours / Et tous leurs trémolos / Balayés pour toujours / Je repars à zéro^[3]... Еще заморозочки добавляем... Валь, ну побыстрей!

– Как ты по-французки-то херачишь... Удивлена. Ы-ы-ы... Бля-я-я... Ну пипец, ты садистка...

– Когда с мужем в гарнизоне жила, у жены генерала брала уроки... Пустячок, ничего серьезного, но в голове всегда что-то остается. Садистка не я, а тот, кто тебе эту коронку от всей души когда-то поставил. Говорила тебе давно, что ее менять пора. No-o-on, rien de rien... Валь, коронкосниматель.

– Это вот этим?!

– Не смотри. Вот так, выдыхай... Теперь полощи.

– Non... Je ne regrette rie-en... Знаю, Любушка, знаю... Ну потерпи, потерпи чуть-чуть, помоги мне. Мне очень сложно туда подлезть. Вот так, вот и умница... Мы сейчас должны быть как единое целое, тогда быстренько справимся. Не-не-не, не дергаться! Валя, судок быстро поменяй. Так... выдыхаем полминуты.

– Уф...

– Сплюнь. Все, дальше едем! Помни, мы сейчас одно общее дело делаем. Представь, скажем, свой золотой центр, о котором ты столько думаешь.

– Ы-ы-ы...

– Тю-ю-ю... Чуть-чуть осталось. А как мы детей рожаем! Вспомнила? Все ерунда после этого. Помню, у моего бывшего мужа ноготь врос на ноге. Столько боли, столько муки претерпел. Наш хирург ему под местным обезболиванием маленький краешек вырвал. Каждый вечер мужу повязку накладывала, и так он глаза закатывал, так губы сжимал! А мы – нет, нас голыми руками не возьмешь! От... пошло-пошло... Валь, хлоргексидин подготовь! Car ma vie, car mes joies aujourd'hui, ça commence avec to-o-o-i!^[4]

Ну-у... Все, концерт окончен. Поздравляю. Вот она, проклятая,

смотри. Да расслабься ты уже. Валь, где салфетка?! Последний рывок – обточить. Делов-то осталось на три зуба... И будет тебе через пару недель твой «Голливуд».

Вера и Надя

19 февраля

Москва. Садовое кольцо.

Кафе «Зазеркалье»

– Да, привезите и черные, и золотистые. Да, тридцать семь с половиной. Ну... Лучше завтра утром на работу. Пусть курьер позвонит не позже, чем за час, я объясню, как меня найти, а если не подхожу – пусть эсэмэску сбросит. Что значит «он не будет писать»?! Работа у меня такая, пусть уж придумает, как со мной связаться. Да, и не позже, чем за час до приезда!

– К весне готовишься?

– Не совсем... Хотя, может, и к весне.

– Тайна?

– Да нет у меня особых тайн...

– Но я же чувствую. Нет, если не хочешь говорить, я не настаиваю.

– Господи, Надька, и как ты живешь на этом свете? Не обязательно на чем-то напрямую настаивать, можно же так себя подать, что собеседник сам не заметит, как все тебе сольет. Слушай... А ты никогда не думала о том, что Алексею рядом с тобой может быть просто скучно?

– О чем я только ни думаю... А ты опять нападаешь.

– Да на тебя и нападать-то не интересно. Ладно... В воскресенье ходили мы с Дмитрием Павловичем в тир.

– С соседом? В тир?!

– Ну... Я так решила: если Ромка до Пасхи не объявится, я сама к нему поеду.

– Куда?! Там же война!

– И что? Там же люди как-то живут, да еще с детьми... Я все-таки врач, к миссии какой гуманитарной могу подключиться... Вот сейчас по всем важным клиентам дела заканчиваю, а новых особо не беру. Дмитрий Павлович, он фээсбэшник на пенсии, подполковник. Так уж получается, что только определенный тип мужиков подле меня по жизни оказывается... Судьба. Короче, рассказала ему о том, что надумала, попросила стрелять научить, так, на всякий случай... Он сначала отговаривал, а потом, между прочим, согласился. С тобой, говорит, если что, поеду, коза ты, говорит, упрямая. И сыну твоему полегче будет, если ты не одна, а с мужиком приедешь.

- Вер, так у вас было?
- ...Было. Но пока только танго.
- Как это?

– Да так. Вчера маэстро в клубе выступал, Августин, помнишь, я рассказывала? Я еще в начале недели решила туда пойти, ну и Дмитрию Павловичу проболталась, совсем случайно... В общем, он со мной напросился.

– С ума сойти!

– Да уж... И в такой пришел восторг! Пока шли, я все переживала: зачем, думаю, иду? Зачем, думаю, с ним? Все каким-то нелепым казалось. А потом... Вот так живешь и никогда не знаешь, что скрывается у человека за внешней оболочкой. Вроде и сапог сапогом, сдержанный такой, косноязычный, но когда смотрели шоу, я даже в темноте заметила, как у него глаза засветились! После шоу народ танцевать повалил, а мы-то оба не умеем... Но все равно остались, пили кофе и наблюдали за парами. Он человек обстоятельный, предметный, сразу обстановку оценил, заметил, что многие из танцующих – любители и выглядят как обычные люди с улицы. «А почему бы, – говорит, – Вера Андреевна, и нам с вами не разучить несколько простых шагов? Мы могли бы так вечерок иногда скоротать». Военным к лицу парный танец, у них выправка, стать и трепетное отношение к даме. Я сначала подумала про Августина и сразу списалась с приятельницей, которая меня туда однажды привела. Она ответила, что маэстро очень дорого берет, мол, только богатым дамам по карману, да и Дмитрий Павлович мою идею не поддержал. «Танцор, – говорит, – первоклассный, но сразу видно, что жулик». Приятельница посоветовала в группу для начинающих записаться. Они за вполне приемлемые деньги несколько раз в неделю в этом же клубе занимаются до начала милонги.

– Милонга... Так называется вечер, где танцуют аргентинское танго!

– А ты, я смотрю, в этом вопросе прошаренная! Смутно помню, что ты вроде про какие-то свои сны рассказывала... Да, аргентинское танго сейчас снова очень популярно.

– Ну и?

– Ну... Вот мы и договорились идти завтра на группу.

– С ума сойти!

– Да уж... А сейчас сижу и думаю: «На кой черт я в эту авантюру ввязалась?» Что ж, ничего не поделаешь... За две пары специальных туфель для танго с моей карточки уже и деньги списали.

Надя и Люба

22 февраля

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

– Ты отели через «Booking» бронируешь? Узнала, что есть сайты, где можно найти подешевле.

– Неожиданно)

– Что?

– Получить от тебя такой прозаичный вопрос. А как их еще можно в наше время бронировать?

– У мужа много лет свой менеджер в турагентстве. Он цены дает хорошие, а муж всегда на всякий случай проверяет.

– А ты?

– Что я?

– Проверяешь?

– Нет.

– А теперь что, решила мужику своему помочь бабла сэкономить?)

– Считаю, что так)

– Ладно, лови ссылки на пару адекватных сайтов.

Люба и Вера

26 февраля

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Теперь я уже никогда рядом с Вовкой не смогу быть собой.

– Хм... И кто же ты теперь рядом с ним?

– Вот тот самый образ, который почти все вы во мне видите. Яркая, успешная, свободная от предрассудков женщина с явно выраженными феминистическими наклонностями. Одним словом – баба средних лет, которая еще в тренде.

– И что же тебя напрягает?

– А то, что я естественно даже жевать рядом с ним не могу! Кусок в рот кладу, а сама при этом думаю, как я выгляжу, соответствует ли моему образу то, как я вышла из машины, как чихнула, насколько уверенно и, вместе с тем элегантно закрыла за собой дверь в сортир, не размазались ли глаза и не слишком ли много ботокса мне Сонька в лоб закачала. Я теперь не могу, как раньше, расслабиться, удобно развалиться, поделиться с ним проблемой... И чувствую себя так, будто что-то опять должна...

– Ты так паришься, словно этот водила – чистокровный лорд!

– Я так парюсь потому, что этот водила добился исполнения мечты, и это, чувствую, и его уже стало обременять. Но парюсь-то я вовсе не из-за него, а из-за себя... Из-за того, какой останусь в его памяти. Все это похоже на ловушку: физическое сближение именно с ним, с чуваком, с которым меня многие годы связывало лишь живое и естественное, стало причиной того, что я сделалась неестественной и не могу выпутаться из поведенческого шаблона.

– А вот не надо было чужую мечту на землю опускать! Пусть бы себе мечтал до самой смерти. А ты бы не парилась и получала, как раньше, только бонусы от вашего общения.

– Вот и не надо было... А еще говорят, что люди преувеличивают значение секса. По-моему они, напротив, преуменьшают его значение. Секс – как бомба замедленного действия. Теперь-то уже, конечно, думаю: что поделаешь, ну поддалась бы разок дурману, а потом сказала бы – забудь, давай жить как жили. Но мы все такие слабаки... Ведь можно было бы попытаться выпрыгнуть из поезда, который идет не в том направлении, – но нет... Слабо дернуть стоп-кран, слабо достучаться до машиниста,

крикнуть, в конце концов, что это не твой поезд. Нет, так и будем трястись в нем до какой-то неизвестной и совсем не нужной нам остановки.

- Так что мешает-то?! Прыгай! Давно пора.
- Но я разобраться хочу...
- Прости, но, по-моему, ты совсем не с тем мужиком разбираешься.
- Знаю... Я просто очень боюсь.
- Чего?
- Разобраться с тем.

Надя и Вера

26 февраля

Москва. Садовое кольцо.

Кафе «Зазеркалье»

– Вер, я даже не знаю, как начать...

– Да начни уж как-нибудь. А я, пожалуй-ка, выпью с тобой за компанию «лавандовый раф». Ну? Го-о-о-споди... Что ж ты так в лице-то изменилась? Говори как есть! Когда ты перестанешь обминать в себе свои бесконечные сомнения?

– Ладно... Сможешь в долг дать?

– Тебе?! В долг?

– Да, мне. Лично мне. И очень прошу: при любом твоём решении о моей просьбе Алексею ни слова.

– Голубушка моя, да что случилось?

– Вер, ничего не случилось. Клянусь. Просто мне очень нужны деньги.

– Твою ж дивизию! Все-таки собралась уйти?

– М-м-м... Нет.

– Точно?

– Точно.

- Прямо очень нужно?
- Очень... Вер, мне и обратиться, кроме как к тебе, не к кому... Банк вряд ли кредит даст, я же не работаю.
- Да сейчас уже всем дают! Задолбали звонками и эсэмэсками.
- Значит, нет?

- А я могу узнать, зачем тебе деньги?
- Вер... В общем, я так и знала...
- Понятно. Значит, не скажешь.
- Не скажу.
- Ты можешь хотя бы убедить меня в том, что не собираешься сделать какую-то глупость?
- В смысле глупость?
- Ну... То, что может, хотя бы гипотетически, причинить тебе вред.
- Могу тебя заверить, что вреда я себе причинять не собираюсь.
- Уф... Это так неожиданно... Ты прямо в угол меня загнала. Если честно, я думала так: прежде чем к Ромке поеду, к нотариусу загляну и свою долю в квартире на него перепишу, с ним-то точно ничего не случится, а ему чтобы хлопот поменьше было... В любом случае, это уже давно надо было сделать. А сбережения кой-какие тебе, дурочке, оставлю, чтобы у тебя хоть что-то в этой жизни было свое...
- Прекрати! Ромка скоро вернется, а тебе не надо никуда ехать. Здесь тоже люди, и ты им нужна. Вот с кем твой Дмитрий Павлович на танго ходить будет?
- Ладно... Дам. А сколько нужно? Может, у меня столько и нет.
- Две тысячи долларов.
- Что ж... Наскребу.

Надя и Люба

27 февраля

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

– Очень сложно полноценно воспринимать стихи в переводе. Но чувствуешь, что за этими порой карябающими слух сочетаниями слов на самом деле кроются глубина и красота. А знаешь, Люба, я ведь кое-что уже без перевода понимаю, когда Анхель их читает. Пока еще немного... Будто дверку какую осторожно приоткрываю.

– Ты про Лорку?

– Про Неруду.

– Я не очень хорошо знакома с его творчеством. Книга рядом?

– Да.

– А ну-ка погадай!

–))) Даже майорша уже на твою мульку подсела) Похоже, у нее роман) Вот уж действительно, чудны твои дела, Господи...

– Мультка не моя и стара как мир. Страница тридцать два, нижний абзац.

– «Люблю, когда ты молчишь, словно ты отлучилась в скорбное уединенье, – словно ты умерла. И тут достаточно слова или просто улыбки – и радуюсь, радуюсь я, что смерть неправдой была». ^[5]

– М-да... Интересное попадание.

Люба и Вера

27 февраля

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Вер, ну что же мы так долго-то?

– Люба, все идет по плану. Давай дадим десне немного успокоиться. Не торопи меня, все будет в срок. Вообще, если вдуматься, все в жизни приходит в срок, просто мы не способны это сразу оценить.

– Ты про что?

– Да так, философствую... Очень рада, кстати, тебя видеть.

– Угу... Я тоже. Но хотелось бы уже поскорее встретиться где-нибудь за чашечкой кофе.

– Так ты хочешь кофе? Валюш!

– Другая ты какая-то стала.

– Да ладно тебе! Хотя, знаешь, как раз именно ты, может, меня и поймешь... То, о чем я думаю, если это облечь в понятные слова, на слух, видимо, будет звучать и кощунственно...

– Не бойсь. Пойму.

– Люб, я же только сейчас, когда мой любимый и единственный сын на войне, перестала наконец бояться!.. Давным-давно был случай – Ромкиного отца могли посадить. Пронесло... Но с тех пор во мне поселился дикий страх и за свою, понятную и привычную, а главное – за Ромкину жизнь. Все думала тогда: а если бы это все же случилось, как бы он рос без отца?! Потом жизнь сама распорядилась – так или иначе, он все равно без него остался. Но страх уже основательно пустил во мне свои корни. В школу его провожу, а сама как пружина сжатая весь день хожу: не заболел бы, не упал бы с лестницы, как дорогу перешел, как до дома дошел, поел ли, не исключат ли, не нападут ли в темной подворотне хулиганы, не подсадит ли какая мразь на наркоту, поступит ли в вуз, не ломает ли себе жизнь, если по ошибке обрухатит какую-нибудь дуру.

– Понимаю... Сама сына растила.

– У тебя мужик всегда рядом был, а мне приткнуться, чтобы хоть просто помолчать, было не к кому. И Ромке свою слабость нельзя было показывать. А сейчас... Вот казалось бы: страшнее и придумать нельзя, а страх, будто лед вековой, начал трескаться и исчезать. Странно, да? Я поняла, что все эти годы страх жил только во мне. Помню, как в детстве я

лежала в темноте комнаты и боялась одежды, развешенной на стуле в углу. Колготки с вытянутыми мысками мне казались ногами злого гнома, который свешивался со стула, и его лицо, скрытое за спинкой, представлялось мне ужасным. Знала же, что это моя одежда, а все равно боялась. Теперь, когда у моего страха есть реальный, а не придуманный повод, мне вроде и кормить его стало нечем. Он теперь вовне, а не внутри. И он стал отступать. А я задышала...

– Так он что, уехал на Украину?!

– Да.

– Я так и чувствовала, что ты мне с этими секретными учениями горбатого лепила... Зачем врала?

– Люб, а зачем мы все врем? Чтобы ничем не выделяться из стада.

Вера и Надя

27 февраля

Москва. Улица Пивченкова – Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Как ты вчера доехала? Хоть бы эсэмэску, что ли, сбросила... Баба ты приметная, да еще с деньгами.

– Все хорошо, Верунь. Прости, вчера пришла – с порога закрутилась. У мальчишек дополнительные занятия накладываются на тренировки, вот и ломали с Алексеем голову, как все увязать.

– Ясно... Привет ему, что ли, передай при случае... Ладно, бог в помощь. Надеюсь, тебя эти деньги выручат. Когда сможешь, тогда и отдашь. Вообще странно все это... У меня? Танцуем! Скажешь тоже! Топчемся на месте, друг другу на ноги наступаем. Ну давай... У меня на этой неделе все под завязку. А ты звони, если что.

Надя и Люба

28 февраля

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево» –
Московская область. КП «Сосны»

– Люб, что тебе сегодня снилось?

– Ты прямо как в мысли мои впрыгнула. Не поверишь, сижу уже полчаса над чашкой, туплю и пробую восстановить в деталях сон. Обычно такой херней не страдаю, но сейчас ощущение, будто стоящее что-то приснилось.

– Поделишься?

– Вот вроде ухватила... Снилось, что еду в поезде. Стою в тамбуре. Переполняет неясная тревога. Рядом вроде бы знакомые, но вместе с тем совершенно чужие люди. Стекло двери в подтеках, пытаюсь разглядеть, что за ним, а там – сплошной туман... Нутром чувствую: приближается моя остановка. Но тревога сильнее меня, я больше не могу ждать, а потому открываю дверь, спрыгиваю с поезда и тут же вязну ногами в мокром щебне. Поднимаю голову и вижу вдалеке освещенную лестницу железнодорожной станции. Поезд уже замедлил ход, я начинаю бежать, бегу очень близко к поезду, так близко, что, кажется, несколько сантиметров – он зацепит меня и собьет. А еще боюсь: вдруг эти «чужие знакомые» сойдут быстрее, чем я нагоню поезд, и я потеряюсь? Может, это вовсе не мой город? Но вот показалась лестница, и перед тем как на нее подняться, я вдруг замечая, что у меня, оказывается, все это время был в руке чемодан, а я даже не чувствовала его тяжесть. Наконец добегаю и, выдохнув, понимаю – это действительно моя остановка.

– Красиво...

– Да хватит тебе уже мусолить эту пластинку! Поверь, ничего красивого ни во мне, ни в моей жизни нет!

– А ты сегодня не в духе...

– А что, не имею права?! Вот ты... Что ты видишь сейчас на экране монитора? Мое отретушированное фото на обложке? Мои полные агрессивного задора тексты: памятки начинающим эгоисткам и тем, кто уже со стажем? С развитием всех этих соцсетей из человека так и попер один из самых отвратительных пороков – тщеславие. Как видишь, я тоже в тренде. Блин, тут одна, типа гениальный фотограф, каждый божий день вывешивает вылизанные до безупречности портреты своих лучших

клиенток. Десять ценительниц из их числа, может, и способны оценить талант мастера, а как быть с остальными полутора тысячами друзей? Разве у кого-то может быть такое число реальных знакомых? А эти остальные, которым охуенно красивые бабы постоянно мозолят глаза, сидят и ежедневно усугубляют свои комплексы. Или взять моих товаров-блогерш: одна с утра написала, что у нее в неделю по пятнадцать оргазмов. Зачем?! Да чтобы пять тысяч подписанных на нее дур завидовали и думали, что у них-то с этим все херово. А я, типа, пытаюсь разобраться в отношениях полов, даю рекомендации, как кому лучше. Надь, ты думаешь, те, кто пропагандирует какую-то иную, заманчивую жизнь, на самом деле хоть что-то во всем этом понимают?! Если бы... Никто себя-то не понимает. Все понимает только бог, если он, конечно, где-то есть.

– Так пиши правду.

– О чем?!

– О том, что тебя на самом деле беспокоит.

– Ептыть... Ты думаешь, людям, а особенно бабам, хочется заглянуть в зеркало, которое ничего не скрывает? Поверь, они и без меня могут в него заглянуть. В этом королевстве кривых зеркал правят нарциссизм, стремление выдавать желаемое за действительное и ненасытная гордыня.

– Пиши про то, что есть в тебе ценного.

– Хм... И что же это?

– Ты не разучилась чувствовать.

– Чувства – это такая же иллюзия, как и танго. Как ни странно, из меня в танго почему-то так и прет нежность... Но куда она девается потом? Кому она теперь нужна, как может быть применима? Был у меня пару раз в жизни свободный секс без обязательств, который здесь сегодня в моде – так вот, если честно, я чувствовала себя такой же оскорбленной, как любая обычная женщина в подобной ситуации, а попробовала по-серьезному – наткнулась на худшее: оупляющее разочарование. Не слушай меня и не читай. Я лживая скверная баба... Во мне и живое не приживается.

– Не верю я тебе сейчас.

Март 2018 года

- С большим отрывом голосов (более 76 %) Президентом России избран В.В. Путин.
- Фильм «Нелюбовь» Андрея Звягинцева получил премию «Сезар».
- Бывший полковник ГРУ, осужденный в России за шпионаж в пользу Британии, и его дочь отравлены в Солсбери нервно-паралитическим газом и впали в кому.
- Российские граждане смогут получать электронные паспорта.
- Пожар в ТЦ «Зимняя вишня» в Кемерово. Погибли 64 человека, в том числе 41 ребенок.
- Киевские силовики выпустили по территории ДНР почти 60 единиц различных боеприпасов.
- Певец Витас, будучи в нетрезвом состоянии, устроил стрельбу возле своего дома в коттеджном поселке.
- Суд Ирака приговорил сестру лидера «ИГ» к смертной казни.
- Верховная Рада Украины лишила Надежду Савченко депутатской неприкосновенности и дала согласие на ее арест.
- Умер британский физик-теоретик Стивен Хокинг.
- На Космодамианской набережной Москвы археологи обнаружили артефакты XV века.
- Федеральная торговая комиссия США начала расследование против Facebook в связи с утечкой данных пользователей.
- Массовый сбой в работе мессенджера Telegram.
- Среднемесячная температура в Москве $-6,7\text{ }^{\circ}\text{C}$.

Люба и Вера

5 марта

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Влюбленность, пусть непродолжительная, это всегда вопрос. И часто ответ на него оказывается неожиданно жестоким. Любой поиск новизны – уловка, чтобы убежать от рутины, а главное – от того, на что ты боишься поднять глаза. Но вдруг ты понимаешь, что на самом деле бежишь на месте, а за условной финишной чертой ничего, кроме тебя, нет. Задолго до связи с Вовкой я стала избегать серьезных мыслей о Кирилле, потому что все честные попытки анализировать наши отношения доставляли мне нестерпимую боль. А вспоминалось, в сущности, одно дерьмо: как он унижал меня за недостаток образования, как пил, как где-то шлялся до утра, как бесился, когда я стала зарабатывать, как срывался на сыне, как высокомерно обращался с моей матерью... и все в таком духе.

Позже, когда он стал хиреть и вянуть, мне стало еще больше... Словно он окончательно предал все хорошее, что когда-то нас связывало. Просто взял и кому-то сдал, без боя. Вроде и было хорошее, а вроде и не было. Ничего... Я залепила рану пластырем, крепко-накрепко, и как-то с этим живу.

– Прямо не узнаю тебя... Но все это говорит о том, что с Вовкой у тебя была даже и не влюбленность. Влюбленность должна возбуждать, давать энергию, это возможность еще одной жизни внутри основной большой!

– Ну... Если бы такое случилось с тобой, то да. Потому что теперь уже она не нарушила бы твою целостность.

– Теперь уже... Так разведись, что тебе, теперь уже, мешает! Кстати, мне удалось выбить для тебя максимальную скидку на окончательный расчет.

Надя и Вера

11 марта

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Привет, Верунь. Пишу тебе сейчас на почту, потому что знаю: ты сюда редко заглядываешь. Возможно, ты прочтешь это после того, как я вернусь, в таком случае просто удали.

А я все еще колеблюсь, все еще чего-то боюсь...

Но не исключено, что, когда ты это прочтешь, меня уже не будет в городе. Прости. Так все сложилось. Прошу тебя: если я по каким-то причинам не вернусь в течение двух недель, не выпускай из виду моих мальчишек. Теперь-то я понимаю, НАСКОЛЬКО тебе не хочется возобновлять любой контакт с Алексеем. Очень прошу, позванивай моей Кристине. Ты прекрасно знаешь: она выросла доброй и участливой девочкой. Она пообещала, пока меня не будет, почаще навещать братьев.

Когда вернусь, я все объясню.

Надя и Люба

11 марта

Москва. Элитный жилой комплекс в микрорайоне «Кунцево»

– Привет, Люба. С прошедшим. А у меня отец седьмого умер.

Но то, что произошло позже, оказалось гораздо страшнее. Казалось бы, разве может быть что-то страшнее смерти? Оказывается, может... Смерть, она хотя бы все извиняет...

Мысли и эмоции путаются, но постараюсь по порядку.

Не так давно я задумала наконец начать действовать самостоятельно, хоть что-то для себя делать. Дело вовсе не в твоём блоге, нет... Но твоё жизнелюбие, твоё потрясающая энергия заставили меня всерьёз задуматься о том, что я из себя теперь представляю.

Майорша – а она дантист в хорошей клинике (кстати, клиника рядом с парковкой, где я в тебя въехала), конечно, чувствовала, что со мной давно уже что-то происходит, за год безо всяких диет я потеряла почти семь килограммов... Она предложила мне сделать полный «check-up» в её клинике, а перед тем все ругала за инертность и даже активно намекала на спасительный «левак», не беря в расчёт то, что в моём состоянии даже такое уже невозможно. Но я поняла: это не выход, а очередная психологическая ловушка... Врачи наверняка что-нибудь найдут, а таблетки и хождение по докторам только усугубят мою опустошенность. И совсем уж неожиданно вдруг появилось другое, куда более заманчивое предложение – поскольку я уже сносно объясняюсь на испанском, я стала регулярно расспрашивать своего препода о танго, и он вдруг рассказал мне о туре с погружением в языковую среду, который он неофициально (качественней и дешевле) организует в марте. Это поездка в Буэнос-Айрес. Можешь себе представить, что я почувствовала, когда узнала, что программа включает в себя ежедневные занятия танго с носителями языка и посещение лучших городских милонг! Всего-то тысяча долларов ему (мой муж в магазине за три-четыре рубашки такую сумму оставляет), плюс, по моим подсчётам, ещё пара тысяч на две недели скромного проживания. Пошла, закрыла счёт, давно открытый на моё имя. На него с одного из основных счетов мужа все это время капали проценты. Я их сняла. Конечно, мне бы этого не хватило, но недостающие деньги я нашла быстро. Дело за малым – как объяснить все это Алексею. Чтобы ты понимала, за все годы совместной жизни я к отцу, с которым виделась не чаще, чем раз в

два-три месяца, и то не могла съездить без его контроля.

Ворочаясь бессонными ночами, я придумывала всевозможные слова и объяснения, но так и не нашла ничего, что гарантированно могло бы убедить его отпустить меня по-хорошему. И тогда я решила просто сбежать... Договорилась с Кристиной, старшей дочерью, что она отвезет меня завтра днем в аэропорт, а потом заедет к нам и попробует объяснить своим братьям, почему мама так поступила.

Дочь, конечно, уважает отчима, но ее искренней любви он так и не смог заслужить...

Дальше постараюсь покороче, без ответвлений и детальных подробностей.

В субботу отца похоронили. В последние годы он жил один. Женщина, из-за которой он нас бросил, от него ушла – то ли нашла другого, то ли просто устала. Он никогда ни на что не жаловался, в том числе на здоровье, и до последнего дня продолжал ходить на службу в свой институт кардиологии.

После похорон вернулись домой.

Алексей в очередной раз выразил свое сочувствие и ушел спать. А мне, как ты понимаешь, было не до сна.

Налила вина, зашла в сеть. Чтобы бессмысленно не сидеть, набрала в поисковике имя-фамилию отца, и тут же пошли ссылки на его статьи различной давности. Пробежалась по ним, вспомнилось, как они еще жили с мамой, каким он был тогда... И чувствую – не надо пока все это заново ворошить, теперь уже снова слишком близко, слишком больно. А дальше... Будто под руку кто толкнул – на автомате набираю в поисковике ФИО мужа. Его в соцсетях никогда не было, а если он и ходит туда, то под каким-то другим именем, только теперь я уже ничего не знаю наверняка...

Так вот. Фамилия у него сложная и редкая. И меня почти сразу вынесло на форум, где люди имеют возможность пожаловаться на работодателей. Вроде он так и называется: «Черный список работодателей».

А там такое...

От какой-то Снежаны...

Боже, я даже перестала дышать!

Снежана указала компанию моего мужа и назвала его – и должность, и фамилию.

В сообщениях автоматически отображается дата – это было отправлено еще три года назад. Одним словом, он там представлен «хамом», «истероидом», «высокомерным павлином»... Но все это еще

полбеда.

Эта Снежана подробно рассказала, как пришла устраиваться на работу и как мой муж на собеседовании спросил, будет ли она заниматься с ним сексом... И подчеркнул, что зарплата в сто тысяч рублей очень привлекательная и желающих занять должность помощника руководителя – пруд пруди.

Давя в себе липкий ужас, я пошла дальше, изучила комментарии к ее сообщению, затем промотала все, что было на форуме по этой теме.

Нашлись еще две девушки, поделившиеся примерно таким же опытом.

Одна из них даже указала марку его новой, очень дорогой машины, которая всегда стоит при входе в здание (это было уже прошлогоднее сообщение), и возмущалась чванством, хамством и скотским обращением с подчиненными директора компании, то бишь моего мужа, ну и упомянула про сексуальные домогательства с его стороны... Эта девушка, как я поняла, прежде чем сбежать, отработала в компании месяц-другой.

Люба... Как может так случиться, что весь твой мир, пусть давно уже не слишком радостный, невыносимо сложный, состоящий, в основном, из одних обязанностей, но привычный и понятный, в один вечер исчезнет навсегда?!

Мальчишки давно уже спали...

Я допила бутылку и выкурила в окно полпачки сигарет.

А он даже не встрепенулся, почему меня полночи нет в постели... Да, отца в моей жизни толком не было, с Алексеем я прожила намного дольше, чем с отцом, но... У меня же умер родной отец!

С утра проснулась – голова чужая, ватная. Лежу и думаю: «Господи, только бы все это был один долгий, страшный сон... И сморщенное, безучастное лицо отца в гробу, и эти неизвестные девушки с форума...»

Но нет... Алексей уже проснулся, лежит рядом, читает новости в мобильном. И вдруг мне отчаянно захотелось к нему прижаться, зарыдать, умолять, чтобы он меня во всем разубедил, просто сказав, что это неправда. Присела на постели, смотрю, как поднимается, вбирая воздух, его обнаженная грудь, как залип на ней массивный золотой крест, как едва заметно хлопают его густые ресницы, и слышу будничное: «Доброе утро, любимая». Продолжая читать новостную ленту, он на меня даже не взглянул. Встала, каким-то не своим голосом стала задавать ему вопросы, он что-то отвечал, мы обсудили похороны, памятник, которой он готов оплатить, если это откажется сделать институт, решили, что не будем никого собирать на девять дней, и я остро почувствовала, что лукавый ловко скрывается в понятном, бытовом...

Все, сомнений больше не осталось.
Завтра еду.
Или на свою беду, или – чтобы получить шанс выжить.
Люб, я ведь давно чувствовала: что-то глобально не так...
Бездоказательно, беспредметно, но все же ощущала, как моя оболочка
с каждым годом истончается...
Всегда ли он был таким?
Нет.
Первые лет десять нашего брака точно не был.
Да и я тогда была другой.
Только теперь понимаю – почти счастливой.
Наверное, ты прежде всего подумаешь о моих детях.
Но детей он не обидит, никакого вреда причинить им не сможет.
Наверное, это то единственно хорошее, что в нем осталось...
Дома он и голос-то редко повышает... Хамелеон...
Господи, как же дорого берет с нас алчный дьявол за деньги и успех!
Я отдаю себе отчет, что все наше окружение, его сестры, друзья, меня
осудят, и по возвращении я останусь безо всякой поддержки. Но...
Меня больше не беспокоит, что подумают обо мне остальные.
А ты, Люба, прости, что, откровенничая с тобой, я все это время
пыталась соответствовать своему фото здесь, в сети. Томная, скучающая
жена успешного, почти идеального мужа. А оно видишь как вышло...
Ложь убийственна всегда. Исключений не бывает.
И ты своему не лги. Я чувствую, что у вас еще все можно спасти.
ОТРЕДАКТИРОВАНО.
УДАЛЕНО.
– Привет, Люба. У меня отец умер. Скоропостижно. Инсульт. Ты тоже
что-то не пишешь... Хотя я и так почти всегда пишу тебе первая. Как ты
там? Черкни хоть пару строк.

Вера и Люба

12 марта

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Ну вот, почти все... Смотри, какие чудесные виниры мы сделали на передние и на трешечки. И коронка просто замечательная. А цвет-то, цвет! Техник сказал, что изготовил его специально для тебя. Может, и врет, но все равно приятно. Марат у нас специалист наивысшей пробы. На Вальку мою все глазаеет. А ты, Валюш, не красней. Парень неженатый, хороший, присмотришь... Чего головой-то мотаешь? Замуж пора! Не хочешь? А... Кто в наше-то время замуж особо хочет... Рушится на глазах институт брака. Ну ничего, мы его возьмем и подопрем! Ладно, сейчас вот это наденем, а остальные зубки подгоним по цвету, есть у меня одна особая технология. Через пару часов будет тебе твой «Голливуд». Послезавтра, не забудь, у нас съемка для журнала. Как раз привыкнешь, все у тебя там устаканится и – вуаля! Любка теперь еще и лицо современной стоматологии! Что не радуешься?

– Я радуюсь.

– Люб, когда ты радуешься, ты готова прыгать до потолка и объять собой весь мир, а то я тебя не знаю. Опять, что ли, про этого муденя Вовку думаешь?

– Вер, я уже пару недель как с ним не встречаюсь. Совсем.

– А вот это правильно. Уж слишком ты для него сложная и шикарная, а совсем скоро еще лучше будешь. Потерпи. Ну все, давай-ка уже за дело.

Вера и Надя

13 марта

Москва. Улица Пивченкова

– Что же так сложно все? Зачем мне куда-то переходить по ссылке? Девушка, неужели нельзя по телефону принять заказ? Так я уже раза три сказала вам артикул! Дмитрий Павлович, мы точно этот смеситель берем? Девушка, триста два А, цвет «бронза». Го-о-с-с-с-поди... Ну хорошо, сейчас проверю. Подождите, почта грузится. Спам сплошной... Как же, настрой, чтобы не слали! А и не знаю – как. Это я не вам. Пришло ваше письмо, да, именно этот смеситель. Хорошо, завтра жду. Да, оплата при получении. А это еще что? Нет, девушка, это я не вам. Угу, всего доброго. Стой! Подожди-ка сообщение удалять, это вроде по делу, адрес знакомый... Твою ж дивизию! Что же она натворила-то?! Да Надька наша... Читай. Очки дать? Когда было отправлено, позавчера?

Люба и Надя

13 марта

Московская область. КП «Сосны»

– Привет. Слушай... я очень тебе сочувствую. Знаю, никакие слова сейчас не помогут. Мой отец давно умер, сразу после того, как я вышла замуж. Ему и пятидесяти не было. Вышел вечером из депо – и рухнул где-то во дворе. Удивляться нечему: он либо пил, либо вкалывал по две смены подряд. Я редко с ним общалась. Столько лет уже прошло, но, когда сейчас о нем вспоминаю, понимаю, что так и не узнала, что он был за человек. А мать... она либо плачет, либо, защищаясь, начинает, даже говоря о прошлом, нападать. Ее нет смысла спрашивать. Отцы – это да... Кем бы они ни были, мы, дочери, их безоговорочно любим. Отец – единственный мужчина в жизни женщины, которого она принимает целиком, и не умом, а сердцем, и которому все прощает. Ты держись. Постарайся на что-нибудь кардинально отвлечься. Понимаю, звучит банально, но жизнь продолжается...

Вера и Люба

14 марта

Москва. Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Люб, у меня родственница пропала. То есть как пропала – уехала в Аргентину. Тайком, только свою старшую дочь поставила в известность. Муж прямо рвет и мечет! Как бы еще не окочурился от стресса... Так что сегодня я после обеда сразу к ним. Перенесем съемку на послезавтра. Сможешь? Вот спасибо тебе, дорогая!

Вера и Надя

...

Надя и Люба

14 марта

Буэнос-Айрес. Avenida de Mayo. Cafe Tortoni

– Привет) Пять часов до Мадрида, а потом еще двенадцать до Буэнос-Айреса. Место в экономе, да и самолет старый – ноги не вытянуть, будто в мешке летела. Потом багаж не на ту ленту выбросили, еще час чемодан искала. В зале прилета меня никто не встретил, хотя должны были... Телефон включила – а в нем только тридцать непринятых вызовов от мужа. Набираю Анхелю, своему преподу, который продал мне тур, – абонент не отвечает. Пишу ему на мессенджер – там тоже тишина. Вроде запаниковала сначала, но потом почему-то быстро отпустило. Даже наоборот – будто передо мной раскинулась какая-то неизвестная, широкая дорога. Нашла такси, доехала до отеля. Бронь моя (спасибо тебе за ссылку на сайт) была, все оказалось без обмана. Чемодан бросила – и пошла гулять по городу. Шла, дышала полной грудью, вбирая в себя все-все, что вокруг. Люба, сколько же здесь солнца! Я будто впервые его по-настоящему увидела. И люди счастливые, все улыбаются. А на центральной улице сейчас танцуют танго. Простые уличные танцоры, на асфальте шляпа для денег, но такие виртуозы, я от восхищения даже заплакала...

Перед самым отъездом кое-что тебе написала, но потом удалила. И правильно: вот прямо сейчас, в данную минуту, мне все это представляется не таким уж страшным и важным – столько здесь счастья вокруг! Я понимаю, что вскоре придет расплата, когда-то, когда я полностью осознаю и смерть отца, и все то, что связано у меня с моим мужем, мне будет нестерпимо больно... Но эти ближайшие две недели я хочу просто прожить.

Люба, во время время нашей с тобой переписки я, как обезвоженный, жадно глотающий капли воды, впитывала в себя каждое твое слово...

Чем бы ни закончилась для меня поездка – я благодарю небо за то, что оно свело меня с тобой.

Раньше я тебе об этом не говорила, но я почти всю свою жизнь представляла себе воображаемую подругу – красивую, ироничную, решительную, дерзкую.

Я подолгу разговаривала с ней по ночам и, может, удерживала равновесие лишь благодаря этой странной фантазии.

Она всегда была словно частью меня самой, той частью, которую

никто не видел, но которая существовала всегда.

И вот моя подруга обрела физическое тело – я встретила тебя)))

Разве это не чудо?

Сиюю сейчас за столиком в кафе, неторопливо пью кофе и курю, а вокруг цветут деревья, здесь же лето. И я будто вижу на другой стороне улицы тебя, в шелковом, летящем платье... Ты нежно улыбаешься и в знак одобрения показываешь мне кулачок.

Я, конечно, сразу поняла, что Анхель меня кинул. Пока багажа дожидалась, заметила еще несколько русских женщин, которые так же, как и я, кому-то отчаянно названивали.

Странно, но я на него почти не злюсь. Как ни крути, он дал мне реальный шанс, да и преподом был хорошим, я уже чуть ли не болтаю по-испански)

У портье я первым делом разузнала о школе танго. И от гостиницы недалеко, и по деньгам приемлемо, особенно по сравнению с нашими московскими ценами. Уже второй день хожу туда на занятия)))

А сегодня вечером впервые пойду на милонгу.

Пока еще просто поглазеть.

Представляю, как бы ты там зажгла!

О муже стараюсь не думать...

В том удаленном письме я тебе все подробно объяснила, но сейчас уже уверена в том, что тебе и не надо об этом знать.

Может, расскажу когда-нибудь потом, а может, вообще не стоит.

Я сейчас как безнадежный больной, который внезапно пошел на поправку.

И еще мне почему-то очень спокойно.

Люба, я тебя крепко целую)))

Сиюю вот, смотрю, и мне кажется, что все это – большой волшебный сон...

Вера и Люба

16 марта Москва.

Медицинский центр «Гармония».

Отделение стоматологии

– Так будет отлично. Здесь света больше. Знаю, что «обалдеть»! Ну... скажем так, мы Любе немного помогли заручиться такой улыбкой. А подробности – это уж извините, мы, дантисты, тоже храним клятву. Люба, давай-ка еще разок так улыбнись, я тоже снимаю на телефон, в конце концов, имею право.

– Покажи, что у тебя получилось... Зачем слать мне все подряд? Вер, можно я сама отберу удачные?

– Держи. Валь, приберись тут, пожалуйста.

– Йоу, много-то как нащелкала!

– Старалась. Есть удачные?

– Да... Слушай, а это кто?

– Это? Надя. Родственница моя, которая сбежала в Аргентину. Я еще, дура, денег ей дала.

– О как!.. Так ты к ней домой, что ли, ездила?

– Естественно. Ее муж – мой двоюродный брат.

– Ну-ка, увеличь!

– Красивая баба, да... Муж в такой истерике бьется, прямо не знаю, чем все закончится.

– А на фейсбуке можешь ее профиль открыть?

– Да не бываю я на этом вашем фейсбуке! Зарегистрировалась как-то, но почти не захожу, времени нет дурью маяться. Сейчас, погоди... На, смотри... А что за интерес-то у тебя к ней?

– Я ее знаю.

– Да ладно! Вот уж неожиданно... Откуда?

– Э... Не поверишь, она в меня осенью на вашей парковке въехала, я как раз от тебя вышла.

– Ну и?

– Ну и ничего. Больше не виделись, но периодически поддерживали связь в сети.

– Вот как... Зная закрытость Надьки... Подожди-ка... Так ты и есть та самая загадочная подруга?! Она мне чуть не с придыханием что-то такое рассказывала... Ох и сучка же ты, Любка! Какая все-таки дрянь! Ловко ты

ее за несколько месяцев обработала! Теперь мне все ясно...

– Что тебе ясно? Ну уехал человек в Аргентину, что здесь такого?! Сотни людей каждый день туда улетают.

– Для тебя, конечно, ничего. Но у нее совсем другая ситуация. А такие, как ты, – это прямо как вредоносные бактерии! Своими высосанными из пальца глубокомысленными откровениями, прозрениями, призывами к свободе вы вводите в заблуждение неокрепшие или сомневающиеся души. Что ж, молодец... Вскочила на коня – и шашкой направо-налево машешь. Ну и как, много лично для себя отвоевала? Своего мужика высосала, так теперь в чужую семью залезла. Ловко ты все обставляешь. Но что же у тебя самой-то все идет вразрез с твоей идеологией, а?! Надька – чистая душа... Лешка берег ее, как мог, закрывал от этого мира и от таких, как ты. А ты, вампириша, кровь ей свою испорченную подмешала, вот что ты сделала... Валь, ты здесь еще, что ли? Да иди уже, чаю попей!

– Иди ты на хер... Ты сама хоть что-то для нее сделала, чтобы реально помочь? Ты с ней встречалась, была с ней рядом – и что? Не чувствовала, что человек на грани? Денег дала и не спросила, на что? И чего она такого сделала-то? Воплотила в жизнь мечту. Она – герой. Большинство, то есть такие, блядь, как ты с твоим братцем, узколобые и ограниченные, дальше своего мирка ничего не видящие, ее не поймут. А я понимаю.

– Да помолчи ты...

– А напоследок скажу, дорогая родственница: я никогда еще не встречала более одинокого человека, чем Надя.

Апрель 2018 года

- Продолжается снос «хрущевок» в Москве.
- В Крыму отмечено повышение рождаемости.
- Терракт в Петербургском метрополитене. 16 человек погибли на месте, 108 раненых.
 - В палате больницы на западе Москвы зарезан пациент.
 - В Луганске подорвались на mine несколько гражданских.
 - В одной из частных клиник Москвы пациентка умерла во время пластической операции.
 - В России число жалоб на домашнее насилие возросло после принятия закона о декриминализации побоев.
 - Основатель Facebook Марк Цукерберг дает показания в американском Сенате в связи с утечкой информации о пользователях его соцсети.
 - Власти США ввели новые санкции против ряда физических лиц и компаний России.
 - Вручение Нобелевской премии по литературе отложили из-за очередного секс-скандала.
 - Среднемесячная температура в Москве +7,3 С°.

Люба и Надя

8 апреля

Москва. Улица Песчаная

– Ты уже на третье мое письмо не отвечаешь...

Читаешь хоть? Как проходят групповые занятия? С кем занимаешься индивидуально? Если сможешь прислать видос – буду писать от радости кипятком)

На форуме прочла, что где-то на окраине города есть так называемая «милонга стариков», а перед ее началом хозяева кафе, муж с женой, проводят занятия. Пишут, что старики настолько круты, что даже выгнать могут, если кто-то из молодняка начинает выпендриваться.

А я вот осталась без танго(

Но знаю, раз оно в меня вошло, то теперь уже никуда не денется, просто сейчас мне необходимо отдышаться и навести порядок в других делах.

Получилось так, что и мой препод вдруг резко дал винта(

Я еще, дура, ему за два месяца вперед уроки оплатила (так дешевле выходит)... Он поначалу весь первый месяц писал, что ногу сломал, а теперь, сукодей, вообще не отдупляется...

Ох уж эти латиносы)))

Ты там с ними поаккуратней (я чисто про бабки), а то они, смотрю, прямо как цыгане)

Дунул-плюнул – а ты сидишь вся такая умная и думаешь: а че это было?!

Но все равно я тебе очень-очень завидую)))

Уж не знаю, доберусь ли когда-нибудь до БА: все бы ничего, да лететь хер знает сколько.

И если уж впрягаться, то действительно месяцок бы там пожить, чтобы хоть что-то про все это понять.

Ладно, це-це.

Очень жду подробного письма.

Видос!!!

Вера и Люба

9 апреля

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Больше чем на девяносто дней она по закону не может там оставаться.

– Да после такого разрыва шаблона от нее все что угодно можно ожидать! Как-то попалась мне на тангерском форуме такая история: один парень поехал в БА к знаменитому, еще той, старой школы, маэстро. Два года жил у маэстро в рабстве: убирал, стирал, за пивом бегал, хату после стариковских тусовок пидорасил. И все ради танго! Но зато, пишут, этот дед очень много ему дал.

– Люб, одно дело какой-то придурок молодой, а другое – наша замужняя женщина, мать троих детей.

– Че, муж-то как?

– Как... Бороду отращивает.

– В смысле? У него крышу все еще рвет?

– Сложно сказать... Чисто внешне вроде уже нет. Но он такой человек, все в себе переживает. Может, и в самом деле к Богу хочет прийти... А чего к нему приходиться? Он либо есть в душе, либо нет.

– Да уж... Сейчас даже религия все больше на коммерческой основе. Мужик он, судя по всему, далеко небедный, как бы кто не воспользовался его состоянием, чтобы на бабки развести.

– А ты не путай веру и внешнюю атрибутику! Сколько поклонов ни бей, сколько храмов ни строй, если в душе ничего не меняется, это становится такой же зависимостью, как все остальные психологические примочки. Но я очень надеюсь, что теперь уж он правда ищет, а может, и найдет.

– И что же он ищет?

– А что мы все, когда нам очень больно, начинаем искать? Прощения, прежде всего самого себя... Принятия себя собой же. Через это и приходит в душу истинный свет.

– М-да... Перец этот ваш, чувствуется, тот еще тяжеляк.

– Да ладно тебе... Ты черта с рогами из него не делай. Жизнь у него такая. Большие деньги и большая ответственность – нектар для гордыни. И все мы этим нектаром в большей или меньшей степени упиваемся... Так вот и смотрим на другого – не видя, а слушая – не слышим. Только собственные переживания во главе угла ставим. Сейчас еще и мода такая: типа, человек никому ничем не обязан... А ответственность перед ближним в лучшем случае в дензнаках измеряем. Рухнет все скоро к чертовой матери, если все пойдут по этому пути. Ну что, разве не так?

– Угу... Не хватает ее, да?

– Очень... Вот за этим столиком мы с ней всегда и сидели. Девушка, два лавандовых рафа, пожалуйста.

Вера и Надя

9 апреля

Москва. Улица Пивченкова

– Привет. Решила написать сюда, надеюсь, ты почту хоть иногда просматриваешь. Эсэмэской долго набивать, а мессенджеры эти ваши, будь они неладны – та же эсэмэска, на которую еще можно на кой-то ляд позвонить.

Позавчера Ромка вернулся. Худющий такой, одни глазищи остались.

И пахнет совсем по-другому.

Хорошо, я заранее знала, когда его ждать, была возможность подготовиться.

Настроилась так, чтобы держать себя в руках, да и Дмитрий Павлович, конечно, меня в правильном русле все это время поддерживал.

Расцеловались, Ромка рюкзак скинул и первым делом пошел в душ, минут сорок, наверное, плескался.

Я завтрак бросилась собирать, блинчиков напекла с шоколадом, как он в детстве любил.

Кофе убежал, половина блинчиков пригорела, так у меня руки тряслись.

А вышел уже будто совсем домашний, побрился, щеки сразу порозовели, сел напротив меня и улыбается. Взгляд у него такой стал, будто сама душа его на меня смотрит. Чистая, Надя, аж до кома в горле прекрасная! Такой вот у меня сын вырос.

Поговорили немного и о войне.

Ну, у меня-то свое всегда было мнение насчет этой ситуации. Я против насилия и диктатуры. Но здесь, как и в любой войне, не может быть однозначно правых и виноватых. Может, я в самом деле как шестилетний ребенок рассуждаю, но дети часто мудры в своей неискушенности. Вот собрали бы в каждом городе и селе всех на центральной площади, и пусть бы люди сами определили, с кем каждая конкретная семья готова остаться, решили бы все по-хорошему, тогда и воевать бы не пришлось. А... Что Дмитрий Павлович, что Ромка, они, когда я это говорю, только усмеваются. Будто я сама не понимаю, что за всем этим стоят чьи-то непомерные амбиции и финансовые интересы. Но люди-то ни в чем не виноваты! Они, как и мы, жить хотят, детей растить и прикус им исправлять, а не лечить рваные раны и хоронить близких.

Про Дмитрия Павловича сказала сразу как есть, какой теперь смысл что-то скрывать?

Ромка, на удивление, обрадовался, даже как будто успокоился.

«Давай, – говорит, – куда-нибудь завтра все вместе сходим. Я, – говорит, – по Москве очень соскучился».

Отсыпался всю субботу, а к вечеру начал свой стол письменный разбирать. С девкой той он еще до отъезда расстался, мне сказал, что остались хорошими друзьями. Она до конца года дожила в квартире, которую они снимали, и к маме обратно переехала. Такие дела. Мы до двух ночи чай пили, «Осенний марафон» по телевизору шел, и Ромка, оказывается, в первый раз этот фильм увидел и увлекся, мол, мам, помолчи, дай досмотреть.

А в воскресенье, на Пасху, ходили в «Парк Горького».

Чистый, нарядный парк, и все, что там устроено по-новому, сделано с умом: куча вагончиков с едой, кафешки разные, везде какие-то конкурсы и мастер-классы, девчонки с розово-сиреневыми волосами под музыку пляшут, и рядом бомж извивается, чудной такой, но пластичный, забавно... Для всех там местечко нашлось – весна!

А мы даже на велосипедах покатались.

Потом добрались до ресторанчика кавказской кухни, на солнышке уже тепло, и мы рискнули сесть на улице, Ромка-то теперь курит в открытую... Ох!

Красивый мужик получился, девки на него так и пялились.

С Дмитрием Павловичем они сошлись, будто всю жизнь знакомы. Беседовали, о чем-то спорили, но без напряжения.

Цыганенок чумазый цветы в корзинке разносил-продавал, и мужики купили мне большой букет роз.

Сижу, слезы сами из глаз катятся, солнышко апрельское греет...

Люди вокруг довольные, некоторые смельчаки прямо в одних свитерочках – весна!

На коленях букет, на столе чайничек белый и три чашки, Дмитрий Павлович какие-то свои сигарки достал, сам закурил, угостил Ромку.

Смотрела и понимала, что все это останется в моей памяти навсегда, старалась глубоко-глубоко вобрать все это в себя, вдыхая полной грудью.

Мы ведь вспоминать у той, последней черты, будем один какой-то день, несколько самых лучших минут этого дня...

Вся наша жизнь – один день, одна встреча.

Я и раньше это знала, да думала, что у меня-то никакой новой жизни точно уже не будет. А так думать нельзя, такие мысли прерывают

движение.

Но ты должна это понимать лучше всех теперь, когда находишься там, в самом сердце танго.

Уф... С институтских времен столько не писала. Про жизнь – это тебе не рецепт выписывать.

С Кристинкой, сама знаешь, связь поддерживаю регулярно. Мальчишки вроде успокоились, ждут, когда врачи отпустят маму с лечебных вод. Дочь твоя ловкая выросла девка, внимательная и понятливая.

Ну а Алексей...

Тут в двух словах не скажешь...

Я лучше в следующем письме свои мысли на этот счет изложу, больно много их накопилось.

Уляжется у меня все хоть немного...

Ответь поскорее, Надя, просто напиши, как ты там, я очень жду. Если нужны деньги – готова скинуть на карточку или еще как перевести.

P.S. Тебе огромный привет от Ромки.

Все, побежала своих мужиков кормить.

Люба и Надя

11 апреля

Москва. Улица Песчаная

– Рада, что ты так продвинулась)))

Расскажи мне о танго, ок?

Пиши все, что взбредет в голову, любые мысли, любые ощущения.

Мне мой препод как-то сказал: «Танго – это не ЧТО, а КАК».

А у меня вот что...

Незадолго до твоего отъезда я решила расстаться с мужем.

Случилась одна история, но мозги тебе трахать не буду, тем более, как я теперь понимаю, дело было как раз не в ней...

Ох... Чувствую, ща понесет)

Отношения – это некая болтающаяся между небом и землей капсула, которую двое отчаянно пытаются приземлить, чтобы обрести устойчивость, и одновременно эти двое по микронам выверяют свой общий центр, позволяющий сохранять внутри капсулы баланс. И в этой работе каждый использует свои подручные инструменты.

Мне помогло танго.

Оно, во-первых, разрушило мои иллюзии: я наивно полагала, что что-то обретаю в лице чужого партнера, а на самом деле давно уже теряла своего.

Во-вторых, танго научило целиком принимать другого человека, здесь и сейчас, без рефлексии, фрустрации и проекций.

Конечно, в наше демократичное время можно танцевать и соло, никто особо не осудит – напротив, поддержат и поймут, но... в самой природе человека заложена такая странность: он не хочет жить для себя. НЕ ХОЧЕТ!

Ну, летают в атмосфере хлипкие капсулки на одного пассажира, и однажды их снесет ураганом, а они даже не поймут, зачем все это было.

Бинго! Общий центр – самое главное во всей этой истории.

Отдать для равновесия чуть больше заботы, тепла, любви, понимания.

Отдать для того, чтобы твоя собственная опора стала сильнее.

Теперь ты тоже должна это чувствовать и понимать.

Но вообще – решай сама, твое это все было или нет.

Надь, может, ты уже знаешь о том, что мы нашлись с «майоршей»)

Только теперь бери выше, она уже «подполковничиха»)))

Эй, тангерша, мы тебя здесь очень ждем)

Вера и Люба

11 апреля

Садовое кольцо

- Давай-ка еще раз вот так улыбнись!
- Вер...
- Слушай, когда напишешь свою лучшую статью, ты тоже захочешь ее сто раз перечитать.
- Не до статей мне сейчас. Хочу вообще удалиться из фейсбука... Блин! Пора мне уже гонорар за фотки требовать. В самом деле круто получилось, согласна...
- Мне, кстати, забавная мысль пришла в голову. Сколько лет в стоматологии, но только глядячи на тебя так четко это осознала. Практически все, что у тебя есть, может согдиться и другому: квартира, машина, одежда и украшения, твой муж и твой сын, даже твои печень, сердце и почки. А зубы – нет! Сколько было вложено нашего общего труда, а кому они, кроме тебя, нужны? Никому. Зубы, как и душа, уникальны. Мы недооцениваем их значимость. Беречь их надо смолоду, так же, как свою неповторимость.
- О как... Верк, если бы не позитив, который из тебя так и прет, я бы подумала, что ты, мать, рехнулась. Я прямо с ужасом представила себе огромный гвоздодер и лоха, который одной темной ночью у меня все зубы вырвал, а потом примерил и обломался.
- А-ха-ха! Это называется... ха-ха-ха... элеватор, дурында!
- Чего-то мне не смешно. Давай-ка мы лучше селфи сделаем и Надьке отправим.

Вера и Надя

11 апреля

Москва. Улица Пивченкова

– Привет. Как и обещала, изложу свои мысли насчет Алексея. Давай сразу договоримся: я ни на чьей стороне, так что, прошу, не воспринимай предвзято.

Я уверена, что Алексей, живя с тобой, даже не предполагал всей интенсивности твоих истинных переживаний. Так уж мы устроены, что хорошо видим только вдаль. Чужих жалеем, а свои и так никуда не денутся.

Надь, за этот месяц он очень изменился...

Не то чтобы стал принципиально другим человеком, а... будто верхнюю пуговицу у сорочки расстегнул.

Даже Ромка мой удивлен его нынешним душевным состоянием. Они на днях встречались... Не переживай, Ромка вообще не в курсе, что там у вас стряслось.

Мужчины многого сказать просто не могут, то ли слов у них нет, то ли наоборот: все-то они знают и жадничают делиться словами всякий раз, когда, по их мнению, и без этого можно обойтись. Вообще черт их, мужиков этих, разберет...

Давай-ка расскажу все по порядку.

В первые дни после твоего отъезда Алексей молнии метал – даже спецслужбы хотел подключить к твоей поимке, но нам с Кристиной все-таки удалось его охладить: девушка ты взрослая, закон не нарушила и имеешь право перемещаться, куда захочешь.

Потом вдруг решил все бросить, оставить на нас с Кристинкой мальчишек и лететь за тобой в Аргентину.

Ох, Надька, не ту я профессию выбрала, погиб во мне хороший психолог... Хотя, надо признаться, без Дмитрия Павловича не обошлось, мы с ним долго всю эту ситуацию раскладывали, и он дал мне несколько ключиков, как именно убедить Алексея, чтобы он в своем гневе не наломал еще больше дров.

Алексей человек рациональный, моим аргументам он внял. Еще с неделю мы с ним перезванивались-переписывались, и как-то вечером он вдруг попросил меня заехать.

Мальчишки уже спали, мы прошли на кухню.

Гляжу: передо мною живой труп с воспаленными от отчаянья и

бессилия глазами.

А я еще по телефону поняла: что-то важное и очень для него болезненное хочет сообщить.

В тот вечер он комп твой изучил, а конкретно – историю поиска.

Про авиабилеты и бронь в гостинице ты догадалась удалить, а вот последние открытые страницы там так и болтались.

Одним словом, и я теперь в курсе...

Проговорили полночи, коньяк дорогуший глушили под разговор. Дмитрий Павлович в машине весь извелся. Сам виноват: уехать не захотел, когда смекнул, что дело деликатное, разговор на полуслове не оборвешь.

Не знаю, как слова-то подобрать, чтобы ты услышала меня и совсем от нас не закрылась...

Собственный горький опыт заставил меня на многое посмотреть другими глазами.

Не может быть только один из двоих виноват, понимаешь?

Не спал он с этими девками на работе, а если что-то было когда-то и где-то, то поверь – я это хорошо уловила: не в радость ему все было, а в муку мученическую.

Ох, прорвало его в тот вечер...

Я и не знала, что он может быть таким искренним, таким уязвимым.

Рассказал, как после рождения Сашки ты еще отвечала ему теплом и нежностью, как изредка, но все же кокетничала, соблазняла.

Но после того, как ты Гришку родила, он начал ощущать, что совсем не нужен тебе как мужчина.

«Казалось, – говорил, – она даже рада была, когда мальчишки заболели, чтобы был повод в детской ночевать, а не в нашей постели».

В карьере он стремительно шел вверх, проблем с каждым днем все прибавлялось, и нервы истончались до предела.

«Домой, – рассказывал, – приходил, и так мне подчас хотелось, чтобы Надя меня приласкала, пожалела. А потом уже привык к тому, что она всегда чем-то расстроена и думает о чем угодно, но только не обо мне».

Захлопнулся он, замкнулся в себе, чтобы тебе свои растерянность и слабость не показывать.

Мужики по отношению к любви и сексу мыслят, как шестнадцатилетние: и то и другое означает для них безусловное принятие, подчеркивает их значимость, а для тех, у кого амбиции зашкаливают, кто многого во всем остальном добился, неполноценность в этих вопросах становится отчаянно болезненной.

Я увидела перед собой в тот вечер не успешного и высокомерного

братца, который меня обычно даже и раздражал, а смертельно уставшего, несчастного мужика.

Нет, он себя не оправдывал...

То, что ты об этой гадости узнала, для него теперь не менее страшно, чем для тебя.

Поверь, мужики, они не меньше нашего способны чувствовать боль.

Может, все-таки стоит дать ему шанс?

Что-то вспомнилось, как я тебя впервые увидела у нашего деда Максима. Даже фото, не поленилась, нашла.

Тоже дело было на Пасху.

Какие же вы тогда счастливые за столом сидели, аж светились оба, жались весь вечер друг к дружке, ты ему на ушко ворковала, а он так и млел...

Все поправимо, Надя.

«Никакой другой женщины в моей жизни не было и не будет, – так он мне сказал. – Даже если она ко мне не вернется».

Дорогая моя девочка, добро и зло относительны, это неделимые части единого целого под названием «жизнь». А правда у каждого из нас своя.

Ты в своем идеализме всегда была, как ребенок, вот он и пытался, как мог, от грязи всякой тебя уберечь.

Сейчас он уже готов принять любое положение вещей, лишь бы ты была где-то рядом, лишь бы мальчишки имели возможность снова быть вместе с любимой мамой.

Так или иначе, мяч теперь на твоей части поля.

Я вот что подумала: ты ведь можешь в квартире Дмитрия Павловича пока пожить, мы официально еще не съехались, но по факту он почти все время проводит у меня. Видишь, зареклась я когда-то, а как все неожиданно вышло...

И ты сейчас не зарекайся.

Это я к тому, чтобы ты непоправимой ошибки сгоряча не сделала.

Подумай над тем, что я сейчас написала.

Я решила не лгать и не сглаживать, написала, как есть.

А по части танго я тебя очень понимаю.

Если помнишь, я и сама этим делом увлеклась.

Мы с Дмитрием Павловичем теперь тоже в вашей шайке, хотя это, конечно, громко сказано: выучили на занятиях несколько простых фигур и пару раз в неделю пытаемся практиковать на милонгах.

Да, это действительно волшебство!

Необычайно красивая ретро-музыка, близость, желание каждый раз

создавать нечто новое, возможность слушать себя и партнера.

И где еще можно все это за триста входных получить?

В нашем во многом искусственном мире люди отчаянно пытаются найти хоть что-то настоящее, живое.

И как же аргентосы так точно это когда-то уловили да еще и пронесли через столетие!

Партнер не успел подумать, а я уже не умом, но чем-то глубинным, безусловным подхватила и продолжила его естественное движение.

Уф... рука затекла.

Надеюсь вскоре тебя увидеть.

Вон какое имя ты носишь – Надежда.

P.S. Еще Лешка сказал: «Я и не знал, что она мечтает о танго. Надя уже много лет ни о чем меня не просила, не выражала никаких желаний. Если бы она только намекнула, я бы лучших учителей нашел, ревности бы своей на горло наступил – лишь бы она снова чему-то радовалась». Правда, странно? Я-то думала, он скажет, мол: я бы в пару с ней встал... Далеко же вы друг от друга отдрейфовали, когда ваша льдина трещину дала... Можно ли что-то вернуть и хватит ли сил? Кто же знает...

Привет тебе от Ромки и Дмитрия Павловича.

Надя и Люба

13 апреля

Буэнос-Айрес. *Bulnes*

– Hola, mi hermosa)

Не поверишь, у меня здесь такая насыщенная жизнь, что элементарно нет времени на то, чтобы сесть и написать подробное письмо.

Но я о тебе думаю)

Занимаюсь, как уже писала, в школе Ньевес Берон.

Прогугли не только ее выступления, но и интервью, в них она как раз говорит именно то, что и я теперь думаю о танго)

А детали...

Это очень крутая тетка!

В ее прошлом – балет, лет двадцать назад она пришла в танго, набралась опыта, постепенно разработала собственную методику обучения, рассчитанную на обычных людей, без хореографической и спортивной подготовки. Много там заимствовано от йоги, учтена физиология женского и мужского тела, а еще в методике большое значение уделяется психологии и поиску той самой «золотой середины».

Одним словом, когда я попала в эту школу, мои прежние представления о танго были разрушены на корню)))

Первым делом с меня сняли нарядные, из дорогого магазина, туфельки с каблучками, купленные в экстазе в первый же вечер.

Ты сама прекрасно знаешь, что новичку и босиком-то сложно понять, где у него баланс, а тут еще каблуки.

Теперь я практикую в специальных ботинках на маленьких устойчивых каблучках, может, не слишком нарядно, зато очень удобно.

Первые несколько занятий я просто стояла и... училась дышать! Оказывается, мы, русские женщины, и дышать-то нормально не умеем)

Потом перешли к балансу, к несложным шагам.

Когда контролируешь дыхание, получается договориться со своим телом, и даже самые простые движения ощущаются по-другому, а ноги и корпус сами подстраиваются под ведение и под музыку.

Партнеров у меня сейчас много.

Это либо преподаватели, либо такие же, как и я, студенты.

Я решила не заикливаться на ком-то одном, учусь принимать разную энергию и таким образом накапливаю собственный опыт.

Мне очень повезло, что я попала именно в эту школу.

По истечении месяца мы добились невероятного – я действительно уже вполне прилично танцую.

Про хорошую технику и скорость говорить пока рано, для этого, как я прекрасно понимаю, потребуются годы работы, но меня это только радует, ведь столько всего впереди!

Да уж... Попав в танго, из него не уходят, только если оно само вдруг не уйдет от тебя.

Но не будем о грустном.

Отсутствие привычной стабильности заставило меня тщательно распланировать оставшиеся деньги. Когда я поняла, что задержусь здесь дольше, чем изначально планировала, я попросила Ньевес дать мне любую работу в школе.

Без лишних расспросов она вошла в мое положение.

Я работаю официанткой в небольшой, прямо при школе, столовой.

За это меня бесплатно кормят обедом, а когда задерживаюсь допоздна, еще и ужином.

Помимо этого, я бесплатно получаю групповые и один индивидуальный урок в день.

Чудо, а не люди)

Сколько же в них солнца и вместе с тем доброй простоты!

Передо мной лежит тетрадка с машинкой на обложке, в ней записи моих московских уроков испанского. Она все еще дома пахнет... Первое время тетрадь меня очень выручала.

Листаю странички и будто переносусь в то недавнее время, где я отчаянно надеялась на то, что в моей жизни вот-вот произойдет что-то очень для меня значимое.

Анхеля я простила.

Все же как препод он крут, сумел меня научить почти всему, что потребовалось для первичной коммуникации. А здесь уже само пошло – болтаю вполне сносно, по крайней мере меня понимают, а если не понимаю я – не стесняюсь попросить, чтобы объяснили по-английски – или (поскольку в английском всегда была слаба, а некоторые аргентинцы его вообще не знают) жестами.

То, что осталось от моей личности, трачу на дополнительные индивидуальные уроки, почти ежедневные посещения милонг и оплату жилья. По приезде в БА, в отеле я прожила всего неделю и, благодаря участию Ньевес, переехала в недорогую квартирку рядом с нашей школой.

Моя дочь Кристина организовала мне ежевечерние, ровно в девять по

местному времени, беседы по скайпу с моими мальчишками.

Они всегда ждут моего звонка.

А уж я как жду возможности их видеть и слышать!

И уже скоро-скоро надеюсь их обнять)))

А по поводу того, что ты мне написала про своего мужа...

Не спеши. Именно тебе, чувствую, спешить в этом нельзя.

Все. Це-це, побежала в душ.

Сегодня у Ньювеса день рождения, большой компанией танцоров идем на лучшую милонгу города)

Постараюсь заснять видос)))

Вера и Люба

16 апреля

Москва. Садовое кольцо. Кафе «Зазеркалье»

– Своим поступком Надька и меня кое-чему научила. Например, форма, которую она выбрала для коммуникации. Нет, я понимаю, что обзванивать всех ближних оттуда дорого, но есть же скайп, есть эти ваши мессенджеры. Осознанно или подсознательно, но она делает это неспроста: чистый лист лишнего не терпит да и эмоции держит в узде.

Но главное – и ты, Люба, к счастью или к сожалению, права – несмотря ни на что она дерзнула воплотить в жизнь мечту.

Обычно мечты остаются мечтами, и мы, такие рассудительные и сытые, не смеем рискнуть даже в мелочах, разве что иногда получая возможность посмаковать чужой яркий поступок. Мы пытаемся разложить его на составляющие, притягиваем психологию, детские травмы, выискиваем анамнезы ближайших родственников...

Мы – проигравшие. А тот, кого мы охотно осуждаем, не думал про это все, а просто сделал, что хотел.

– Угу... Я вчера тоже сделала, что хотела.

Правда, мотив у меня был иной. Не могла больше с этим грузом жить, каждый день приносить в свой дом блудняк.

– Ты же говорила, что с Вовкой завязала давно.

– Так и есть. Верк, ты же взрослая баба, понимаешь, что чем содержательней и опытней мы, женщины, становимся, тем сложнее просто встать и отряхнуться, будто ничего не было.

Каждый мужчина, входящий в наше биополе, даже если история с ним не проиграна до конца, оставляет в нас отпечаток, и не всегда такой, какому там место.

Я думала так: буду хоть тебе выговариваться – поможет. Не помогло...

Мне тоже Надька глаза открыла.

Я была с ней предельно откровенна, а эту часть жизни от нее скрывала, понимала: на фоне ее чудом сохранившейся чистоты то, что делаю я, – гадость и подлость.

Позавчера прихожу домой... Мы же снова в город вернулись, как выяснилось, не дотягиваем пока материально до прелестей загородной жизни, один бензин сколько жрет! На кухне Юрка, сын – заехал нас проведать. Дождлся меня, чмокнул, о чем-то наскоро поболтали, и он,

извинившись, собрался уходить. Пользуясь случаем, что он на районе, друзья его школьные должны были к подъезду подойти, чтобы вместе где-нибудь потусоваться.

Вышла на балкон, смотрю – стоят пацаны знакомые, и с ними парочка девчонок.

Кровь молодая бурлит, даже со второго этажа было видно, как глаза у них блестят, когда они обнимаются, вопят, друг друга перебивают.

Я-то в их возрасте уже с Кириллом всю жизнь жила...

Такая же была угловатая, неопытная, бесхитростная.

Надька меня как-то спросила: куда же исчезли все эти мальчики и девочки, в какой момент мы перестали ими быть и утопили себя в проблемах?

Да никуда они не исчезли, стояли в апрельских сумерках и гоготали у нашего подъезда...

Ладно. Пойду, думаю, плащ накину, похолодало. Даже не подглядывать за ними собиралась, а... вот очень захотелось еще немного на балконе постоять, будто тянула все с чем-то до последнего.

Из шкафа в прихожей какой-то плащик ветхий выдернула, на балкон вернулась, руку в карман засунула – а там брелок. Отстойный такой, дешевенький, сердечко пластиковое прозрачное, а внутри – наша с Кирюхой фотка. Лет десять этому брелоку. После очередного загула на работе потащил он нас с Юркой, по уши виноватый, по Москве гулять. Где-то на ВДНХ брелок для нас и сделали за три копейки. Я не раз вспоминала об этом брелоке, даже как-то искала, но не нашла, и была уверена, что он давно потерялся.

Достала его и вспомнила, какими мы были десять лет назад, потом – двадцать, а потом уж вся пленка назад бешено размоталась.

Вспомнилось, как Кирюха без приглашения приперся на первую встречу моего выпускного класса, как ворвался, безумно красивый, слегка бухой, в наше невинное застолье и как горячо ревновал меня к тем дурацким беспонтовым мальчишкам-одноклассникам.

Смотрю – сигареты его на подоконнике лежат. Взяла, закурила, тут же закашлялась: я по-серьезному никогда – так, в юности баловалась на тусовках за компашку.

Ребята ушли – я на кухню.

Мой сидит, башка уже почти вся седая, ссутулился, будто чувствует: сейчас что-то выдам.

Сколько себя помню, все вокруг последовательно и цинично уничтожало мою женственность. Мать, школа, отец, соседки, искаженное

представление общества о месте женщины в жизни.

Все, кроме одного – чувства ко мне Кирилла.

Но поняла я это, дура, только ценой всех моих разбитых иллюзий.

А он сидит, в мобильник уставился, сам весь будто в группировке, ждет.

«Почему, – говорю, – ты мои статьи на фейсбуке не читаешь?»

«Читаю», – отвечает.

«Тогда почему не лайкаешь?»

«Да не хочу я лайкать твою дурость. Написала бы что-нибудь честное и небанальное – лайкнул бы. Разве я учил тебя писать подделки?»

Голос вроде ровный, а чашка под пальцами по столу дробь отстукивает.

И чувствую – тлеет, все еще тлеет наш уголек!

Ну все, думаю, пан или пропал, раздую сейчас костер, и пусть тяжесть эта чертова, что вздохнуть обоим мешает, сгорит вся дотла.

«Я тебе изменила», – говорю.

«Знаю», – отвечает.

Чашка не выдержала и набок завалилась, ручеек ржавый по столу потек.

«Ты мне тоже изменял, совершенно точно с Анькой из редакции, а еще, возможно, с Тамаркой-парикмахершей из салона красоты, рядом с которым мы на Докукина жили».

Молчит. Взял салфетку, стол вытирает.

И я вдруг посмотрела на нас как бы со стороны, будто мимо всех этих сказанных дерьмовых слов, и вижу, что на лице его застыла какая-то безусловность, что ли...

Перед глазами проплыл Вовка с его дурацкими рыжими бровями и ощущение ненапряжности, что меня когда-то в нем подкупало. Как на даче у общих друзей были, с каким задором он на гитаре играл, пока Кирилл тихо напивался и депрессовал из-за неудач на работе. Ох, блядь, Вовочка-Вовка... Он способен лишь на пьяный надрыв, на удовлетворение давно сдерживаемой похоти, но не на глубокое чувство. Конечно, все это по отношению ко мне, есть ведь и у него безусловная женщина. У каждого мужика она есть...

«Люб, – вдруг заговорил Кирилл, – заканчивай ты всю эту хрень в себе толочь, если сама с собой не справляешься, сходи на исповедь. Я тебе одно скажу: не было у тебя никогда никого, кроме меня, и у меня, кроме тебя, тоже не было».

Самое верное объяснение всегда самое простое.

Вер... Как ни дико звучит, но именно в эти минуты я вдруг ощутила абсолютный баланс!

С Кирюхой, со всей вселенной...

Заплакала я, Верк, так заплакала, как только в детстве плачут – навзрыд, всей душою.

Я, ослица, его притихшую силу принимала за слабость.

Потому что мне так было удобней.

И вся наша жизнь вдруг снова промелькнула перед глазами, я увидела не только свою раздутую обиду, я увидела нас вместе, увидела его переживания...

Только он, единственный, способен был сносить мою жадность, стервозность и переменчивость. Не просто сносить, а принять и полюбить...

Знаешь, как бы мы оба ни косячили, он ни разу на полном серьезе не предложил мне развода.

Ни ра-зу!

Сама мысль о возможности какой-то иной, где нет меня, жизни, была для него неприемлема.

Да и для меня, если честно, тоже...

Вот такая у нас херня...

– Счастье это твое, а не херня. Держи платок. Держи сама, чай уже не в кресле у меня сидишь, чтобы я тебе слюни подтирала. С тех пор как Надежда уехала, я платки стала в сумке носить.

– Че думаешь, скоро она вернется?

– Молю Бога.

– Я всегда была уверена, что это я – человек будущего, а оказалось, прошлое для меня важнее. Оттуда и будем с Кирюхой силу черпать.

– А я тогда кто?

– Ты? Человек настоящего. Каждому дана своя опора, все же относительно, даже, мать его, время.

– Ой, да не усложняй ты все своим экзистенциализмом! Гораздо проще сказать: тебе жизненно необходимо, чтобы тебя любили, а Надька сама любить хочет, хочет понять, что это такое, когда без ошейника. Дай-то Бог, чтобы это снова был Алексей.

– Сомневаюсь... А ты чего хочешь?

– Хм... Элементарного. Чтобы порядок был во всем.

Эпилог

Москва. Отдел внутренних дел по району «Арбат»

– Милейшая гражданка Борисова, могу я задать вам напоследок один личный вопрос?

– Валяйте. Обожаю личные вопросы.

– Почему именно танго? Нет, я, конечно, слышал, что это интеллектуальный танец, но, согласитесь, достаточно странно взрослым людям за свои же деньги в свободное от работы время получать дополнительную умственную нагрузку... Вот сестра моя на сальсу подсела, тоже ведь социальный танец.

– Сальса – крутяк! Позитив, веселуха, а танго совсем про другое. Это философия, это отдельный мир.

– Мне и хотелось узнать, что конкретно вас к нему привело. Если, конечно, я своим вопросом не задеваю что-то личное.

– Ох... Дай подумать, гражданин начальник. Танго – это признание. Это не про то, чем мы живем, а как мы с этим живем. Интеллект в нем можно рассматривать с той точки зрения, что это танец для честных по отношению к себе людей, то бишь – сильных людей. Сложно остаться без маски. А у нас, особенно у женщин, маска, и даже не одна.

– Если я правильно вас понял, сказанное распространяется и на реальную, вне танца, жизнь?

– Наконец-то доперло! Да. Танго – тяжелое испытание и для того, кто на него подсел, и для ближнего. Танго учит главному: слышать себя и свои желания. Согласитесь, большинство, всю дорогу прикрываясь разными отмазками, боятся об этом задуматься всерьез.

– Не буди лиха, пока оно тихо?

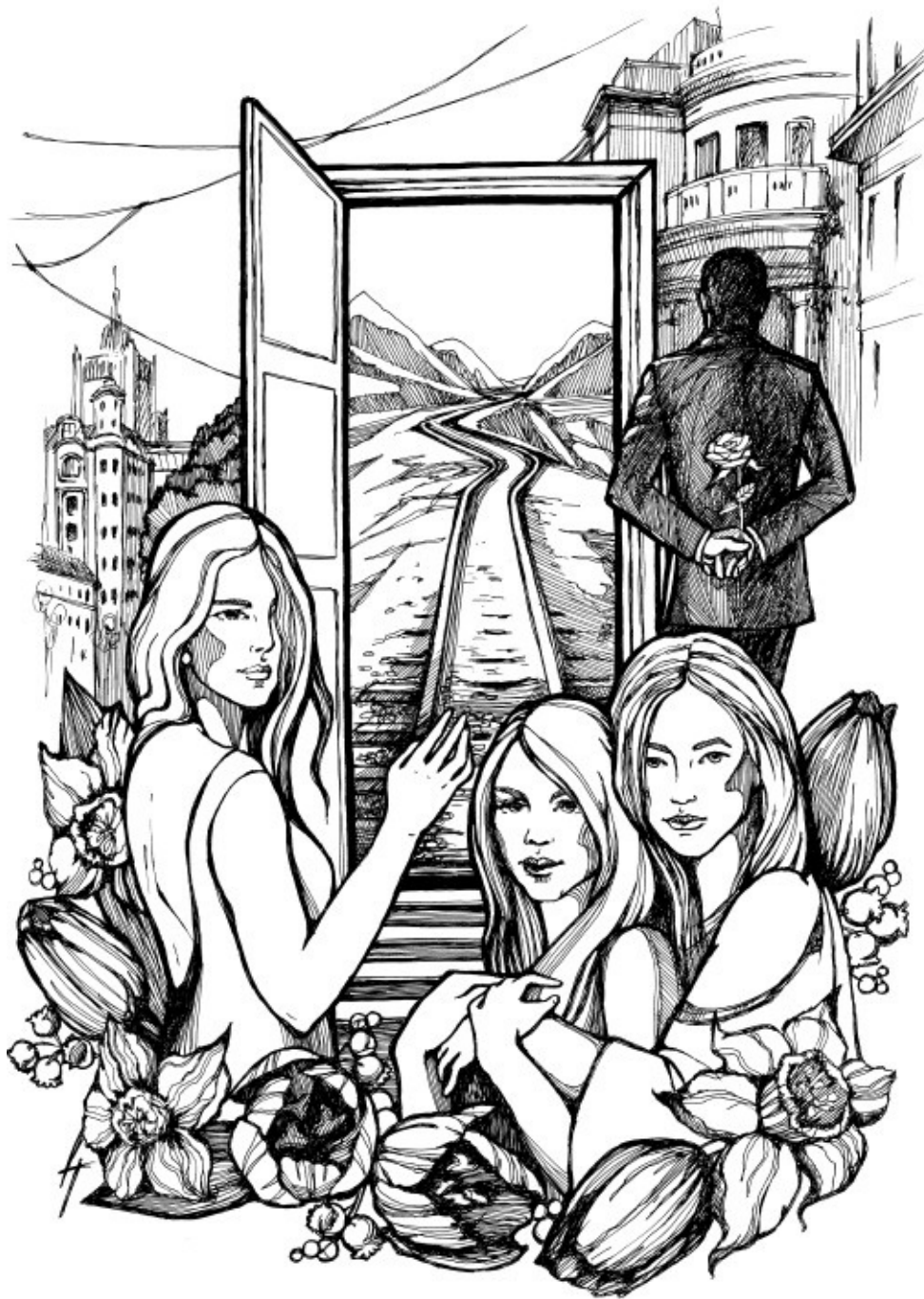
– Вроде того. Но в человеке, помимо лиха, есть много хорошего. Это уже от конкретной личности зависит, что именно в ней жаждет пробудиться: высокомерие или эмпатия, одиночество или страсть к жизни, эгоизм или смирение.

– Я тут ради интереса ролик в инете посмотрел, и у меня сложилось впечатление, что движение партнерши в танго рождается будто даже из сопротивления...

– Ясен хрен! Разве без этого возможен интересный и продуктивный диалог? Да и от партнера требуется немало – он ведь тоже сопротивляется: не всегда комфортной поверхности под ногами, танцующим рядом людям,

обстоятельствам и всякой другой фигне.

– В общем, ничего я не понял... Что ж, заявление ваше принято, я дам ему ход, но, сами понимаете, рассчитывать на возврат денег на вашем месте я бы не стал. Вы даже расписки с него не взяли.

– Да он писать по-русски не умеет! Так, выучил, проходимец,

несколько расхожих фраз. У меня и злости настоящей к нему нет, но это дело принципа, раз киданул – пусть будет хоть какой-то шанс, чтобы он за это ответил. Чисто бабками. А в остальном я ему только добра желаю. Ладно, адиос, товарищ капитан!

– Темыч, ну чего могу сказать... Дамочка приходила такая – ух! – самый сок: каблочки стучат, глаза сверкают. Я бы еще с ней побеседовал, да на концерт она в консерваторию опаздывает, муж, мол, ждет. Муж-то небось лет на десять-двадцать моложе... Слушай, та же тема: то ли испанец, то ли аргентинец, то ли уругваец... Месяца полтора как бабки взял вперед за уроки, а сам исчез, как и не было. Ну а я про что?! Да проверил я еще на той неделе все сводки по районам и с ребятами побеседовал.

Конкретно по танго пятый случай, с десяток – туры с углубленным изучением испанского, а одна, Чумаков из «трешки» сказал, в отказ пошла, так и не призналась, чем с ним занималась, просто пять тысяч евро отдала, и все... Мол, помочь хотела великому таланту. Да читал я уже раз пять это письмо. Ну-ну! Получается, эта, как ее... Самоварова Варвара Сергеевна за семьсот километров от нас уже все видела в будущем времени?! Я сейчас еще раз ее меседж просмотрел – свои предположения она больше месяца назад прислала. Амиго, получается, в это время был еще в городе.

Так она из наших, а ее бывший начальник с отцом твоим работал... И чего она, в натуре, через сны преступления раскрывает?! Блин, ну и цирк с конями... Я и сам начал думать, что это дело рук шайки гипнотизеров латиноамериканского происхождения... Чтобы один умелец столько женщин умудрился нагреть... От бабье! А ведь именно так Самоварова и написала... С таким талантом, да еще с таким именем пускай лучше книги на заслуженной пенсии пишет, мы здесь сами как-нибудь разберемся.

notes

Примечания

1

Пер. с исп. А. Гелескула.

2

Нет, ни о чем, нет, я не жалею ни о чем... (фр.)

Выметены мои любви, и мой голос больше от них не дрожит,
выметены навсегда, я начинаю с нуля... (фр.)

4

Потому что моя жизнь, мои нынешние радости, все начинается с тебя!
(фр.).

Пер. с исп. П.М. Грушко.